

Ц.У.М.Р.
А 514

Анархический Вестник

№ 5-6 -7

Ноябрь-Декабрь -

1923 г.

- май 1924 г.

1 экз.

АНАРХИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(DER ANARCHISTISCHE BOTE)

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННЫХ АНАРХИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

№ 5-6

Переписку по делам редакции, рукописи и пр. направлять по адресу:
R. Borgmann, für „A.B.“, Paradiesstr. 14, Bohnsdorf b/Grünau (Mark), Deutschland (Berlin)

Ноябрь-
Декабрь
1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Жнут, что посеяли П. Аршинов. 1	Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней. Очерк IV Гуго Трой. 42
Положительные задачи анархизма: Возможно ли расширить сферу действия анархизма М. Неттау. 4	Очерк рабочего движения в Герман. М. Винклер. 45
Русская революция и анархизм: К вопросу о причинах „поражения анархизма“ в русской революции Волин. 8	Памяти чикагских мучеников Л. Липоткин. 49
Ответ бывшим анархистам П. Аршинов. 12	Литературный отдел: Искусство, как завет мертвых живым. Плиев. 52
Записки Нестора Махно (Окончание) 17	Три книги (Стихотворение) В. Э. 53
Национализм и современная реакция Р. Роккер. 17	Вести из России: Аресты „бандитов“ С. Флешин. 54
Русское обозрение: Политические последствия нэпа Г. Н. 27	Моя поездка по местам ссылки и концлагерям С. Ф. 58
О положении трудящихся на Украине З. 33	„Свобода пропаганды“ Б. Поль. 64
Ножницы Г. Н. 35	Моя ссылка (Окончание) Г. М. Юдович. 65
Исторический отдел: Программа общества международной революции. (Неизданный отрывок из сочинений М. Бакунина) 37	Международное движение: Конференция М. Т. Р.: Германия, Франция, Голландия, Болгария, Италия, Испания, Португалия, Китай, С. Штаты, Аргентина, Мексика, Чили, Япония. 69
	Разное: — Воззвания, отчеты и проч. 82

ЦУНПР

А 544 ЖНУТ, ЧТО ПОСЕЯЛИ

В связи с недавними революционными событиями в Германии немецкие коммунисты лихорадочно развивали свою деятельность, пытаясь увлечь за собой массы в целях захвата власти и установления диктатуры по русскому образцу. И, казалось бы, при том неустойчивом положении, в котором находится немецкая буржуазия, не имеющая ни армии, ни даже сильной полиции, окруженная определенной враждой трудящихся, задача эта не представляла собой особенных трудностей. Власть, можно сказать, «валялась на земле» — следовало лишь проявить небольшие усилия, чтобы поднять ее.

Однако, это оказалось не по силам коммунистам в Германии. Массы не проявили и сотой доли того подъема и доверия к ним, которые имели место в до-октябрьские дни в России. Немецкие коммунисты остались в ужасающем меньшинстве, повиснув в воздухе с идеей своей диктатуры. И этот провал, прежде всего и главным образом, является плодом всей практики коммунистов-большевиков в России.

Что победоносная социальная революция возможна лишь при революционной солидарности трудящихся нескольких стран, — это ясно каждому. Начата в какой-либо одной стране, она сможет развиваться и закрепляться лишь при революционной поддержке трудящихся других стран и в первую очередь стран соседних. Иными словами, успех социальной революции возможен при условии, если революция охватит несколько соприкасающихся стран. Без этого условия революция, оказавшись в капиталистиче-

ском окружении, вынуждена будет или героически погибнуть или пойти на уступки врагам вплоть до сдачи им основных своих позиций. Даже в такой огромной по населению и пространству стране, изобилующей природными богатствами, как Россия, социальная революция не может пройти, не испытывая на себе колоссального давления остального капиталистического мира.

Следовательно, рабочий класс, поднявший социальную революцию, должен постоянно помнить о необходимости этой международной революционной связи, должен держать курс на революцию в соседних странах.

В России об этом говорилось с первых дней октябрьского переворота. Говорится без устали и по сию пору, особенно коммунистической партией, несущей на себе ответственность за трагическую судьбу русской революции. Однако, ничто так не разрушало связь русской революции с революциями других стран, как практика большевиков в России. В течение пяти с лишним лет ими проводится политика беспощадного подавления всякого революционного движения, идущего под самостоятельным знаменем и не в точности по большевистскому пути. Изгнаны или задушены — анархизм, революционный синдикализм, левое народничество.

Комвласть усиленно маскировала действительное положение дел в России. Преследуя вплоть до истребления всякое революционное движение на месте, она в то же время упорно утверждала пред лицом трудящихся Европы и Америки, что в России революционный элемент не преследуется. Но то, что в 1919—20 г. г. еще хранилось в тайниках российских чека, что, под прикрытием революционной фразы, проделывалось на заводах и в деревнях Великороссии и Украины, теперь начинает лезть сквозь многие пограничные щели и знакомить трудящихся Европы и Америки с подлинным положением дел в советской России. И это несомненно ведет к изоляции русского большевизма от мирового рабочего движения.

Если в 1918—19 г. г. русские большевики смотрели на революцию в центральных государствах Европы, и главным образом в Германии, как на естественное дополнение к русской революции, — дополнение, в котором они рассчитывали занять руководящее положение, — то теперь им об этом и мечтать не приходится.

Несомненно, захват власти в Германии является главной ставкой большевиков в борьбе за установление их государственного владычества в Европе.

Еще с 18-го года путь дальнейшего распространения и укрепления большевизма обозначился через советизацию Германии. Последующие годы, принесшие большевикам развал хозяйства и этим поставившие их в безвыходное положение, еще более настойчиво подчеркивали, что предотвратить надвигающуюся катастрофу возможно лишь путем захвата богатейшей германской индустрии, т. е. путем захвата власти в Германии. И этот захват в течение всех последующих лет был основной задачей росс. комм. партии. И что бы ни говорил К. Радек о несвоевременности для коммунистов перенятия власти в Германии, мы знаем, что заявления его по этому поводу суть не более, как политика, шитая белыми нитками: для него, как и для всей р. к. п., захват власти в Германии является единственным выходом из создавшегося для партии тупика.

Но в то время, как 1918—19 г. г. этот захват мог быть совершен на почве целостного революционного движения трудящихся, в настоящем большевики лишились этой почвы, оказавшись в положении небольшой, оторванной от масс, группы профессиональных захватчиков власти.

Ибо, если в 1918—19 г. г. революционные элементы Европы и Америки, отождествляя

русскую революцию с большевизмом, были на стороне последнего, то теперь эти элементы, увидев тираническое и эксплуататорское нутро большевизма, становятся к нему в решительную оппозицию. Нет той страны, где бы в настоящее время большевики не имели против себя оппозиции среди революционной части трудящихся. Не с белогвардейщиной только, как это было шесть лет назад в России, а с наиболее радикальными элементами рабочего класса приходится большевизму бороться теперь за установление своей диктатуры.

В частности, в Германии — предпринятая коммунистами агитация за захват власти встретила определенное возражение со стороны наиболее революционной части рабочих — анархистов и революционных синдикалистов, которые указывали на преследование революционеров и революционной идеи в России и которые разоблачали коммунистов, как простых захватчиков власти, стремящихся к порабощению и эксплуатации труда в интересах своей партии.

Несомненно, революционные рабочие других стран отзовутся подобным же образом на домогательства большевиков захватить власть.

Но это еще не все: это — лишь первые плоды шестилетней деспотии коммунистов в России. Противобольшевистский фронт в революционном пролетариате Европы и Америки теперь будет расти изо дня в день, по мере того, как подлинная действительность в России, — гонения большевиков на социальную революцию и ее поборников, на рабочих и крестьян, протестующих против закабаления и ограбления их труда, — станут все более и более известными трудовым массам Европы и Америки. В этом отношении больше других могут и должны сделать русские анархисты, пережившие все этапы революции и располагающие всей полнотой материала.

Мировая большевистская революция, уже сейчас болеющая тяжелыми перебоями сердца, стоит накануне вырождения в чисто военные авантюры. Не имея прочной опоры среди европейского пролетариата, коммунисты попытаются прибегнуть к единственному, остающемуся у них, средству — или ринуться в международную войну и силою армий вводить свой режим в соседних государствах, или же стараться захватывать власть в отдельных странах силою интернациональных военных отрядов, при пособничестве местных коммунистических партий и некоторых подкупленных вожakov профессионального рабочего движения.

Не трудно видеть, что в первом случае коммунисты усилят лишь национальную вражду, гибельную делу освобождения трудящихся, а во втором — создадут поножевщину между захватчиками власти и революционными слоями пролетариата, — поножевщину, в которой большевизм найдет свою верную гибель.

П. Аршинов.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ АНАРХИЗМА

ВОЗМОЖНО ЛИ РАСШИРИТЬ СФЕРУ ДЕЙСТВИЯ АНАРХИЗМА *)

Когда человек впервые открывал ту или иную силу природы, которой ему предстояло впоследствии воспользоваться (напр., огонь, электричество), — широкие массы еще не знали, что с этой силой делать; между тем, отдельные живые или передовые умы начинали овладевать этими силами — либо путем опыта, либо при посредстве строго логических умозаключений, либо, наконец, при помощи творческого воображения, позволявшего им предугадать будущее. Но никто, конечно, не мог точно предвидеть медленного, постепенного хода подлинных событий, каким мы видим его теперь, оглядываясь назад.

Так же обстоит дело с открытием свободы — понятия и устремления, широкое и полное применение которого к общественной жизни разработано нашими, анархистскими идеями. И как во всем, путь от открытия до осуществления долг.

В доисторические времена человек чувствовал себя связанным с коллективом узами бессознательной неизбежной солидарности; вместе с тем, он испытывал желание уйти от этой солидарности, ставя себя в положение господина над другими, властителя, если у него хватало на то силы; те же, кого он в этом случае притеснял, защищались при помощи указанной коллективной солидарности, в которой отдельный индивид тонет и исчезает. Немало времени понадобилось для того, чтобы перейти от этой грубой борьбы между индивидом и массой к эпохе, когда некоторые, — очень немногие, — осознали понятие истинной альтруистической свободы, уважающей и признающей чужую свободу, — вполне отличной, следовательно, от кажущейся «свободы» тирана, не признающего ничего, кроме своего собствен-

ного засилья. Не следует забывать, что система грубого насилия над поработанными массами, покорно грызущими свои удила, поддерживалась особой идеологией — религиозной, моральной, политической и традиционной, которая освящала и превозносила власть с одной стороны и покорность с другой. Сопротивление этой системе стало оказываться по всей линии; оно продолжает оказываться и теперь. Бедняки никогда не были подчинены вполне, ни физически, ни духовно: никогда не прекращались ни пассивное сопротивление, ни глухой ропот, ни повторявшиеся на всем протяжении веков индивидуальные и коллективные возмущения, ни борьба умов против религии, против царей и престолов, против засилья богатых, — борьба, ведомая и наиболее выдающимися представителями философской мысли, и народным искусством (в частности народной сатирой), и подлинной, идущей прямо вперед, наукой. Цари и богатеи никогда не чувствовали себя в полной безопасности. Но было, очевидно, слишком трудно, — до сих пор было даже невозможно, — действительно координировать народные силы, пробудить тающиеся в них возможности, очистить их от атавистических примесей, зажечь их победоносным порывом и сообщить им ту действенность, которая вытекает лишь из опыта. Мы видим то смелых мыслителей, то еретиков и атеистов, отрицателей условной морали, то политических мятежников, то бунтующих крестьян и городских рабочих; мы видим, как все они на протяжении истории с тысячами сторон поднимают знамя восстания; мы видим, как растут все эти разрозненные силы; и наше чаяние грядущей свободы основывается на возрастающей силе нападков на старую систему властничества, восходящую к темным и диким доисторическим временам и ныне изжившую себя, не представляющую собою ничего иного, как ненужные леса и строения, позади которых человечество ожидает часа своего коллективного освобождения.

Час этот мог бы пробить весьма скоро, — стоит только действительно захотеть. При ви-

*) От редакции. — В след. ном. «А. В.», вместе с окончанием предлагаемой статьи тов. М. Неттлау, редакция даст статью, освещающую иначе поднятый тов. Неттлау вопрос и возвращающую на некоторые его выводы.

де современной разрухи, всех этих последствий властнической системы, невольно спрашиваешь себя: чего же еще ждать? Какие еще преступления должна совершить власть, какой вызов бросить, чтобы исполнилась, наконец, мера терпения народного? Но присматриваясь ближе, видишь, что почти каждый так или иначе захвачен механизмом старого строя и чувствует себя бессильным вырваться. В различных областях прогресс подвигается с различной скоростью, и старая система сумела, поэтому завладеть в свою пользу механическими изобретениями и усовершенствованиями 18-го и 19-го веков, — изобретениями, которые в мире свободном могли бы так сильно упростить и облегчить человеческий труд; эта система сумела ослабить действие великодушных работ в области естественных наук и, в то же время, продлить влияние церкви и официальной — т.е. реакционной — педагогики на народный ум, начиная с детского возраста; она сумела внешним образом приспособить и приладить к неизменному в своем существе и не могущему меняться властническому принципу — пустую обрядность и фразеологию мешанского либерализма и радикализма, сумела прикрыть безобразный лик властничества внешним лоском парламентаризма, этой лживой маской свободы; наконец, эта система постоянно пытается исказить, подменить, замазать социальный вопрос путем различного рода паллиативов, внося разлад в среду трудящихся и нанося удары передовым мятежным элементам, устранив их в меру возможности.

Социально-революционные устремления народных масс, явившиеся результатом стольких усилий, стольких движений и стольких достижений в области мысли в первой половине 19-го века, нашли, наконец, твердую опору в лице Первого Интернационала и впервые выступили в бой в Парижской Коммуне 1871 года. Какие плоды могли бы они принести теперь, пятьдесят лет спустя, если бы не гибельное отступление тех, — Маркса и иных, — которые в то время сознательно вовлекали своих последователей в узкие рамки буржуазного парламентаризма, подменяя социализм социал-демократией, революционный синдикализм — реформизмом, дух возмущения — пагубными идеями дисциплины, централизации, диктатуры! Ведь, подобно тому, как в 16-ом веке вчерашние протестанты и еретики в мгновение ока становились самыми ожесточенными и свирепыми гонителями всех свободомыслящих, подобно тому, как Кальвин сжег Сервета, так и социал-демократия принялась преследовать революционеров и анархистов, и Марке сжег бы Бакунина, если бы располагал костром. Таким образом, приходи-

лось начинать сначала. Анархизм, гонимый и преследуемый со всех сторон, разработал ясное свои идеи, затем стал открыто проявлять себя рядом смелых актов протеста и все усиливающимся влиянием на литературную и художественную жизнь того времени, и, наконец, снова вошел в более тесное соприкосновение с массами при посредстве революционного синдикализма, внутреннего им и развившегося в ряде стран. Кроме того, анархизм стал понемногу выходить на арену опыта: он действовал в первых рядах возобновившихся народных восстаний: «красной недели» в Барселоне (1909), в Романье (1914) и др. И можно было предвидеть, что повсюду народные массы вновь вступят на революционный путь, оттолкнув приспешников капиталистической системы, каковыми стали социал-демократы.

К несчастью, анархисты были слишком поглощены всей этой интенсивной деятельностью и не могли предусмотреть, что стремление буржуазии в крупных государствах устранить конкуренцию со стороны того или иного другого крупного государства, — хотя бы и ценой войны, — стремление, связанное, к тому же, с желанием буржуазии небольших территорий, изобилующих естественными богатствами, основать мелкие националистские государства, — что это двойное стремление, искусно поддерживаемое усилиями дипломатии, существующей лишь для того, чтобы подготавливать и творить зло, — приведет, в конце концов, к мировой войне, которая вспыхнет по первому попавшемуся поводу, как оно и случилось в 1914 году. Недостаточно занимались также углублением идеи интернационализма, столь очевидной и благородной, что ее считали выше всяких споров, но которая оказалась, тем не менее, незаметно и коварно подорванной, благодаря пресловутой «защите национального труда», — задаче, которую берет на себя всякий так-называемый «практический синдикализм», независимо от того, говорится ли об этом вслух или нет. Эта особая, якобы практическая цель связывает интересы рабочих данной страны с интересами «своей» национальной буржуазии, а, следовательно, и с интересами «своего» государства, с идеями его мощи и его престижа, поддерживаемых его правительством, его дипломатическими отношениями, а в случае надобности — войной, победой, сокрушением торговых соперников. Благодаря всем этим путям и традиционному национализму, держащемуся, главным образом, на невежестве касательно других стран, их истории и их обычаев, а также на лжи, которую, пользуясь этим невежеством, распространяет относительно соседей казенное «патристическое» просвещение в каждой стране, — благодаря всему этому, в тот момент,

когда вспыхнула война, всякое сопротивление ей со стороны рабочих и революционеров исчезло, словно по мановению волшебного жезла, или — вернее — оно даже вовсе не проявилось, несмотря на ряд красноречивых фактов (хотя бы убийство Жореса), которые могли бы заставить призадуматься. Лишь впоследствии стала медленно нарастать оппозиция против войны, проявившая много мужества и самоотвержения, но не оказавшая никакого серьезного влияния ни на ход событий, ни на длительность ужасной, более чем четырехлетней бойни. Ни русская революция в марте 1917 г., ни события, последовавшие, осенью 1918 г., в Германии и Австрии за их истощением и невозможностью продолжать военное сопротивление, и также названные, весьма впрочем неосновательно, «революцией», не были следствиями какой-либо революционной рабочей оппозиции войне. Однако, эти события положили конец великому молчанию, воцарившемуся было вокруг социализма: после мгновенного, — с виду столь легкого и полного, — развала трех застарелых абсолютизмов, — российского, австрийского и германского, вопрос о возможности социализма стал в порядок дня; решительный же ход событий в России по направлению к социалистическому строю дал непосредственный громадный толчок к практическому рассмотрению целого ряда вопросов, считавшихся до тех пор принадлежащими еще не столь близкому будущему.

Однако, словно в силу какого-то рока, этот единственный в своем роде случай был опять-таки упущен, и мы с тех пор не очень-то продвинулись вперед. Вышло так, что великолепный подвиг русской революции пошел на пользу одним только узурпаторам и медлолобам захватчикам, воспользовавшимся им для того, чтобы создать свою диктатуру, длящуюся до сих пор и пользующуюся приемами царизма и капитализма, служа, в конечном счете, лишь делу prolongации буржуазного абсолютизма. Таким образом, авторитарный социализм, оказавшись у власти, не преминул принести весь тот вред, о котором, как вытекающем из всякой властнической системы, предупреждала анархистская критика. Но потребовалось чересчур много времени, уходили драгоценные годы, прежде чем эта истина могла быть вообще понята. Загоревшиеся повсюду чувства глубокой солидарности и доверия к первой, притом столь обширной, стране, целиком приобретенной для дела социальной революции, не только заставляли молчать всякую критическую мысль, но и вносили смятение во всё революционное движение, создавая искренних сторонников яко-бы временной или переходной диктатуры (не говоря здесь об искусственных,

лицемерных течениях, импровизированных повсюду при помощи беззастенчивой и распространяющей огромными средствами пропаганды). Этот период смутного, не размышляющего и, главное, слепо восторженного энтузиазма, — созерцательного, а не действенного, — заполнил как-раз: эпоху конца войны; месяцы, в течение которых произошли решительные изменения в Средней Европе (в конце 1918 года); и, наконец, годы мирных договоров, вакханалий победоносного национализма, экономических дикостей и жестокостей, бесконечных и безысходных конференций, — одним словом, период между 1918-м и нынешним печальным 1923-м годом (ибо мы из этого периода еще далеко не вышли), когда Средняя Европа подвергается пыткам и истязаниям, приведшим ее к тому состоянию, в каком мы ее видим ныне, в преддверии зимы 1923-1924 года, которая неведомо как отзовется на населении, выбившемся из последних сил и из всякого терпения, каково, например, население Германии.

Итак, с 1917 по 1923 год диктаторский коммунизм пропагандировался и превозносился на все лады; проделаны были все, возможные на поле маневров, эволюции, в целях группировки, размещения и перегруппировки организованных рабочих сил; но, за одним единственным исключением, ни в одной стране не было сделано ничего серьезного, не было даже высказано ни одной действительно ценной и обемлющей идеи, которая дала бы толчок, — в революционном или, хотя бы, просто гуманитарном направлении, — международному рабочему движению и страждущему человечеству вообще. Единственным только-что упомянутым исключением служит занятие фабрик и заводов в Италии в 1920 году, которое заменило устарелый метод стачек и могло бы означать начало решительной экспроприации, если бы этому примеру последовали и в других местах. Пожалуй, можно также признать новым фактором в практике социальной борьбы пассивное сопротивление, оказанное немецкими рабочими в Рурской области. Но как раз революционеры в Германии придают этому сопротивлению ничтожное значение и полагают, что массы, решившиеся на применение такой тактики, могли и должны были бы идти дальше. В других же странах об этом вообще не помывают, и идея о том, что организованные рабочие Франции, Англии, Италии, Бельгии и других стран могли бы, в течение этих восьми месяцев, стать на тот же путь и поддерживать сопротивление немецких рабочих аналогичными действиями, — эта идея, повидимому, никому не пришла в голову.

Подобное воздержание, оставляя, — в 1923-м, как и в 1919-м году, — поле деятельности совершенно свободным для заключателей и ис-

полнителей всяких продиктованных договоров (которым не подчинилась, даже формально, одна только Турция), тем самым, конечно, способствует распространению хозяйственной гангренны из саботируемой и разоренной Средней Европы в другие страны, где милитаризм процветает более чем когда-либо, но экономическое положение далеко от удовлетворительного. Остается вопрос, насколько свалившийся на капиталистам всех стран с неба подарок — разрушения, произведенные в Японии землетрясением, необходимость обширных работ по восстановлению этой страны и временное сокращение промышленной конкуренции с ее стороны — положит предел безработице в Англии и в других странах, что означало бы новую поддержку для анти-революционного дела капитализма*).

Насколько мне известно, ни в одной стране организованный рабочий класс не поднял серьезного протеста против договоров, навязанных побежденным; таким образом, он либо солидаризовался с этими договорами, либо остался индифферентным... Критика их, данная несколькими умными и мужественными людьми, как Э. Д. Моррель, Густав Дюпен и др., не меняет существа дела. В 1923-м году, как и в 1914-м, правительства творят, что хотят. Истинно братские и интернациональные чувства, объединяющие революционеров различных стран, не приводят пока не только ни к каким действиям, но даже ни к каким широким плодотворным идеям, которые можно было бы бро-

сить в массы; тот же факт, что заправили международного парламентского социализма вновь группируются вкупе и влюбле, столь же маловажен, как и их так-называемый Второй Интернационал 1914 г. Таким образом, всюду приемлют данное положение вещей, за исключением побежденных, которых, однако, называют националистами, если они не хотят мириться с угрожающим им и их детям разорением.

Чего ожидать при подобном упадке — не только реально, но, как мне кажется, и духовном? — Право, я не вижу, чтобы из этой инертности и равнодушия возникла социальная революция или какая-либо творческая или даже просто практическая идея, или хотя бы жест. Прямо или косвенно, но народные массы в Европе остаются на поводу у капитализма, за исключением лишь тех, которые дают себя обманывать диктаторскому коммунизму. Правда, анархисты и революционеры, а также и некоторые гуманисты пытаются сделать, что могут; но голоса их не находят соответствующего резонанса и не долетают до масс. А между тем, их дело, наше дело — так прекрасно, и у нас есть так много, что сказать. Что надлежит делать сейчас, немедленно, при настоящих условиях, — вот, вопрос, который, на мой взгляд, еще более животрепещущ, нежели вопрос о том, что надобно будет делать в случае революции. Ибо общее положение таково, что мало приходится рассчитывать на скорое наступление этой революции; и затем — то, что мы сможем сделать, когда она наступит, будет зависеть от того, чем мы будем в момент революции, то-есть от того, что мы успеем сделать до ее наступления, от того, что мы будем делать сегодня и завтра!

(Окончание следует)

М. Неттлау.

*) С тех пор, как были написаны предыдущие строки, над Испанией, одной из колыбелей и надежд: Интернационала, нависла угроза фашистского режима, могущего вопариться вслед за военным переворотом, если только народ не воспротивится тому с быстротой, подъемом и силой, и с помощью практических и действительных средств, которые, — будем надеяться, — он сумеет найти.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АНАРХИЗМ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ „ПОРАЖЕНИЯ АНАРХИЗМА“ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Подобно всем прежним революциям, — хотя и в новой, своеобразной форме, — русская революция направилась по политическому руслу, подпала под высокую руку политической партии и вылилась, пока, в революцию политическую и властническую. Таков ее основной факт, означающий, — в глазах многих, — по меньшей мере временное «поражение» в ней анархизма, а следовательно, — с нашей точки зрения, — поражение и ее самой, как революции социальной.

Факт этот, во всяком случае, с настойчивостью выдвигает на очередь два вопроса: 1) почему анархическая идея не осуществилась в революции 17 года? 2) какие условия — объективные и субъективные — необходимы для того, чтобы эта идея когда-либо осуществилась?

Несомненно, первые же попытки до конца проанализировать эти вопросы и дать на них убедительный, а главное — по возможности полный ответ ведут нас к ряду более глубоких проблем (социологических, экономических и др.), исчерпать которые в небольшой статье невозможно, и которым — свое место. (Таковы, напр., вопросы: о реальной базе анархизма и о возможности осуществления его вообще; о роли различных факторов в истории и в революции; о массах и их роли, и мн. др.).

В настоящей заметке мы не будем углубляться в эту «подпочву»: коснемся лишь некоторых непосредственных, конкретных обстоятельств дела, на которых хотелось бы теперь же, не откладывая, остановить внимание читателя.

Я не совсем согласен с товарищами, которые в число главных причин неосуществления анархической идеи (или, как большей частью выражаются, «поражения анархизма») в русской революции 1917 года вводят такие явления, как некоторую неопределенность и абстрактность анархических идей; отсутствие у анархизма точной практической программы завтрашнего дня — ясного, конкретного ответа на вопрос, что делать; затем

— дезорганизованность и распыленность наших сил; отсутствие серьезной организованной пропаганды; организационную оторванность анархизма от широких трудовых масс и т. п.

Можно, конечно, считать, что если бы наших собственных минусов было меньше, то распространенность и успех анархической идеи были бы значительно шире и глубже. Следует, конечно, по возможности устранять наши идейные и, в особенности, организационные недочеты, и в этом отношении опыт русской революции должен послужить для нас хорошим уроком... Но не следует преувеличивать, переоценивать значение этих недочетов, тем самым невольно упуская из вида другие, притом именно главные стороны дела. Не в этих наших недочетах, — думаю, мне, — лежит центр тяжести причин неосуществления анархической идеи в русской революции. И я думаю, что если бы в этой революции анархисты давали в десять раз более определенные, точные и ясные советы и указания, и если бы они были в десять раз лучше организованы, — анархические идеи, все-же, не осуществились бы, и анархизм, все-таки, понес бы временное «поражение». (Я, при этом, очень далек от мысли, будто анархическое движение не укрепилось только благодаря демагогии и государственному насилию большевиков. Я считаю последнее, — даже среди непосредственных причин неудачи, комплекс которых многообразен и сложен, — явлением весьма производным, фактором «третьего ряда». Самая его возможность порождена более глубокими и существенными причинами. Одну из таких существенных — именно главных — причин я и хочу отметить здесь).

С одной стороны, необходимо лишний раз отметить, что «победившие» в революции большевики также не имели заранее ни точной практической программы завтрашнего дня, ни ясного, конкретного ответа на вопрос, что делать. Они постоянно колебались, шли ощупью и беспрерывно меняли свои, даже ближайшие, задачи и лозунги, применяясь к стихии массо-

вого движения и нередко хватаясь даже за анархические лозунги. (Достаточно вспомнить историю Учред. Собрания, рабочего контроля над производством и мн. др. Как известно, большевики ставили и ставят себе даже в заслугу отсутствие точной и твердой программы и умение приспособляться). Их общий лозунг захвата политической власти, конечно, не может идти в счет и отнюдь не ставит их, в отношении практической программы, выше анархистов. В этом лозунге не заключалось для масс никакой конкретной программы революционного действия и творчества. Наоборот, значение этого лозунга было, по существу, чисто отрицательным, так как он говорил массам, что им не надо особенно думать о какой-либо деятельности, а надо лишь помочь партии захватить власть; дальнейшая же программа действия будет делом этой партии... Анархисты, как таковые, разумеется не могли иметь подобного лозунга. Они могли лишь утверждать противоположное (и, несомненно, более конкретное): надо не партии помогать захватывать власть, а самим трудовым массам, в лице рабочих организаций, крестьянских обществ, кооперативов и пр., объединяться и брать землю, фабрики, заводы и т. д., чтобы налаживать всю хозяйственную и общественную жизнь на новых началах. Это анархисты (по крайней мере, значительная часть их) и делали. — Точно так же, партийная организация, — кажущаяся, искусственная, фальшивая, ничего не дающая революции, — не представляет собою, по сравнению с анархической дезорганизованностью, решающего преимущества и отнюдь не гарантирует «победы» в революции. Доказательством служит хотя бы то обстоятельство, что не одни только анархисты, но и ряд сильнейших политических партий, не хуже большевиков организованных и имевших не менее «конкретные» программы (с.-д., с.-р., левые с.-р.) или даже бывших уже у власти (с.-р.), понесли, в конечном счете, поражение и были побеждены большевиками. —

Вывод ясен: большевики «победили» в революции, не имея ни подлинно конкретной программы завтрашнего дня, ни подлинной организации.

С другой стороны, — и это еще более существенно, — я имею данные утверждать, что самые указания на отсутствие у анархистов ясных практических построений в русской революции, если и не совсем неверны, то, во всяком случае, очень преувеличены и раздуты в

нашей среде, чересчур увлекшейся, после «поражения», самобичеванием в отношении недавнего прошлого. (О настоящем — после русской революции — положении вещей, которое, несмотря на это самобичевание, значительно хуже, я здесь не говорю).

Передо мной — множество анархических газет и изданий, как до-революционного, так и революционного периода, в которых я нахожу обильное количество статей, резолюций, протоколов и пр., деловито и подробно, — подчас даже слишком подробно, — разрабатывающих самые конкретные вопросы революции и дающих на них самые точные и ясные практические ответы. Я не стану, конечно, приводить здесь весь этот материал. Но если бы читатель пожелал проверить мое утверждение и лично убедиться в его справедливости, то пусть внимательно проштудирует, хотя бы, ряд номеров сев.-американского «Голоса Труда» (1914 — 1917 г.г.), все номера Питерского «Голоса Труда» (1917 — 1918 г.г.), многие номера Московской «Анархии», некоторые провинциальные газеты (напр., Харьковскую «Рабочую Мысль», украинский «Набат» и др.), затем — данные во время революции протоколы и резолюции конференций и съездов... Он найдет везде не только целый ряд определенных и точных указаний относительно конкретных задач революции, но и подробно разработанные проекты и схемы положительного строительства в социальной революции, схемы новой хозяйственной и общественной организации, практические построения и т. д.

Все, что я читаю теперь, — после революции, — в русской и не-русской анархической и синдикалистской печати о задачах революции, написанное зачастую теми самыми товарищами, которые беспрерывно говорят о необходимости более конкретных и точных практических указаний и ответов и об отсутствии их в революции русской, как об одной из главных причин «поражения» в ней нашей идеи, — все это ни на ноту не идет дальше и не говорит больше того, что уже было сказано до и во время русской революции. Простое сопоставление нынешнего материала с материалом указанных мною газет и изданий убедит читателя в сказанном.

Этого мало. Ряд товарищей-рабочих в России могли бы подтвердить, что за первые месяцы русской революции, пока анархисты еще пользовались свободой слова, ими было сделано значительное число устных выступлений

(лекции, собеседования, речи, доклады, рефераты и пр.), нередко дававших весьма определенные, точные и конкретные указания относительно ближайших задач революции в анархическом смысле.

Но и это еще не все. В русской революции существовало массовое движение, пытавшееся и начавшее, было, конкретно действовать в анархическом направлении. Я говорю о махновщине.

И если уж сравнивать, то, — как я упомянул выше, — идеи, лозунги, построения и деятельность значительной части анархистов в русской революции были, на мой взгляд, гораздо более конкретными и отвечающими массам на вопрос, что делать, чем идеи, построения и деятельность большевиков. Работа — увы, недолгая — анархистов (правда, сравнительно немногих; но их и вообще было немного) в фабрично-заводских комитетах, с определенным стремлением к перенятию в руки рабочих организаций всех предприятий; лозунг непосредственного захвата земель, фабрик и заводов — вместо половинчатого и расплывчатого «контроля над производством»; идея экономически-классового объединения и действия трудовых организаций — вместо туманных опытов с Учредит. Собранием; идея объединения города и деревни на началах трудового хозяйства, товарообмена и кооперации, и мн. др., — все это надо признать гораздо более точными и конкретными революционными построениями, чем политические комбинации, партийно-правительственные полумеры и доктринерские декреты сверху большевиков. Да, наконец, уже и сам по себе призыв анархистов к подлинной самостоятельности масс, — с указанием на то, что учреждения, политические съезды и пр., организуемые большевиками, занимаются политической болтовней и пустяками, вместо реального дела, которым должны были бы заниматься трудящиеся в момент революции, — показывает, что анархисты отнюдь не были чужды конкретности и практическому подходу к делу.

Когда я пересматриваю и припоминаю все это, — я хочу спросить товарищей: какой еще — большей — точности, конкретности, ясности и практичности им надо? Что, вообще, называть конкретным в революции? Мыслимы ли, в отношении революции, заранее точные ответы на вопрос, что делать? Мыслимы ли точные практические программы? Возможны ли они, и нужны ли они?.. И затем — в самом

ходе революции — неужели массы требуют, чтобы их совали носом в каждое дело и подсказывали им всякий отдельный шаг? Но если так, то мыслимы ли, вообще, самостоятельность масс и плодотворная революция, и нет ли здесь глубокого противоречия?.. Если так, то пусть же товарищи, тоскующие по более практическим и точным ответам на вопрос, что делать, действительно попробуют дать эти аптекарские рецепты!.. Я склонен думать, что они их так никогда и не дадут, ибо их нет и не может быть. Или — товарищам придется покинуть самую платформу революции... Я думаю, что массы в революции отнюдь не пристают на каждом шагу с вопросом, что делать, и не нуждаются в том, чтобы им преподносились готовые рецепты. (По крайней мере, я лично не наблюдал такого явления). Я думаю, что тоска по «практическим ответам» превратилась у некоторых из нас, после русской «неудачи», в какую-то навязчивую идею, объяснимую, отчасти, наступившим после революции — и до известной степени понятным — поветрием самобичевания, а отчасти — кажущейся конкретностью большевистских «ответов» и «победой» большевиков. Я считаю эту тоску и это самобичевание изрядными преувеличениями, — перегибанием палки в обратную сторону; и полагаю, что пора несколько умерить то и другое. — Что касается организации, то в этом отношении мы имеем, конечно, несравненно более серьезный и реальный повод к самокритике и к исканию более правильных путей. Из недочетов, которые мы можем поставить себе в большой укор, я считаю наиболее существенным именно недочет организационный. В этом отношении, анархистам, несомненно, необходимо сделать крупный практический шаг. Им следует найти форму собственной организации и энергично организоваться. Однако, и в этом вопросе не надо впадать в преувеличения и думать, будто большая наша организованность может явиться решающим фактором в революции. И здесь мы не должны обманываться кажущимися ролью и значением «организованных» партий и равняться по их шаблону. —

Окончательный вывод ясен: большевизм «победил» в революции, а анархизм понес «поражение» отнюдь не потому, что первый был, будто-бы, конкретен и организован, а второй нет. Решающие, главные непосредственные причины лежат в совершенно иной плоскости.

Почему же так случилось, и в какой же плоскости лежат эти причины?

На это я отвечаю следующее:

Среди действительно главнейших непосредственных причин неосуществления анархической идеи в революции 17 года — одной из главных, которую я хочу здесь резко подчеркнуть, является отсутствие в России, вплоть до самой революции, широкой сети прочных, имеющих историческое прошлое, прошедших известный путь идейного развития, опыта и борьбы, классово-трудовых организаций. (Я разумею, при этом, под последними не только узко-профессиональные, или именно синдикалистские, или индустриалистские организации, но и те, и другие, и третьи, — словом, какие бы то ни было классовые организации трудящихся — рабочих и крестьян — профессионального, производственного и потребительского характера).

Конкретные идеи, живая пропаганда, ясные указания и практическая деятельность анархистов имелись в достаточном количестве. Но не было тех щупальцев, тех приемников и резервуаров, всего того конкретного аппарата, который был бы готов ловить на-лету, закреплять, расширять и самостоятельно конкретизировать эти идеи. Анархические идеи бросались в воздух и рассеивались, нигде не встречая «принимающих станций». Они не могли, поэтому, претворяться в жизнь определенными социальными клетками. Не было тех органов, которые могли бы, живым откликом встретив эти идеи, сами обосновать на них свое реальное дело и, таким образом, противопоставить самостоятельную революционно-классовую концепцию и деятельность партийно-политической доктрине и практике.

Именно поэтому, главным образом, «наши построения обычно не выходили за пределы узкой анархической среды» (т.-е., они выходили, но бесплодно рассеивались в пространстве) и «закисали, не переходя в более широкую среду рабочих и крестьян». Именно отсюда — «организационная оторванность анархизма от широких трудовых масс, облегчившая большевикам разгром анархистов». Именно отсюда, вообще, — предоставление массами всего поля деятельности большевикам. Не имея своих, готовых к действию, классовых организаций, массы, естественно, были беспомощны перед лицом жадно и энергично захватывающего это

поле большевизма. Они вынуждены были ходом вещей уступить ему это поле и поддерживать его. (Сюда присоединились, конечно, и некоторые другие, второстепенные моменты). Ибо для того, чтобы рабочие массы могли действовать своим, самостоятельно-классовым путем; для того, чтобы они могли принять и начать воплощать анархические идеи; для того, чтобы, на этой почве, анархисты могли выйти из пределов своей узкой среды, связаться прочно и действительно с широкими массами, — не путем партийно-политической демагогии и практики, а сохраняя свое анархическое существо, — для всего этого необходима была не только наличность, но и огромная, живая идейная и творческая работа широкой и прочной сети классовых (профессиональных, синдикальных, производственных, кооперативных и т. д., рабочих и крестьянских) организаций, которые одни могли бы воспринять анархическую идею, отстранить большевиков, вместить анархистов, сделать эту идею предметом обсуждений, работы, опыта, строительства... Таких организаций не было. Правда, они во время революции создавались, и создавались быстро. Но было поздно ковать оружие, когда борьба была уже в разгаре. Для того, чтобы эти молодые организации, на-спех сколоченные, без опыта, без идейного развития в прошлом, могли в самом процессе развертывающейся революции успеть воспринять анархическую идею, переработать ее и приступить к воплощению ее в жизнь (а потенциально они, несомненно, могли это сделать), — надо было бы, чтобы все революционеры были анархистами... И оттенком еще раз, что нас было мало, что мы лишь с большим опозданием смогли развернуть свою работу в революции, и что в нашем распоряжении оказалось очень мало времени, так-как уже весной 1918 г. мы были сломлены.

Решающую роль в «победе» большевиков сыграло, как известно, заключение ими Брест-Литовского мира. Именно тогда они спасли себя, убив революцию и словив намечавшееся сопротивление масс их диктаторскому самоуправству. Я убежден, что если бы в тот роковой момент имелись на-лицо не распыленные массы и на-скоро созданные организации, а развитые в прошлом и деятельные классовые организации рабочих и крестьян, — Брестский

мир не был бы подписан, наше отрицательное отношение к нему стало бы твердым отношением организованных масс и большевики проиграли бы игру.

Я знаю, что моя точка зрения возбуждает ряд вопросов о рабочих организациях вообще, о их роли вне революции и в революции, о нашем к ним отношении и пр. Но я не хочу расширять рамок настоящей статьи. Позволю себе лишь кратко высказать несколько соображений.

По целому ряду причин и обстоятельств, анархическая идея, как таковая, всегда будет слаба до революции. Вплоть до последней, распространенность анархизма, организации анархистов и их влияние будут сравнительно ничтожны. В этом отношении не следует создавать себе никаких иллюзий.

Кто же будет осуществлять социальную революцию и действительно разрешать ее великие творческие задачи?

Политические партии? — Нет.

Анархические группы? — Тоже нет.

Ответ может быть только один: осуществлять и развертывать социальную революцию смогут лишь широкие массовые организации, которые,

в самом ходе этой революции, должны будут стать на революционно-классовую и анархическую точку зрения.

Реальная сила социальной революции будет заключаться не в самой по себе анархической идее, как таковой, а в соприкосновении этой идеи к мощным организациям трудящихся, в проникновении ее в эти организации, в тесном слиянии силы-идеи с силой-массой.

Анархизм, как таковой, будет слаб даже накануне своего решительного успеха. Мощны же должны быть те силы, которые смогут практически осуществить его. Эти силы (и, следовательно, сила социальной революции) — прежде всего (но, разумеется, не исключительно), в наличии мощных революционно-классовых трудовых организаций и их объединений (профессиональных, синдикальных, производственных, потребительских, кооперативных и т. д.).

Здесь я вплотную подхожу к вопросу о роли и значении рабочих организаций, организованного рабочего движения вообще и синдикализма в частности — для анархизма и для социальной революции. Об этом — в другой раз и в другом месте.

Волин.

ОТВЕТ БЫВШИМ АНАРХИСТАМ.

(По поводу декларации Гейцмана и др.)

В статье первой *) мы указывали, что главное, чего большевики добиваются в отношении анархизма, это — превращения его в простого служителя своих идей. Огромную услугу им в этом деле оказывают те из анархистов, которые на почве неудачи революции и по ряду иных причин бегут от тревожных позиций анархизма в спокойное лоно господствующей партии. Большевики охотно принимают этот элемент в свои ряды, но при этом стараются максимально использовать его во славу своей теории, в вящее посрамление теории и практики анархизма. Они демонстрируют бывшими анархистами, организуют выступления их против революционного анархизма и таким образом пытаются создать впечатление, будто сами анархисты признали, наконец, беспочвен-

ность анархизма и осуждают все то, что в анархизме является подлинно революционным, что борется за социальную революцию против большевистского ее искажения, что остается верным основным положением революционного рабочего анархизма.

Таким образом, в лице ренегатиствующей части анархистов, большевизм имеет организованную группу, которая служит ему под знаком анархизма, но анархизм своеобразного, государственнического, приемлющего все последствия партийной диктатуры в революции.

Как общее правило, вступление бывших анархистов в ряды большевиков всякий раз сопровождается декларациями, в которых «бывшие» объясняют свой уход от анархизма, неизменно предлагая при этом остальным анархистам последовать их примеру.

Такой очередной декларацией, написанной, несомненно, под диктовку руководителей боль-

*) «Анарх. Вест.» № 1, статья «Анархо-большевизм и его роль в русск. револ.»

шевизма и стремящейся внести разложение в анархические ряды, является недавно напечатанная в русской и заграничной коммунистической прессе декларация нескольких бывших анархистов с Гейцманом во главе **). («Известия» С.С.С.Р., 9-го сент. 1923 г., № 203).

Нам невольно приходится остановиться на этой декларации: во-первых потому, что она извращает роль анархистов в русской революции, пытаясь, в то же время, доказать несостоятельность основных положений анархизма, а во-вторых потому, что она направлена не только в среду русских анархистов, но еще в большей степени — в международную анархическую среду с целью реабилитировать большевиков, чья партийно-государственная политика в России заставила подозрительно настроиться революционные слои европейского и американского пролетариата.

Должно заметить, что декларация содержит в себе не мало противоречивых друг другу утверждений и вообще носит сбивчивый характер, что мешает строго и последовательно разобрать ее.

Авторы декларации пишут:

«Работая рука-об-руку с большевиками, мы не считали, однако, возможным до последнего времени слиться с ними в единой партии. Мы верили в близость наступления анархической революции во всем мире, которая должна была завершить дело освобождения пролетариата и всего человечества вслед за временным переходным периодом государственного социализма.

Мы ждали и надеялись на установление диктатуры во всех капиталистических странах Европы и Америки, так-как мы признали диктатуру неизбежной исторической фазой к достижению безвластного общества».

**) Хотя подписавшие декларацию одиннадцать человек и выставляют свой, якобы, революционный стаж, однако, участие их в анархическом движении более чем ничтожно. Все они, исключая Гейцмана, о развращающей роли которого в анархизме мы несколько говорим ниже, почти неизвестны в анархических рядах. По их собственному признанию, в течение всех лет русской революции они «работали на стороне советов», т.-е. в строгом соответствии с внутренней и внешней политикой Росс. Ком. Партии, и, таким образом, находились вне какого бы то ни было движения подлинного анархизма.

Не трудно видеть в приведенных строках два прямо противоположных утверждения: вначале авторы сообщают о том, что вера в близость анархической революции не позволила им слиться с большевиками в единой партии, а затем тут же заявляют, что признали диктатуру пролетариата неизбежной исторической фазой по пути достижения анархического общества, ждали и надеялись на установление этой диктатуры во всех капиталистических странах Европы и Америки.

Одно из двух: или вера в диктатуру, или вера в анархическую революцию. Раз диктатура признана, то веры в анархическую революцию быть не может, ибо диктатура анархистом может быть признана только потому, что у него погасла вера в свой идеал. Таким образом, вступительное заявление авторов является пустой болтовней, свидетельствующей о том, что им, в сущности, нечего сказать по поводу своего вхождения в рос. ком. партию.

Говоря в начале декларации о своей продолжительной вере в близость наступления анархической революции во всем мире и о том, что они и по настоящее время не против безвластного общества, но лишь после того, как будет пройдена стадия диктатуры пролетариата, в конце декларации авторы заявляют, что анархизм всегда стремился к синтезу взаимоисключающих идей, а потому является доктриной утопической и в жизни контрреволюционной.

Подобная путанность в понятиях и утверждениях может быть объяснима только тем, что сама декларация представляет собою, главным образом, продукт большевистской демагогии с добавлением к ней некоторой отсебятины подписавших ее. *)

*) Характерно — даже дипломатические приемы советвласти находят отражение в декларации. Так, низвергнутое в Болгарии правительство Стамбулйского авторы называют правительством крестьянства, которое впервые в истории выступило, как самостоятельная историческая сила. И это, по тактическим соображениям большевиков, говорится о правительстве, которое опиралось на крупных аграриев (кулаков) и которое в преследовании подлинного подневольного крестьянства и рабочих было так же жестоко и беспощадно, как и сменившее его правительство Цанкова.

Подойдем, однако, ближе к декларации.

Касаясь мировоззрения и практики анархизма, авторы ее пишут:

«Мы утверждаем, что анархическая мысль всегда стремилась к синтезу взаимоисключающих идей. Всечеловеческая мораль Годвина и Толстого, аристократический индивидуализм Штирнера и классовая борьба Бакунина и Кропоткина не поддаются объединению в одну научную дисциплину. Благодаря такому свойству теоретического анархизма, анархисты во всей своей деятельности в продолжение полстолетия не достигли успеха мирового значения».

Никогда революционный анархизм не пытался строить своего движения на объединении столь несхожих течений философской мысли, как учения Штирнера, Толстого, Бакунина и Кропоткина. В течении полстолетия анархизм базируется на вполне определенных положениях классовой борьбы, прямого действия трудящихся и их самоуправления в борьбе и социальном строительстве. Своеобразные учения Толстого, Годвина и Штирнера лишь подтверждают антигосударственную теорию революционного анархизма, не являясь, однако, его основой и не определяя его теоретические и практические построения, — так же, как различные теории многочисленных социалистических школ подтверждают государственную теорию марксизма, не являясь руководящими для последнего.

Теоретические и практические построения анархизма берут свои начала в революционной борьбе трудящихся и в общих чертах формулированы в классовых учениях Бакунина и Кропоткина, почему направление революционного анархизма часто называют бакунинско-кропоткинским. И авторы, бывшие некогда в рядах анархизма, знают это прекрасно, но в качестве новоявленных марксистов бросают теперь в упрек анархизму его, яко-бы, смешанный, надклассовый характер. Положение обязывает.

Мы должны здесь отметить, что теоретически и особенно организационно анархизм, действительно, отстаёт от требований жизни, не занимает до сих пор своего места в социальной борьбе. Но не потому, что он имеет

над-классовый характер, — этого в нём нет, — а потому, что он представляет собою наиболее радикальное и сложное движение трудящихся, развивающееся в совершенно новых формах классовой самостоятельности, а потому и сопряженное с особыми внутренними муками и затруднениями. Эти свои муки и затруднения анархизм, несомненно, изживает. Основанием тому служит прежде всего его строго трудовой классовый характер.

Критикуя роль анархистов в революции, авторы декларации пишут:

«Условия и цели рабочей революции властно диктуют пролетариату, т.е. организованному его меньшинству, взять в свои руки все функции общественной жизни народа, особенно же функции производства, распределения и обороны страны. Отказываясь от власти или даже от временной диктатуры, анархисты фактически в последний момент оказываются в противоречии с задачами революции».

В момент народных возмущений анархисты, усвоив абстрактную формулу: «дух разрушающий есть дух созидающий», стремились к расширению и углублению революционной стихии... Однако, опыт русской революции доказал, что одним разрушением нельзя достигнуть победы... Массы, как и анархисты, в качестве стихийной силы революции, стремятся уничтожить порядок причинности революции, ограничивая свою роль уничтожением старого порядка. Однако, кроме причин, имеются и цели революции».

Очень хорошо сказано: анархисты занимаются в революции только разрушением, массы тоже способны только на стихийное разрушение. Таинство созидания доступно лишь компартии, и от нее, как заповеди от бога, это созидание может придти и спасти темное трудовое человечество.

Мы должны, однако, поправить авторов: никогда русские анархисты не ограничивали революцию одним разрушением. Подобный бессмысленный взгляд на революцию мог быть в умах тех выходцев из мелко-буржуазной среды, которые смотрели на анархизм, как на поле личных удовольствий и приключений. К числу этих искателей приключений в анархизме в первую очередь может быть отнесен

инициатор декларации — Гейцман, который в 1905 и последующих годах, совместно с Иудой Гроссманом и еще с несколькими губителями молодого анархического движения в России, пропагандировал безмотивный террор и частичные экспроприации, как методы анархической борьбы. И лишь этими личными качествами и прошлым Гейцмана можно объяснить тот факт, что авторы так извращают роль анархистов в революции.

Русские анархисты отдавали себе полный отчет в положительной стороне революции. Движение фабрично-заводских комитетов и широких рабочих масс к социализации промышленности, организация коммун и защита революции всегда находили в анархистах преданных и неизменных сторонников себе.

Авторы хотели бы убедить читателей в том, что лишь благодаря государственному аппарату компартии и ее красной армии русская революция устояла перед нашествиями многочисленных контр-революций.

Но неопровержимым фактом в истории нашей революции является то, что защиту ее от контр-революционных сил выполнили, главным образом, сами революционные массы, самостоятельно поднявшие ряд повсеместных восстаний, выдвинувшие тактику партизанской войны и создавшие в этой войне партизанские армии.

То обстоятельство, что анархисты в России не стремились захватить власть и властническим методом не пытались организовать функции производства, потребления и обороны страны, совсем не означает, что они не имели положительных целей в революции. Цели эти у анархистов были, и они заключались в том, прежде всего, чтобы всю экономику страны перестроить на основах независимости и полного самоуправления рабочих классов. Ради этого анархисты стремились волевою энергией революции перенести в среду рабочих и крестьян, чтобы волею и силой последних строилось свободное общество тружеников. Идеи анархистов не восторжествовали, но только потому, что не восторжествовала основная революционная идея трудящихся.

Извратив теоретические положения анархизма и роль анархистов в революции, авторы,

тем не менее, обращаются к революционному духу анархистов, запугивая их опасностью международной реакции.

«Волна реакции все более и более ширится и во многих странах создается весьма угрожающее положение. Уничтожаются рабочие организации, беспощадно подавляется всякое стачечное движение, а локауты подвергают вымиранию от голода десятки тысяч рабочих семейств. Буржуазия стремится в корне подорвать все усилия рабочего класса к организации, пытаясь довести его до полного распыления, чтобы, пользуясь его разрозненностью, окончательно покончить с ним, как с самостоятельной силой, вернув рабочий класс в правовое отношение к временам рабства».

Совершенно верно, всеобщая реакция ширится и надвигается, серьезно угрожая положению трудящихся. Однако, авторы не указали самого главного — того, что реакция эта идет из «красного» Кремля, — из росс. ком. партии, и наиболее полно проведена в Росс. соц. советской республике.

Разве не в России в корне уничтожено независимое рабочее движение? Разве профессиональные организации рабочих не обращены там в дополнительные органы государства, действующие в отношении трудящихся по директиве власти? Разве стачечное движение (мы не говорим уже о революционно-повстанческом движении рабочих и крестьян, подавляемом пехотными и кавалерийскими дивизиями красной армии), вызываемое чрезмерной эксплуатацией, бесправием и увольнениями рабочих, не преследуется, как государственная измена? И разве коммунистическая власть, пользуясь распыленностью трудящихся, не привела уже рабочий класс России в правовом отношении к временам рабства?

Мировая реакция своими корнями держится в реакции росс. ком. партии, ибо практика последней в России, ее диктатура над трудящимися несомненно дали почву мировому капиталу для наступления на труд во всех странах.

Всего этого не следовало бы замалчивать авторам, раз они заговорили о защите рабочего класса от надвигающейся мировой реакции. Вместо этого они выдвигают, как защиту от

всех зол, диктатуру пролетариата по русскому образцу.

«Говорить о своевременности анархической революции не приходится. Только через диктатуру пролетариата можно избавиться от власти капитала».

Если до русской революции лозунгом «диктатуры пролетариата» можно было вводить в заблуждение некоторую часть рабочих, то после русского опыта очень немногие из сознательных рабочих позволял провести себя на этом лозунге. Ибо диктатура пролетариата в практике большевизма явилась лишь стратегическим маневром, рассчитанным на подчинение революционных масс компартии.

Сами коммунисты диктатуру пролетариата определяют так:

«Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. компартии». (Революция XII съезда р. к. п. по отчету Ц. К. партии, «Экономическая Жизнь» № 86, от 20 апреля 1923 г.).

Однако, в самой компартии установлена диктатура ее центрального комитета, которому всё в партии должно безоговорочно подчиняться, и который является полным диктатором в стране. Но в действительности дело обстоит еще хуже. Сам центральный комитет делится на большинство и меньшинство, каждое из которых отстаивает свою внутреннюю и внешнюю политику, и таким образом в самом центральном комитете устанавливается диктатура 3-5 человек. В жизни рос. комм. партии не редки случаи, когда одна часть центрального комитета, выступающая себя единственной представительницей воли пролетариата, угрозами и насилием заставляет молчать другую часть того же комитета, также претендующую на выражение воли пролетариата. К примеру можно сослаться на случай с так-называемой рабочей оппозицией, на арест выдающегося большевика, экономиста и бывшего члена ц. к. партии А. Богданова и на многое другое. При таком положении можно говорить не о диктатуре пролетариата и даже не о диктатуре пар-

тии, связанной с пролетариатом демагогией и словесным обманом, а лишь о диктатуре трех-четырех вожakov партии.

Диктатура коммунистической партии, выдаваемая ложно за диктатуру пролетариата, есть в действительности диктатура новой эксплуататорской касты — социалистической демократии, боевым авангардом которой является большевизм.

Добившись власти в революционной стране игрой на лозунгах социальной революции, большевизм, в конце концов, воссоздал экономическое и общественное рабство трудящихся в форме государственного капитализма.

Однако, стремясь использовать революционную силу международного пролетариата в целях укрепления и распространения своей власти, большевизм по-прежнему продолжает выдавать себя за апостола мировой социальной революции. Он рассылает во все страны своих агентов, защищающих его с различных точек зрения и в частности от лица тех революционных движений, которые фактически думаются в России.

Все это, после шестилетнего господства большевиков в России, стало ясно и понятно каждому вдумчивому пролетарию революционеру. Приходится поэтому удивляться наивности авторов, надеющихся устарелым и разоблаченным уже лозунгом диктатуры пролетариата дезорганизовать анархическое и синдикалистское движение разных стран.

Ибо если шестилетний опыт русской жизни чему-либо учит, то прежде всего тому, что социальная революция трудящихся может восторжествовать лишь в анархических формах, т.е. в форме полной и бесповоротной ликвидации системы капитала и всякого государства, путем революционной самостоятельности и самоуправления трудящихся и их экономических организаций.

Впрочем, всё выступление авторов является, прежде всего, делом компартии, строго и последовательно проводящей свою тактику. И разбираемая нами декларация должна рассматриваться, главным образом, в свете этой тактики.

П. Аршинов.

НАЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Глубоко ошибался тот, кто полагал, что после всемирной войны в Европе наступит ослабление националистических тенденций. Произошло как раз обратное. Национализм в настоящее время стал сильнее, чем когда бы то ни было раньше, и образует собою идеологическую тогу современной реакции в форме фашизма. Современный фашизм не является движением, порожденным единой целостной идеологией; не только в разных странах он носит свой особый характер, но и внутри каждой отдельной страны отличается различнейшими цветами, от республиканизма до ультра-монархизма. Обществу лишь его военно-пучистские методы и националистическая позиция его приверженцев. И не будем себя обманывать: это движение, все определенное охватывающее различные страны, не является только движением привилегированных классов общества, хотя явно ими поддерживается, поощряется и, в конечном счете, защищает лишь их интересы. Несомненно, фашизм находит звучный отклик в широких народных массах, и было бы безумием закрывать глаза на это обстоятельство. Тот факт, что количество фашистских профсоюзов, — осо-

бенно в Италии, — беспрерывно увеличивается, ясно доказывает, что движение находит все больше и больше почву также и в рабочих кругах, чему не мало способствовало банкротство партийно-социалистической идеологии. В Испании следуют теперь примеру приверженцев Муссолини и пытаются вызвать к жизни фашистские профсоюзы. Насколько эти попытки будут успешны, покажет нам ближайшее будущее.

Так-называемое национально-социалистическое движение в Германии, группирующееся вокруг Гитлеровских «Hakenkreuz» (черная сотня), идет по тем же следам и, без сомнения, имеет влияние на известные круги немецкого рабочего класса, особенно в Баварии. Быть может, это влияние сильно преувеличивается; однако, было бы в корне неверно и чрезвычайно опасно не дооценить его. Именно в такое время, как сейчас, — когда, вследствие войны и страшного обнищания масс, всюду становится заметным ослабление социальных чувств, когда все понятия поколеблены, когда старое и новое переплетаются в пестром узоре, — именно в такое время опасность подобного движения значительно возрастает и по своим по-

ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО

(Окончание) *).

От редакции: Записки Н. Махно, охватывающие начальный период махновского движения и освещающие события лишь по концу 1918 г., заканчиваются печатанием в настоящем номере материала по еврейскому вопросу.

Продолжение записок т. Махно, притом в более полном объеме, велось им в польском заключении, но по условиям заключения не могло попасть в распоряжение редакции. Со временем и это продолжение увидит свет на столбах нашего органа. Пока же редакция «Ан. Вести» располагает брошюрой т. Махно — «Повстанцы махновцы и их идеалы», которую мы и надеемся начать печатанием в одном из ближайших №№ «Ан. Вестника».

Глава шестая.

Еврейский вопрос.

I.

Еврей, вздохни свободно. В дни царства крушевановых, пуришкевичей и марковых вторых ты не раз был принужден покидать свои мирные лачуги и долгие годы скитаться вдали от родины без крова, ласки и утешения. Ты изнемог. Вздохни и будь свободным, как и все народы. — С такими словами в 1917 году на многотысячном митинге на соборной площади села Гуляй-Поля я обратился к евреям, когда меня во время речи из толпы спросили: — А как вы, Нестор Иванович, смотрите на жидов, что вместе с ними заседаете в президиуме общественного комитета. (Общественный комитет села Гуляй-Поля в своем представительстве был всесторонним, а потому всегда отстоял право участвовать в нем каждой организации,

*) См. №№ 1, 2, 3 — 4 «А. В.».

следствиям является более роковой, чем в нормальные времена. Поэтому, прежде всего необходимо занять в отношении националистических устремлений определенную и ясную позицию и не ударяться постоянно в крайности, не пускаться в дешевую политическую демагогию, что, к сожалению, до сих пор часто случалось.

Было время, когда все направления авторитарного социализма, — не считая некоторых не многих исключений, — вкладывали в понятие интернациональности идею полного растворения различных народов в абстрактном человеке. В пестрых различиях жизни народов, их языков — видели только искусственно созданную преграду стремлениям страдающего человечества к братскому единению. Мечтали о скором уничтожении всех этих различий, о введении всеобщего мирового языка, долженствующего заменить все ныне существующие наречия, и о т. п. вещах. Эти наивные представления, носители которых не имели ни малейшего понятия о глубине проблемы, хотя и теперь еще не вполне исчезли, но в общем должны были уступить место другим воззрениям. Современная социал-демократия, понятно, не имеет больше ничего общего с идеями своих предшественников эпохи т.-н. «пехового коммунизма». Она также давно уже отказалась от положения, которого придерживалась десятки лет, и которое Маркс и Энгельс выразили в Коммунистическом Ма-

нифесте, заявив, что современный пролетарий вообще, не имеет отечества и, следовательно, у него нельзя отнять того, чем он не обладает. Мысль, что решающую роль для рабочего класса играют не мнимые национальные и политические интересы, но классовые различия и экономические противоречия, — эта мысль находит теперь у социал-демократии лишь немногих отдельных последователей. Громадное большинство партии уже давно почувствовало бие свое национальное сердце и считает защиту отечества патриотической и социалистической обязанностью. Насколько серьезно эти люди относятся к подобной «обязанности», — с классической ясностью показала нам роковая военная политика большинства социалистических партий в 1914 — 18 гг. А отношение вождей немецкой социал-демократии к т.-н. Рурскому конфликту свидетельствует, что страшный опыт четырех кровавых лет не произвел на них никакого впечатления. Они ничему не научились, ничего не забыли. Они еще раз подчинили насущнейшие интересы немецких рабочих интересам крупного капитала и тяжелой индустрии во имя т.-н. национальных интересов, являющихся в действительности лишь интересами Стинеса и Ко. Но не только социал-демократия, а и ее больные дети — коммунистическая партия целиком дала потащить себя на буксире националистской метафизики и пыталась даже передеготить социал-демократию патриотическими аллюрами и

почему и еврейская община имела в нем своих представителей).

И я своих слов не забыл. Я не отрекся от них, как Петр от Христа. Когда я видел, что на пути моей ответственной революционной работы эти слова не оправдывались, когда свобода и жизнь еврейства насильовались, я всех насильников уничтожал.

В доказательство вышеизложенного приведу следующие факты:

Был декабрь месяц 1918 года. Имея в своем распоряжении несколько тысяч хорошо вооруженных крестьян и рабочих, я занимал гришинский, цареконстантиновский, бердянский и мелитопольский боевые участки против денкинцев. Одновременно с этим у меня завязался ожесточенный бой с частями украинской Директории в Екатеринославе. Находясь при своих частях в Екатеринославе, получаю телеграмму из главного своего штаба в Гуляй-Поле, которая гласит, что на днях в Гуляй-Поле прибыл вновь организованный отряд Метлы. Штабом этот отряд был направлен на цареконстантиновский боевой участок в распоряжение и-ка боевого участка Куриленка. Куриленко распорядился, чтобы вновь прибывший отряд, как отдельная рота, вошел в полк. Отряд Метлы

отказался исполнить это распоряжение и ушел в свой район, разгромив по дороге еврейскую колонию № 2.

Это известие меня сильно обеспокоило. Я дал в штаб телеграмму: немедленно выделить из полка хороших бойцов и под руководством ответственного лица настичь отряд Метлы и обезоружить. Главварей расстрелять.

По возвращении после неудачных боев под Екатеринославом в Гуляй-Поле, я выяснил, что колония № 2 совершенно разгромлена и сожжена. Часть жителей перебита, часть разбежалась, а часть в подвалах у добровольческих частей. Виночники этого злодеяния расстреляны не были, так-как они тогда же вышли из подчинения наших командиров и разошлись по домам.

Весть о разгроме еврейской колонии быстро разнеслась по всем моим частям, и у большинства повстанцев вызвала целый поток протестов и возмущений. Многие из повстанцев, зная мое отношение к подобного рода злодеяниям, прислали мне через своих командиров следующие заявления.

«Батя, мы по борьбе истинные ваши сыны, сыны нашего народа. Верьте нам, что мы, услышав о разгроме отрядом Метлы еврейской

националистической фразеологией. Ведь говорилось уже о походе русской красной армии и о решительных шагах на Рейне, так что у немецких национал-большевиков, как д-р Эльпбахер и др., душа прыгала от радости.

И все же, именно Рурский конфликт, в своих различных фазах, представляет собою прекраснейшую иллюстрацию к политике капиталистических интересов, как истинной подоплеке националистической идеологии. Занятие Рурской области было лишь логическим следствием все той же преступной империалистической политики капитализма, которая, в конечном счете, привела к разгуду всемирной войны и в продолжение четырех лет толкала народы на бойню. В этом конфликте вопрос идет почти исключительно о противоречии интересов немецкой и французской тяжелой индустрии, — противоречии, которое пока военной силой разрешено в пользу Франции. Представители немецкой тяжелой индустрии во время войны являлись самыми фанатичными защитниками принципа аннексий. Точно так же теперь за т.-н. «национальной политикой» Пуанкаре выступает откровенная жажда аннексий представителей французской тяжелой индустрии и ее могущественного органа — «Comité de forges». И те же цели, которые в свое время преследовались политикой немецкой тяжелой индустрии, преследуются ныне французской тяжелой индустрией. Вопрос идет об образовании определенной монополии на европейском

материке под господством определенных капиталистических группировок, причем т.-н. «национальные интересы» все еще являются идеологическим прикрытием их грубых коммерческих интересов. Французская тяжелая индустрия давно уже проектировала объединение железных рудников Эльзас-Лотарингии с угольными копиями Рура в виде одного горного треста, который обеспечил бы ей неограниченную монополию на континенте. А так как интересы магнатов тяжелой индустрии совпадают с репарационными интересами и всячески поддерживаются военной кастой, то занятие Рурской области было только вопросом времени.

Но еще прежде, чем дело зашло так далеко, между представителями немецкой и французской тяжелой индустрии имели место переговоры в целях мирного, т.-е. в данном случае, делового коммерческого решения вопроса, причем обе стороны должны были получить выгоду соответственно соотношению их сил. Подобное соглашение могло бы и состояться, так как представители немецкой тяжелой индустрии сговорились бы с самим чортом относительно т.-н. «национальных интересов Германии», коль скоро они могли бы при этом нагреть себе руки. Но так как со стороны английской угольной промышленности, для которой горный трест на континенте безусловно явился бы страшным ударом, им были предложены большие барыши, то в них вдруг заго-

колонии № 2, знаем и чувствуем, как это отозвалось на вас. Верьте, что с такой же болью, как и вы, мы вместе с вашим сердцем и разумом переживаем этот позор. Клинемся вам, батько, что среди нас в наших частях такого отношения к еврейству не замечается, а если появится, то вашим именем мы его уничтожим. Поддержите нас в этом».

Такая резолюция на меня, упавшего было духом и опустившего руки в борьбе против денкиниции, произвела благотворное влияние.

Я издал и разослал по всем частям приказ, в котором ясно обозначалось, что всякий грабеж, изнасилование или убийство не только еврея или мирного жителя какой-либо другой нации, но даже человека, денкингца в рядах наших прямых противников денкингцев без ведома штаба боевого участка, повлечет за собою расстрел всех командиров той части, в которой окажется преступники. В случае неисполнения приказа—сам застрелюсь, чтобы не видеть и не слышать о подлых людях, творивших моим именем нечеловеческие преступления.

Этот приказ, помню, вызвал среди повстанцев горячую готовность стоять на страже справедливых отношений как к мирным жителям, так и к захваченным противникам.

Правда, по отношению к противникам, в зависимости от момента, наша тактика менялась, но по отношению к мирным жителям независимо от того, к какой нации они принадлежали, сохранялось самое миролюбивое отношение.

II.

Был февраль 1919 года. Деникинцы девять дней осаждали Гуляй-Поле со стороны Полог и Пареконстантиновки. Гуляй-Полю каждую минуту грозило падение. Благодаря усиленной общей работе населения, в том числе и еврейского, по рытью окопов, по смене людей на фронте, мы героически выдержали этот натиск со стороны противника и, в конце концов, заставили генералов Тило и Виноградова и их приспешников позорно бежать десятки верст.

Успех на фронте дал мне возможность глубже заглянуть в общественную жизнь района. На ряду с жизнью сел и деревень вообще, я заинтересовался жизнью еврейских колоний в частности. Таких колоний в нашем районе разбросано довольно много.

Собрав всех старост этих колоний и выяснив, сколько жителей в каждой из них, чем они занимаются и как живут, я заинтересовался, поощают ли их почные грабители, выезжают ли

ворило их национальное сердце, и они допустили до военной оккупации. Совместно с организованными рабочими и служащими, ими было организовано пассивное сопротивление, и Стинесовская пресса со всей силой забила в националистический набат, чтобы раскалить ненависть в стране против «векового врага». А когда пассивное сопротивление, стоившее немецкому народу неимоверных жертв, наконец должно было прекратиться, тогда г. Стипес, не стал ждать решений правительства Штресемана, а начал сговариваться с французами по собственному почину. Этого мало: он старался также пробудить французские оккупационные власти навязать немецким рабочим десятичасовой рабочий день, — тем самым рабочим, которые незадолго до того были его союзниками в пассивном сопротивлении французским штыкам. Найдется ли, в самом деле, лучшая иллюстрация к подлинным стремлениям наших националистских крикунов и забияк?

Пуанкаре взял предлогом для посылки своих войск в Рурскую область яко-бы невыполнение обязательств по доставке угля Германией во Францию. На самом же деле это было лишь явной уловкой, чтобы облечь в тогу законности империалистическое грабительское нашествие. Это видно, хотя бы, уже из того, что, — за исключением Англии, — Франция является в настоящее время самой богатой угольной страной Европы и была даже вы-

нуждена ввести чрезвычайный налог в 10% на ввоз Саарского угля, чтобы защитить на внутреннем рынке французский уголь. Факт налицо, что 20% этого угля отправлялось даже назад в Германию и, вообще, только 35% его шло на французскую индустрию.

С другой стороны, крупные немецкие промышленники и их союзники — крупные землевладельцы, наживавшие на чудовищной нужде немецкого народа колоссальные прибыли, сделали, по пути защиты своих частных интересов, все, чтобы посылить облегчить задачу французского империализма. Именно они с самого начала всеми силами сопротивлялись всяким попыткам стабилизировать марку, ибо таким способом им удобнее всего было саботировать налог на индустрию и землевладение и свалить всю тяжесть репарационных платежей почти исключительно на плечи трудящегося народа. Постоянное падение марки дало им наилучшую возможность неимоверно поднять цены на все продукты; таким образом, все финансовые обязательства, возложенные победителем на Германию, переносились на широкую массу внутреннего потребителя. На почве этих темных махинаций не только расплодилось целая армия валютных спекулянтов, извлекающих невероятные барыши из ужасного обнищания масс, но и дана была возможность французским капиталистам выжать лишнюю прибыль из бедственного состояния немецкой валюты. Так, по свидетельству

к ним повстанцы, и если заезжают, то как ведут себя. Мне сказали, что грабители изредка по ночам действительно появляются. Повстанческие отряды тоже порой заходят и в массе своей относятся к еврейскому населению миролюбиво. Были случаи, когда повстанцы сами тут же на глазах еврейского населения секли шомполами своего товарища выскочку, пытавшегося обидеть «жида».

Выслушав все это, я тут же предложил всем старостам организовать в своих колониях самообрану.

По штабу мною было отдано распоряжение — выдать на каждую колонию по 8 винтовок и по 10 патронов к каждой из них. Через самый короткий срок это распоряжение было в точности выполнено.

Это вооружение еврейских колоний не было секретом, и о нем скоро узнали окружные села.

По наветам погромных элементов, везде и всюду кричавших, что жидов нужно бить, ко мне из сел стали доноситься голоса — почему, мол, батько Махно вооружает евреев, почему он так заботится о них.

Услышав это, я и некоторые из членов культурно-просветительного отдела при главном

штабе провели по селам целый ряд митингов на эту тему.

Когда же один анархист письменно запросил меня, как вы, батько, смотрите на евреев, я ответил ему открытым письмом в 3 номере газеты «Гуляй-польский Набат», выходившей тогда в Гуляй-Поле.

С этого времени в нашем районе начался резкий перелом в умах крестьянства по поводу еврейства.

Евреи от колоний участвуют в 2 и 3 районных съездах в Гуляй-Поле. Евреи вступают в семью общественного строительства.

По зову военно-революционного совета, избранного съездами, евреи дают так же, как и все крестьяне, в ряды революционно-повстанческой армии Украины махновцев своих сыновей.

На сомнение многих в том, что из евреев будут хорошие воины, я отвечаю тем, что группирую всех евреев в отдельную боевую единицу. Узнаю, что среди евреев этой боевой единицы есть артиллеристы старой службы и поручаю им организовать полубатарею.

Когда же я увидел, что эта полубатарея прекрасно организована и дисциплинирована, я расширяю ее в батарею с еврейской полуротой прикрытия.

французского министра финансов Лазайри, Германия доставила до конца сентября 1921 г. горючего матерьяла на сумму в 2.571 миллион франков; но, в виду обесценения немецкой марки, этот материал был исчислен лишь в 980 миллионов франков. Так деловой эгоизм наших добрых немецких патриотов предоставил «вековому врагу» еще особый источник дохода за счет чудовищной эксплуатации немецкого рабочего.

Французская капиталистическая пресса не устает уверять французский народ, что Германия должна платить, так-как де, в противном случае, Франция очутится перед банкротством. К сожалению, подобно Германии, и во Франции находятся еще сотни тысяч рабочих, принимающих это утверждение за чистую монету. Факт, что из колоссальных сумм, которые Германия принуждена была до сих пор вывезти во Францию, лишь неизмеримо маленькая часть пошла на восстановление разрушенных областей, т.е. в пользу народа; львиная же доля попала в бездонные карманы незначительного привилегированного меньшинства. Из 11,4 миллиардов золотых марок, которые Германия до 31-го декабря 1921 г. отдала Франции в счет репарационных платежей, только 2,8 миллиардов были предназначены на восстановление, и целых 4,3 миллиарда пошли на оккупацию и на межсоюзнические комиссии в Германии.

И в Германии, и во Франции страдающей

частью всегда является рабочий класс, с которого дерут шкуру имущие классы обеих стран. В то время, как капитализм во всех воевавших странах, благодаря огромным военным барышам, чуть не задыхался в собственном жиру, миллионы пролетариев должны были удобрять собственной кровью поля битвы всего мира. И теперь тоже, когда война лишь приняла другую форму, одни лишь рабочие опять несут на себе все тяготы, — в то время, как капиталисты-предприниматели чеканят монету из народной нищеты. Трудно понять, как перед лицом этих подавляющих фактов, в среде социалистов различных направлений могут еще находиться люди, охотно дающие себя запирать в колесницу националистической реакции. В этом, по нашему мнению, виновата тупая вера большинства современных социалистов в государство. Не представляя себе общество иначе, как в форме государства, они не могут мыслить себе и народ иначе, как в насильственных рамках нации.

Но между народом и нацией существует такое же различие, как между обществом и государством. Общественная организация является естественным образованием, развивающимся под влиянием определенных надобностей, снизу вверх и имеющим в своем основании защиту всеобщих интересов. Государственная же организация представляет собою искусственное сооружение, навязанное человеку сверху и преследующее, по существу, защи-

Таким образом получается отдельная боевая единица, состоящая исключительно из евреев, которая добровольно, руководствуясь исключительно лишь чувством гражданского долга, становится рядом с десятками других таких же боевых единиц, как она, но состоящих из крестьян и рабочих, переносит вместе с ними все тяжести и лишения фронтовой жизни, проливает кровь, кладет свои жизни за общее дело всеобщего раскрепощения трудовых народов Украины.

В марте месяце я уже соединился с Дыбенком и занимал своими частями Бердянск, Мариуполь и стоял под стенами Таганрога. Дыбенко направлялся на Крым.

Открылся широкий простор для деятельности. Организационный отдел штаба выдвигает полк за полком и ставит их на фронт, снимая оттуда людей уставших.

Еврейские колонии организовались в зводы и тоже выступили на фронт. Выступила из Гуляй-Поля и потянулась на позицию и еврейская батарея со своим обозом и прикрытием.

Помню, я, возвращаясь с фронта, встретил под селом Ново-Успенковой еврейскую батарею со всем своим обозом и прикрытием, едущую

на фронт. Я сошел с автомобиля и попросил едущих остановиться. Ко мне подошел командир батареи Шнейдер и попросил разрешения выстроить батарею по всем правилам, ибо бойцы хотят услышать от меня напутственное слово. Не успел я ответить, — как батарея, обоз и прикрытия стояли уже на своем месте.

Я сказал им краткую речь. Закончил ее призывом к бойцам, — доказать своей примерной и искренней сплоченностью с крестьянской армией, что еврейский народ вовсе не заслуживает того попиранья его воли и чести, которое на него так часто обрушивается со стороны различных громи и хулиганов.

Многие из бойцов заплакали. Заплакал и сам командир. Охваченный наплывом чувств, я замолчал...

Когда бойцы успокоились немного, из их рядов послышалось: «Благослови нас, батько!». Мы пойдем и будем честно сражаться в рядах твоей армии до последней капли крови, но дай нам твое честное слово, что ты и впредь будешь также отстаивать наши права и честь». Эти искренние обещания меня глубоко тронули. Я сказал: «С помощью вашей чести, смелости и героизма мы их отстаим»...

Поговорив еще с командиром и дав кое-какие

ту интересов привилегированного меньшинства за счет всего общества.

Народ является естественным порождением общественной организации, — объединением людей, обусловленным средоточием происхождения, общностью форм и особенностей культуры, общностью языка, привычек, обычаев и т. д. Этот общий дух живет и действует в каждом отдельном члене народного союза и образует существенную часть индивидуального и коллективного существования. Он так же мало может быть искусственно привит, как насильственно уничтожен, — разве только весь народ подвергнется истреблению. Народ может быть подчинен чужеземному владычеству и искусственно задержан в своем естественном развитии; но никогда не удастся задуть его естественные психологические и культурные свойства и особенности. Напротив, именно, под чужестранным игом последние выступают еще определеннее, являясь средством защиты существования целостности народа. Опыты англичан с ирландцами, австрийцев с чехами и южными славянами, немцев с поляками (мы ограничиваемся здесь лишь несколькими примерами из тысяч) являются классическим доказательством упорной живучести чувства взаимной связи в среде известного народа. Евреи также могут служить здесь типичным примером. Очень часто мы видим даже, что, если угнетенная народность стоит в культурном отношении выше своих притеснителей, то

последние, так-сказать поглощаются носителями высшей культуры. Так, воинственные монголы завоевали Китай и навязали китайцам маньчжур в императоры. Но минуло несколько поколений, — и монголы превратились в китайцев, так-как их примитивная культура не могла противостоять величию и тонкости китайской культуры. Подобное же явление мы наблюдали в Италии, подвергавшейся в течение столетий набегам варварских орд. Но Италия, со своей высоко развитой культурой, вновь и вновь одерживала победу над грубой силой варваров, и последние, в конечном счете, лишь содействовали обновлению, освежению и плодотворению ее культуры. И это вполне естественно, ибо нельзя насильственно вогнать народ в круг чужих обычаев, привычек и идей, — так же, как невозможно насильственно втиснуть отдельного человека в узкие рамки чужой индивидуальности. Там, где происходят естественное сближение и постепенная ассимиляция различных народностей, это всегда случается непринужденно и совершенно бесосознательно, путем естественного приспособления, но никогда посредством грубого насилия.

Нация же всегда является искусственным продуктом известной правительственной системы, да и национализм, в сущности, представляет собою не что иное, как государственную религию. Принадлежность к нации никогда не определяется естественными внутрен-

непущенные указания, я простился с отрядом и поехал в одну сторону, а они в другую.

Спустя месяца полтора-два после этого я узнаю следующее: военному комиссару села Ново-Успеновки было сообщено, что, якобы, евреями колонии Назарьевки, что в 7-ми верстах от с. Ново-Успеновки, убиты и выброшены в поле три повстанца. Не долго думая, этот комиссар берет с собою человек 13 распущенных по домам повстанцев, едет в колонию Назарьевку и убивает в отместку несколько человек евреев.

Узнав об этом, немедленно снаряжаю комиссию и высылаю ее на место преступления выяснять точно, кем и при каких условиях были совершены убийства.

По возвращении комиссия сделала доклад о своей работе. Она выяснила, что под колонией Назарьевкой действительно валяется три разложившихся человеческих трупа. Но кто эти убитые, кем и когда они убиты, выяснить так и не удалось. Можно было предполагать, что это — жертвы проходившего здесь несколько недель тому назад денкинского карательного отряда. Узнав об этих трупах и увидев их воочию, Новоусупеновский военный комиссар с 13-ю людьми 7-го заднепровского полка решил,

что это трупы повстанцев, убитых жителями колонии и самочинно расстрелял за это несколько человек евреев.

Узнав обо всем этом, штаб послал в Ново-Успеновку отряд, который арестовал всех участников убийств евреев с военным комиссаром во главе и доставил их в Гуляй-Поле.

Судила их особая комиссия, составленная из комиссара моей дивизии Петрова, присланного из центра, Николая Чубенко и еще нескольких человек повстанцев.

С глубоким интересом следил я за работой этой комиссии, а в душе моей проносились свежие образы людей, ушедших на фронт с батареями Шнейдера.

Сильно прислушиваясь ко мнению комиссара дивизии, комиссия вынесла постановление всех этих, хотя и слепых, но все же убийц ни в чем неповинных мирных жителей — отправить на фронт. Против такого постановления я протестовал и настаивал на расстреле главного виновника этих убийств — усупеновского комиссара и с ним пяти человек самых активных участников в этом деле. Комиссия вторично рассмотрела дело и, согласившись с моими доводами, признала необходимым расстрел. Виновных вывезли за село и расстреляли.

ними причинами, но всегда лишь чисто внешними обстоятельствами, отношениями, основаниями и государственными соображениями, за которыми, понятно, всегда скрываются частные интересы определенных классов. Горсть политиков и дипломатов, являющихся лишь поверенными и агентами привилегированного меньшинства в государстве, произвольно решают вопросы национального существования и будущности определенных человеческих групп, вынужденных подчиниться приговору властителей, не имея права определить самим. Так, например, жители нынешней французской Ривьеры легли спать в один прекрасный вечер итальянцами, на утро же проснулись французами, ибо дипломатический конгресс решил таким образом их участь. Гельголандцы были частью английской нации и верно подданными британского правительства; но последнему вздумалось продать их Германии и, таким образом, их национальность также подверглась радикальному изменению. Если, днем раньше их главной заслугой являлась служба на передовых постах английской нации, то, после передачи острова Германии, их высочайшая добродетель стала чернейшим грехом. Таких примеров множество в истории: ими отмечено все историческое развитие современного государства. Стоит только взглянуть на бессмысленные, нелепые решения Версальского мирного договора, чтобы иметь наилучшую

иллюстрацию к тому, как фабрикуется теперь нация.

Именно современное конституционное государство развило до последних пределов понятие о нации и о сущности национализма. Абсолютная монархия, представляющая собою, так сказать, фетишистский период в истории развития государства, где царь являлся наглядным выражением всей системы, обращалась с широкими массами своих бесправных подданных, как с большим дойным стадом. Поэтому, она лишь в очень редких случаях прибегала для т.-н. защиты страны к помощи последних, обычно предоставляя это дело армии профессиональных солдат. Лишь современное государство, яко-бы предоставившее каждому из своих граждан право соучастия в управлении страной посредством всеобщего избирательного права, довело национальную идею до настоящего расцвета. Гражданин, загипнотизированный новыми завоеванными им политическими правами, должен был взять на себя и вытекающие из этих мнимых «прав» обязанности. Избирательная урна стала жертвенным алтарем человеческой личности; избирательный бюллетень — свидетельством добровольного, духовного и экономического рабства широких масс.

Французское якобинство создало лишь абстрактное понятие государства и, вместе с тем, абстрактное представление о нации. С тех пор идея национального единства стала ло-

Весть о столь решительной расправе с убийцами евреев быстро разнеслась по району и произвела сильное впечатление.

После этого случая прошло лишь несколько дней, как вдруг получаю с фронта письмо денкинского генерала Шкуро.

Письмо это от 9 мая 1919 года, писанное начальником штаба Шкуро полковником Шифер-Маркевичем. В нем между прочим говорится: «В виду того, что у нас белых и у вас махновцев одни цели, а именно — вы бегте жидов и коммунистов и мы их беим, нам незачем с вами драться. Пойдемте вместе — ведь мы русские люди» и т. д.

Какой ненавистью, каким презрением к таким русским людям наполнилось все мое существо при чтении этого наглого предложения. Когда я выгонял генерала Шкуро из сел и деревень, то заставлял почти в каждом селе сотни изнасилованных женщин, малолетних девочек и семидесятилетних старух, плачущих и проклинающих шкурловских удалцов. Мирных крестьян, стариков, массами секли шомполами и расстреливали эти русские люди.

На это письмо был дан достойный ответ русскому человеку генералу Шкуро в 3-м номере нашей газеты «Путь к свободе».

Но этого мало. Русскому человеку нужно было на деле показать, как относятся революционные повстанцы махновцы к «жидам»...

И ему это показали евреи повстанцы со своим командиром Шнейдером во главе...

Долго будут помнить шкурловцы, с каким трудом они брали еврейскую батарею, как она была в них в упор до последнего момента, сколько выбила их из строя и досталась им только тогда, когда командир и большинство артиллеристов лежали подле нее мертвыми...

Не забуду и я этих честных героев, смертью храбрых polegших в жестоком бою за общее народное дело.

В июле месяце 1919 года, порвав с большевиками, я оперировал уже в тылу красных по Херсонщине с отрядом в 100 человек.

Здесь во многих селах я встречал развалины недавно сгоревших хат. Когда я спрашивал у крестьян, что это за развалины, мне почти везде отвечали одно и то же: «Це хаты жидьськи... Тут проходив атаман Грыгорьев со своим отрядом, так ото жидив поризав, а хаты их поपालы».

11-го июля я остановился в селе Покровке в 25 верстах от города Елисаветграда. Здесь я от крестьян узнал, что на-днях г. Елисавет-

зунгом большинства буржуазных партий, у которых наши современные государственные социалисты перенимали это сомнительное наследство, как и многое другое. Национальное единство стало внутренним содержанием культурного развития, символом народной жизни. Всякое препятствие, противопоставляемое этому единству, рассматривается, как враждебный культуре фактор. И эта придуманная басня, эта сказка, молча принятая за правду, считается еще и теперь всепокоряющей истиной, хотя история доказывает нам как-раз обратное. Самыми великими культурными эпохами человечества являлись как-раз периоды, т. е., «национального распада», и обратно — периоды «национального единства», были эпохами культурного упадка и застоя.

Древняя Греция, будучи совершенно раздроблена, — как национально, так и политически, — дала нам, несмотря на это, культуру, служащую, во многих отношениях, за образец еще и ныне. Когда же Александр Македонский, впоследствии, с помощью меча создал «греческое единство», — иссякли источники культурных сил и дарований, могущие развиваться только в условиях свободы.

В Европе великий период вольных городов средневековья был временем самого крайнего национального распада, и все-таки в то время народилась культура, не нашедшая до сих

пор в Европе себе подобной. Крупнейшие памятники архитектуры и искусства, оставленные нам той эпохой, являются свидетелями этого блестящего периода человеческого развития. Но когда, впоследствии, современное государство водрузило на развалинах этой великой культуры знамя «национального единства», — последние остатки культурного величия растаяли, как снег на солнце, и Европа погружилась в грубейшее варварство.

Если бросить взгляд на немецкую историю, то мы и здесь найдем подтверждение вышеупомянутым явлениям. Все богатые достижения в сфере духовных ценностей и культуры относятся в Германии ко времени «национального раздробления». Ее классическая литература от Клопштока до Гете и Шиллера, пленительное искусство романтической школы, классическая философия от Канта до Фейербаха, расцвет музыкального творчества, — все это принадлежит той эпохе. Единое же национальное государство принесло с собою упадок немецкой культуры, иссякание творческих сил, торжество милитаризма и бездушной бюрократии, бросившей богатый задатками народ, как безвольное стадо, в самую ужасную катастрофу современной истории.

И не только Германия. История Италии, Испании, Франции, России и т. д., является повторением тех же исторических явлений. И

град занимал Григорьев и вырезал там много евреев.

Вернувшись к вечеру контр-разведка донесла мне, что в городе Елисаветграде стоит только один батальон большевистской пехоты. Отдаю распоряжение частям к рассвету 12-го июля занять город.

Расспросив у крестьян о всех подходах к городу, мы на рассвете повели на него наступление. Быстро и легко заняли первую половину города без ранений и потерь с нашей стороны. Когда же начали вступать во вторую половину города, то сразу почувствовали решительный протест и мужество тех, кто выступил против нас. С одной стороны была по нас отступающая пехота, с другой — с чердаков, окон и подвалов домов стреляли по нас жители города и кричали друг другу: «Не сдавайтесь, — наступают банды Григорьева, они нас всех переубьют».

Как только мне донесли об этом, я приказал сейчас же оттянуть части.

13-го июля в селе Компаньевке я встретился с атаманом Херсонщины (как он себя величал), Григорьевым. Это был плотный, приземистый, говорящий в нос, грубый, самоуверенный, с некрасивым тупым лицом человек, вечно ругающий «жида» Троцкого.

Окружали его такие политические лица, как

Селянский, Коложний. Иногда к нему в штаб наведывался украинский эс-эр Кропорницкий.

Военная сила Григорьева состояла в это время из одного горного орудия на волах, при котором не было ни одного снаряда, двух пулеметов и человек 130—150 босой, сильно ободранной пехоты.

После четырехдневных политических споров, после уверений и клятв со стороны Григорьева, что он погромов над еврейским населением не чинит, мы пришли с ним к соглашению работать вместе против большевиков.

Однако, находясь в связи, мы совершенно не доверяли друг другу, и как с моей, так и с его стороны контр-разведка работала во всю.

26-го июля мы вехали в село Сентово. Здесь, как и во многих предыдущих селах, мы застали разгромленными крестьянскую потребловку и маленькую еврейскую лавочку. Хозяйка лавочки, беременная еврейка, была убита, и труп ее с распоротым животом валялся тут же.

Крестьяне сказали, что все это было сделано вчера каким-то небольшим отрядом.

К этому времени нами было уже точно выяснено, что: 1) среди григорьевцев существует заговор убить начальника общего штаба — моего брата Григория Махно; 2) атаман Григорьев имеет тесную связь с денкинскими подпольными организациями; 3) атаман Гри-

это вполне понятно. Современное государственное единство является лишь воплощением принципа господства имущих классов, победой однообразия над богатым разнообразием народной жизни, торжеством искусственной духовной дрессировки над естественным воспитанием и развитием характера, вытеснением чувства личной ответственности пустым мертвым послушанием, одним словом — угнетением свободы при помощи государственного насилия и бездушного шаблона.

Уже Прудон ясно сознавал это, когда он самому яркому представителю идеи национального единства в Италии, Мадзини, возразил следующими словами: «Всякий самобытный характер различных областей государства уничтожается централизацией (таково истинное определение пресловутого единства). Большое централизованное государство лишает свободы все провинции и общины в пользу высшей власти — правительства. Что представляет собою на деле единство нации? Превращение реальных народов, которые состоят из личностей, живущих самостоятельной и богатой разнообразием жизнью, в абстрактную нацию, где никто не смеет дышать, и все друг другу чужды. Отняв у человека право распоряжаться самим собою, правительство нуждается, чтобы привести в ход всю эту гигантскую машину, в чудовищных кадрах бюрократии, в

целом легионе служащих. В интересах защиты внутренней и внешней требуется постоянное войско, чиновничество, солдаты, наемники, олицетворяющие собою будущность нации. Это гигантское национальное объединение требует славы, блеска, роскоши, внушительной бюрократии, посольств, пенсий, доходов. В таком едином государстве каждый протягивает руку, а кто платит тунеядцам? Народ! Кто боится о единой нации, тот мечтает о нации, проданной своему правительству... Единство — не больше, как одна из форм буржуазной эксплуатации под защитой штыков. Да, именно: в политическом единстве больших государств воплощается господство буржуазии. Поэтому буржуазия так радуется государственному единству».

Гениальный француз понял подлинную сущность всех устремлений к т.-н. национальному единству. Наши же современные государственники-социалисты, начиная с социал-демократии и кончая различными отпрысками русско-го большевизма, и теперь еще не могут понять того, что он ясно провидел, не будучи поражен слепой верой в государство наших партийных социалистов, которые все еще одержимы пустыми предрассудками своих яковинских предшественников.

Мы — анационалисты. Мы требуем права свободного самоопределения для каждой

горь за день до своего вступления в какое-либо село, высылают туда особо организованный небольшой отряд с определенным наказом разграбить и перебить евреев.

Везжая потом в такое село, Григорьев выражает сочувствие пострадавшим и «искренне» сожалеет, что не настиг погромщиков.

27-го июля на многолюдном митинге атаман Григорьев был мною объявлен денкиным агентом и погромщиком, а через несколько минут здесь же на площади село Сентово он был расстрелян ответственными махновцами. Часть близких к нему его политических вдохновителей разбежалась, остальные же были моментально обезоружены.

На всем пути моих боевых операций других погромов, чинимых над еврейским населением повстанцами из моих частей, не было.

Очень редко попадались лица, перешедшие к нам из красно-армейских частей или из петлюровских «повстанчих загонив», которые или по привычке, или же наступавшие о махновцах, как о грабителях, разного вадора, делали попытки пограбить евреев; но такие грабежи, как и грабежи мирных жителей вообще, всегда пресекались в корне.

ОПРАВДАНИЕ НЕСТОРА МАХНО.

27-го ноября с. г. тов. Н. Махно, после 13-ти месяцев заключения в Варш. тюрьме, предстал перед польским судом по обвинению его в организации восстания в Восточной Галиции с целью присоединения последней к большевистскому государству.

На суде выяснилось, что обвинение фальсифицировано и построено, главным образом, на провокации некоего Я. Красновольского, действовавшего по инструкции польской дефензивы (политической полиции) и находившегося в сношениях с советской миссией в Варшаве.

Товарищ Махно выступил во весь рост своей личности. Seriously построенная речь т. Махно и приведенный им материал, а также хорошо поставленная защита раскрыли перед судом всю несостоятельность взведенного на т. Махно обвинения. Суд вынес т-щу Махно оправдательный приговор.

В настоящее время т. Махно из тюрьмы освобожден, но находится пока в распоряжении полицейских властей вплоть до выяснения вопроса о его дальнейшем местопребывании.

общины, для каждой области, для каждого народа. Именно на этом основании мы отбрасываем безумную идею государственно-национального единства. Мы федералисты, т. е. приверженцы союза свободных человеческих группировок, не обособляющихся друг от друга, но взаимно соприкасающихся и оплодотворяющих друг друга, самым тесным образом переплетаясь между собою тысячами отношений духовного, хозяйственного и культурного свойства. Единство, к которому мы стремимся, является единством культурным, находящим твердую почву именно в живом разнообразии частей. Это — единство, опирающееся на свободу и принципиально отбрасывающее всякую механизацию человеческих отношений.

Мы, поэтому, принципиально отбрасываем также всякий партикуляризм и сепаратизм, за которыми тоже скрываются лишь обособленные интересы определенных классов. Так, сепаратистское движение, широко распространяющееся теперь в Рейнской провинции, является ничем иным, как орудием империалистической политики капиталистической Франции. «Рейнский национализм» лишь средство в руках «Comité de forges» и французской тяжелой индустрии; точно также, как немецкий фашизм — только средство для проведения определенных целей немецкого Junkерства и представителей немецкой тяжелой индустрии. Между его сторонниками могут быть и идеалистически настроенные элементы, — чего нельзя вовсе отрицать даже и за фашистами, — но это отнюдь не меняет того факта, что и здесь мы имеем дело с идеологией, за которой скрываются, в конечном итоге, исключительно личные интересы определенных капиталистических группировок.

Анархисты всегда стояли на той точке зрения, что каждый народ вправе устраивать свою культурную и общественную жизнь по собственному усмотрению, как самостоятельный член крупного целого. В произведениях Бакунина и Кропоткина этот взгляд нашол себе довольно ясное выражение. Однако, мы полагаем, что он требует значительного дополнения. Дело здесь идет не только о чисто политическом или социально-этическом вопросе, но также и об определенных хозяйственных предпосылках, которые только и могут обеспечить отдельным народам и народным группировкам их политическую и культурную независимость.

То, что человек рождается теперь французом, немцем или русским, это — только дело случая, которым, здраво рассуждая, нет причины ни гордиться, ни огорчаться. Именно потому, все искусственные построения наших расовых теоретиков и националистов всех категорий и оттенков, с их бессмысленными

утверждениями о существовании высших и низших народностей, являются до последней степени абсурдными и архи-реакционными.

Также дело чистого случая, если какой-нибудь народ или народная группа, в ходе своего исторического развития, осела на территории, где позднее были открыты крупные природные богатства — угольные залежи, руда, нефтяные источники и т. д. Эта случайность никоим образом не должна предоставлять населению такой области право учреждать монополию и держать в экономической зависимости от себя другие народы, не осчастливленные подобными дарами природы. Мы подошли к пункту, который может быть здесь лишь слегка затронут, но который будет иметь громадное значение для будущего развития человечества. Ведь вся тенденция капитализма, — особенно в его современной империалистической фазе, — именно тем так резко враждебна народным интересам, так вредна обществу и в благополучии и в несчастье, что носители капитализма в различных странах преследуют определенную цель, — подчинить все природные богатства земли, могущие служить на благо человечества, господству своей монополии и заковать все другие народы в цепи экономической зависимости.

Так, немецкая тяжелая индустрия, во время войны, стремилась к захвату Лонгвийских и Бринских рудников, чтобы создать континентальный горный трест; и сотни тысяч людей должны были положить свою жизнь во имя грубейших торгашеских интересов небольшой группы. Но представители немецкой тяжелой индустрии проиграли игру, которую продолжают теперь представители тяжелой французской индустрии, теми же преступными средствами, на этот раз уже на счет Германии. И обе стороны прикрывали эту разбойничью политику тогой пресловутых «национальных интересов».

Интернационализация естественных богатств — угля, руды и т. д. — является, поэтому, одной из важнейших предпосылок для осуществления полного социализма. Пользование этими богатствами должно быть, посредством общих договоров, гарантировано всем народным группировкам, если не хотят, чтобы в недрах общества нашли себе место новые монополии и, следовательно, новые классовые подразделения и новое экономическое рабство.

Лишь учтя это обстоятельство и двигаясь в этом направлении, человечеству удастся нанести смертельный удар современной капиталистическо-националистской реакции и проложить путь, ведущий в новый мир лучшего будущего.

Рудольф Роккер.

Политические последствия нэпа

Доказать с точки зрения марксизма неизбежность крушения диктатуры коммунистической партии при длительности существования «новой экономической политики» не представляет особых затруднений. Надо лишь сделать выписку из какого-либо учебника, излагающего сущность «материалистического понимания истории», и преподнести ее всем тем упоенным властью, которые за пять лет революции и нэпа успели основательно забыть четыре правила марксистской арифметики, добравшись до бесчисленных правил нэповской высшей математики.

Для доказательства этой забывчивости мы обратимся к основному положению Марксовой теории понимания истории, формулированному им в предисловии к «Критике политической экономии».

Мы давно знаем (большевики это уже забыли), что материализм объясняет сознание из бытия, а в применении к общественной жизни человечества материализм объясняет общественное сознание из общественного бытия. И это объяснение, — «цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю», — дал Маркс в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства

материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»...

Итак, способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще.

Каков же этот способ производства? Нам приходится остановиться на изложении сущности нашего экономического фундамента, дабы выяснить соответствуют ли ему политические, юридические и духовные надстройки Советской России.

Этот фундамент характеризуется государственной собственностью на средства и орудия производства крупной индустрии, — текстильной, металлургической, нефтяной, — на землю, недра, воды, железные дороги... Это, по терминологии власти, — коммунистическая собственность. Помимо нея, установлена система собственности буржуазной со всеми вытекающими из нея последствиями: правом кооперативам, товариществам и отдельным лицам арендовать государственные промышленные предприятия в целях их эксплуатации; правом каждого гражданина «свободно заниматься кустарным промыслом, а также организовать мелко-промышленные предприятия» с наемными рабочими не свыше 10 или 20 человек; правом свободного распоряжения владельцев продуктами и изделиями их производства; правом свободного обмена, покупки и продажи остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства; правом торговли на рынках, в закрытых помещениях, палатках, будках, киосках и на лотках; правом приобретения и повсеместной торговли благородными метал-

лами «для производства ювелирных изделий, сплавка, аффинаж»; правом продажи виноградных вин «с содержанием алкоголя не более 20 градусов» и правом их производства; правом открытия частных лечебных заведений и аптек; правом всех граждан РСФСР «производить поиски, разведку и добычу золота и платины на землях РСФСР, а также получать от государства для эксплуатации на договорных началах государственные золотоплатиновые предприятия и прииска». Если к этому добавить наше таможенное законодательство, установившее ввозные и вывозные пошлины со взиманием таможенными учреждениями складочного и даже концелярского сбора; государственное имущественное страхование частных хозяйств от пожаров, падежа скота, градобития растительных культур, а также аварий на путях водного и сухопутного транспорта; право свободного распоряжения населения «золотом, серебром, платиной и металлами платиновой группы в изделиях, слитках и монете, а равно драгоценными камнями и иностранной валютой»; право частной собственности на орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги, товары; существование товарных и фондовых бирж с правом участия в них частных лиц; открытие банков со смешанным капиталом помимо банков государственных и городских; сдачу предприятий, земель и ея недр в эксплуатацию иностранному капиталу на концессионных основах, — то этим вполне обрисовывается уже содержание «реальной базы» нашего государства.

Что касается порядков трудового землепользования, то признавая за каждым земельным обществом право избрать любой способ землепользования — общинный, участковый, товарищеский и смешанный, — закон о земле устанавливает право (при полных пределах и разверстанях земель) за любым числом хозяйств, а также и отдельных дворов выхода из общества без его на то согласия с выделом земли к одним местам, а при неполных пределах — выхода из общества с землею при согласии на то не менее одной пятой состоящих в обществе дворов; устанавливает право аренды земли у «трудовых хозяйств, временно

ослабленных вследствие стихийных бедствий, либо недостатка или убыли рабочей силы»; право прибегать к наемному труду, «когда хозяйство по состоянию своей рабочей силы или инвентаря не может выполнить своевременно необходимые с.-х. работы»; право закрепления волостями, селениями и другими с.-х. объединениями за собой в постоянное трудовое пользование всего количества земли, которое к дню издания постановления (14 июня 1922 г.) находилось в их фактическом трудовом пользовании; устанавливает право отдельных дворов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство, оставлять за собой «всё то количество земли, которое находится в его фактическом пользовании и обрабатывается силами самого хозяйства без применения наемного труда, хотя бы это количество земли было выше установленных для данного района норм наделения землею», — вместе с воспрещением полных переделов до завершения землеустроительных работ в тех сельских обществах, где переделы были произведены в течение 1918 и 1919 гг. в связи с временным распределением земельного фонда, а в других местностях — вместе с обязательством иметь разрешение местных земельных органов для производства полных и частичных пределов пахотных земель; вместе с постановлением четвертой сессии ВЦИК. об устранении всяких ограничительных условий в вопросах наемного труда. Если всмотреться во всё это, — станет ясным истинный характер земельной политики коммунистической партии.

Такова база.

Чем же она отличается от настоящей капиталистической базы буржуазно-демократических государств с их неприкрытой частной собственностью, экономической свободой, наемным трудом?

Если придерживаться терминологии правительства, то отличие это заключается в том, что в Советской России установлены две системы собственности — коммунистическая и буржуазная. Коммунистическая система характеризуется собственностью государства на часть средств и орудий производства; эксплуатация же этих средств передана отдельным хозяйственным органам, ведущим самостоя-

тельное существование и уплачивающим государству налоги, как всякое частное предприятие.

Если считать государственным капитализмом огосударствление хозяйственной деятельности и подчинение хозяйственного аппарата государственной власти, организующей производство и обмен, распределяющей по предприятиям заказы, — то наш нынешний строй не есть строй централизованного и монополистического государственного капитализма, а строй, коему, как и частно-предпринимательскому капитализму, присущи все отрицательные стороны последнего: и хаос производства, и конкуренция, и капиталистический обмен на основе вольной купли-продажи, и эксплуатация труда рабочих не в пользу государства, а в пользу свою — трестовскую, синдикатскую. Государство пользуется лишь той частью прибавочной стоимости, которую оно урывает путем введения налоговых ставок на промышленность, существующую на основе хозяйственного расчета. Следовательно, экономический строй крупной нашей промышленности обладает одним лишь элементом государственного капитализма — элементом собственности на средства и орудия производства; присвоение же продуктов производства и организации обмена принадлежит отдельным трестам и синдикатам, ведущим это хозяйство на вышеуказанной основе, как всякое предприятие, арендованное частным капиталом у государства. Формально такой строй можно назвать строем децентрализованного государственного капитализма; по существу — частно-капиталистическим, по под государственным контролем, существующим и в тех буржуазных странах, где проводится имущественно-подходный налог.

Что наш строй обладает одним лишь элементом государственного капитализма, — признает и . . . Л. Троцкий. В своей полемике против Отто Бауэра, считающего, что большевики восстанавливают капиталистическое хозяйство, он заявляет: «наши государственные предприятия работают на началах коммерческих, на основе рынка. Но кто собственник у нас? — Рабочий класс. Что это означает в перспективе? — Чем больше будет развиваться

наш «государственный капитализм», тем богаче будет становиться рабочий класс, т. е. тем солиднее будет фундамент социализма».

Но что право собственности не предпрещает еще типа хозяйства, видно хотя бы из того, что и земля находится в собственности государства, а между тем формы землепользования, кажется нам, — не формы государственного капитализма. Право собственности государства на что бы то ни было не означает также и обогащения трудящихся, если государство удовлетворяется ничтожной частью прибавочной стоимости в форме налога, а остальная часть остается в полном распоряжении самостоятельной хозяйственной единицы, работающей «на началах коммерческих, на основе рынка». Следовательно, и «фундамент социализма» остается таким же, как и в буржуазных странах, пользующихся правом обложения промышленности и правом собственности на некоторую часть ее — рудники, железные дороги и пр.

Это — в отношении тяжелой и легкой индустрии, находящейся в собственности государства. В отношении же средней, мелкой и вообще той части индустрии, которая сдана в аренду, приходится констатировать полную ее организацию на началах частно-предпринимательских, укрепление частно-капиталистических форм, как в смысле организации производства в каждом отдельном предприятии, так и в смысле общего товарооборота. А в связи с установлением частно-капиталистических форм в отношениях между городом и деревней, между всем нашим хозяйством и хозяйством мировым, — реальная экономическая база РСФСР выступает во всей своей капиталистической наготе, правда прикрытой фигурным листком права государства «аннулировать те хозяйственные взаимоотношения, которые объективно причиняют явный вред пролетарскому государству, как хозяйственному организму».

Этой базе соответствует и советская надстройка. В области рабочего законодательства мы имеем наем рабочих и служащих по добровольному с ним соглашению, договоры коллективного и личного найма, регулирование условий труда и заработной платы, примире-

тельные камеры и третейские суды, страхование рабочих, минимум государственных гарантий, ниже которых не может опускаться использование рабочей силы, 8-часовой рабочий день, сверхурочные работы с некоторыми, правда, ограничениями, добровольное членство при образовании профсоюзов, отрицательное отношение к стачкам, особенно в государственных предприятиях, централизацию стачечных фондов и вообще регулирование конфликтов труда с капиталом через единый всеобъемлющий центр, социальное страхование, но не распространенное на все случаи временной и постоянной утраты трудоспособности, сберегательные кассы.

В области финансовых мероприятий ведется присущая всем буржуазным странам политика сокращения эмиссии, в котором усматривается спасение от всех бед, повышение тарифов и ставок косвенного обложения, сокращение государственных расходов путем сокращения советского аппарата, увеличение прямых налогов, введение подоходно-поимущественного налога в городах, подворно-денежного в деревнях, политика займов — хлебного, выигрышного, политика установления связи между состоянием наших финансов и торговлей, главным образом внешней и экспортной, ставящей задачу вывоза хлеба и «чем скорее, тем лучше».

Для полноты картины можно еще добавить право возмездного отчуждения немunicipализованных строений собственникам их, право застройки, частичное право наследования «по закону и по завещанию», право залога имущества и право открытия заведений для платной игры «в неазартные игры».

Как видно из всего изложенного, Марксова теория вполне оправдывается коммунистической практикой: наемному труду в индустрии и сельском хозяйстве, купле-продаже, мене, займу, подряду, поручительству, доверенности, всех видов товариществу, страхованию — соответствуют формы рабочей организации, законодательства, финансовые мероприятия, вся юридическая надстройка и сознание, находящее свое отражение на четырех идеологических фронтах рабоче-крестьянской России: кино, развивающейся уголовной литературе,

бульварном театре, танцульке и вечеринке с выпивкой и драками.

Лишь одна надстройка не укладывается, как будто, в прокрустово ложе формулы: «базис — надстройка»; это — надстройка политическая. Капиталистической базе, — с огорками и ограничениями, но всё же капиталистической, — вот уже пять лет «соответствует» коммунистическое правительство. Попытки объяснить это противоречие тем, что новая экономическая политика не есть возврат к дореволюционным экономическим взаимоотношениям, явно несостоятельны. К чему апеллируют коммунисты в этом случае? Они говорят: основа буржуазного правопорядка — частная собственность — претерпела два существенных ограничения. Первое заключается в том, что хотя право владения, пользования и распоряжения и принадлежит собственнику имущества, но в «установленных законом пределах». Второе — в том, что право собственности, как и всякое частное право, в Советской Республике должно заключать в себе элемент социальной полезности. — Но в «установленных законом пределах» частная собственность существует во всех буржуазных странах: муниципальные сады, оранжереи, музеи, дома, канализация, электричество, государственные заводы, железные дороги, почта, телеграф, городские магазины и мастерские, — все эти не частные учреждения существуют на основе буржуазного гражданского кодекса. Разница, следовательно, между ним и советским не принципиальная, не качественная, а количественная. То же самое относительно «элемента социальной полезности». Разве этот элемент, преследующий в нашей республике «интересы развития производительных сил», не присущ всякому капиталистическому порядку? И разве буржуазные государства не посягают на имущественные права граждан, если государству это необходимо? Банковские операции, например, если они наносят существенный ущерб государственным интересам, вызывают вмешательство государства в дела банка, реквизицию дел, даже аресты руководителей банка. Возмездное изъятие земли из рук частных собственников для постройки железной дороги практикуется во всех буржуазно-демократиче-

ских странах. Азартные игры преследовались даже в монархической России. И в этом случае — различие лишь количественное, а не качественное. «Мы поощряем только здоровую частную инициативу», — говорят коммунисты. Но какая же власть поощряет инициативу большую, вредную для государственных интересов и целей? Разве «панамы» поощряются буржуазными правительствами, и разве панамы не бывали в нашей республике, хотя они и преследуются?..

Такими доводами указанного выше противоречия не объяснить. Или соответствие базы и надстройки существует, — тогда придется констатировать, что рано или поздно это соответствие наступит и в русской жизни, богатой всякими социальными «причудами» и самобытностями. Или правильно — действительно коммунистическое; тогда приходится вышвырнуть за борт все усилия «ученых», в течение десятилетий пытавшихся установить единый закон развития общества и наступления социалистического строя. Ибо никакие поправки и комментарии не объясняют противоречия между русской экономикой и большевистской «политикой». Поправка в том смысле, что «как ни сильно влияние, испытываемое экономическими отношениями со стороны отношений политических и идеологических, все-таки экономические отношения оказываются в последнем счете наиболее влиятельными, образуя ту красную нить, которая проходит через все остальные отношения, и которая одна только и ведет к пониманию», — что же эта поправка доказывает? Что может доказать заявление: «Да, объективно нэп создает почву для грядущих буржуазных реставрационных выступлений. Но зато субъективно он же пробуждает готовность к отпору этим возможным опасностям. Вместе с провозглашением новой экономической политики коммунистическая партия объявила идейно-политическую мобилизацию коммунистов, которая призвана парализовать возможные политические последствия нэпа» («Известия», Стеклов, 24/X, № 240/1679)? Ничего. Во-первых потому, что в «конечном счете экономические отношения оказываются наиболее влиятельными». Во-вторых, хотя люди делают свою

историю сами, но делает ее «в данной обстановке, определяющей их собой на основе данных фактических отношений». А отношения эти таковы, что «объективно они создают почву для грядущих буржуазных реставрационных выступлений». В-третьих, — с каких это пор марксисты начали придавать такое значение кучке людей, хотя бы и коммунистов, хотя бы и мобилизованных, ставящих себе задачу — парализовать «возможные политические последствия нэпа» против воли всех, пропиты-вающих идеологией его? И что могут эти идейно-политические сотни сделать, когда в процессе работы «парализования последствий» нэп постепенно парализует их волю, развращает их психику, отравляет их стремления, искажает их желания? Им остается или умереть смертью славных леонидовцев при Фермопилах, или победить... в стане нэпмановцев при... Ильинке.

Один считает возможным парализовать последствия нэпа идейно-политической мобилизацией коммунистов. Другой считает государственную власть решающей в вопросах хозяйства. И всё — на основании Маркса; и всё, чтобы доказать, что нэп не страшен. «Нам говорят, — заявляет Троцкий, — что при помощи государственной власти нельзя создать насильно нового строя. Но почему же буржуазия придает такое крупное значение государственной власти?» (Речь Троцкого на 5 съезде РКСМ). Но ведь буржуазия не базирует своей политики на диалектическом понимании исторического развития и не знает ни Маркса, ни марксизм. Троцкий же — марксист. А Маркс ведь издевался над «строителями», полагавшими, что, пользуясь властью, можно пострить новое общество, «как железную дорогу».

И с точки зрения ортодоксального марксизма, и с точки зрения комментированного и немного приправленного, нэп обязательно съест политическую надстройку. Ведь с изменением экономической основы военного коммунизма в основу нэповскую происходит, медленнее или быстрее, переворот во всей громадной надстройке. Так говорит... Ленин. Поэтому, когда указывают на длительность существования «коммунистического» правительства,

марксистам могут ответить: Маркс и Ленин (или наоборот) сказали . . . медленнее или быстрее.

* * *

Мы не марксисты. Теорию конечной причины мы заменяем теорией, по которой все причины изменения форм общества и общественного развития — и экономика, и право, и идеология — являются равноправными факторами процесса развития, причем степень влияния каждого из них на остальные и на весь процесс развития в целом различна в разные эпохи. В периоды социальных потрясений громадную, первостепенную роль играет «сила общественных эмоций», личная энергия, воодушевление масс и их творческая инициатива. В периоды мирного развития господство экономических интересов сплетается с не менее важными влияниями умственного сознания. Но и то, и другое, и третье мыслится в связи с существованием и деятельностью человека, единственного активного носителя всех этих процессов, всех изменений, всякой смены форм общественной жизни.

Не подтверждает ли эта теория высокомерного заявления коммунистов, что как бы быстро ни шло развитие нэпа, он не в состоянии будет выбить власть из рук коммунистической партии, и полное восстановление капитализма в России невозможно, несмотря на все завоевания нэповцев?

Не анализируя сущности новой экономической политики, политики внутренней и международной, нарождающейся общественной атмосферы, психологических сдвигов, приходится сказать: да, теория равноправности факторов процесса развития должна допустить такую возможность. Особенно при политике репрессивных мер, террора, чрезвычайных судов. Такие меры могут надолго сохранить власть коммунистической партии вопреки всяким марксистским догмам. Поскольку поли-

тический фактор является равноправным фактором развития общества, постолько борьба между носителями нэповских устремлений и большевистских целей может и не означать победы одних над другими, первых над вторыми. Скорее наоборот, правительственный механизм может, при наличии субъективно-психологических предпосылок в их статике, оказаться сильнее базы и сломить ее. Разве в буржуазных странах сильное рабочее движение, могучие партийные и профессиональные организации, поддерживаемые самыми крайними мерами борьбы и готовностью объективной базы к перевороту, непременно приводит к этому перевороту, к захвату политической власти пролетариатом? Вся история рабочего движения показывает, что социалистические организации и рабочие союзы, пользуясь всеми свободами демократических государств, не могут без какой-либо объективной стихийной помощи победить буржуазию даже на короткий срок. Почему же буржуазия при нэпе, не имеющая этих прав, неорганизованная, без боевых традиций, должна победить организованную партию, опирающуюся при этом на армию? Теоретически такое противоестественное сожительство непманов и большевиков вполне допустимо.

Но для каждого конкретного случая приходится анализировать условия сосуществования этих двух сил и решать, кому эти условия благоприятствуют больше, как длительно они действуют, чем грозит одним или другим длительность этого действия и не возможно ли достижение нэпом такого состояния, когда количество переходит в качество? Лишь при полном рассмотрении всех этих вопросов в связи с состоянием нашей промышленности и сельского хозяйства, финансов и международных отношений можно дать ответ на конкретный вопрос: кто кого съест — нэп власть советов, или же наоборот.

Г. Н.

(Окончание следует)

О положении трудящихся на Украине.

Слишком неприглядно положение трудящихся на Украине. И чем больше логически завершается, тем ярче выступает колоссальная разница в экономическом положении трудящихся города и деревни с одной стороны и привилегированной группы в виде спекулянтов и чиновников разных мастей с другой. Положение рабочего класса трагическое.

Оплата труда рабочего одной и той же квалификации разнится в 3-4 раза в зависимости от того, в каком предприятии он работает. Тарифные ставки еще далеко не достигли уровня до-революционного периода. Наряду с этим, чиновники хоз. и сов. учреждений получают колоссальные оклады, достигающие 300 тов. рубл. Наряду с вводимой системой Тейлора, сдельщиной, увеличением нормы выработки, положение рабочего класса не только не улучшается, но — наоборот — ухудшается. Но и за бесценку не всем удастся продать свой труд. Армия безработных все возрастает. Кризис и безработицу оказались бессильными ликвидировать правительственные органы. Учащаются случаи самоубийства на почве голода. Положение рабочего ухудшается еще тем, что он лишен своих классовых организаций. Профсоюзы окончательно выродились в агентств государств. капитализма. Во имя поддержки «своего» капитализма, они последовательно предадут интересы трудящихся. Без ведома и против воли рабочих они заключают крайне низкие тарифные соглашения и заставляют рабочих отчислять на разн. нужды 16-20% оклада рабочего. Рабочая кооперация превратилась в отделение казенной торговли. Рабочая общественность окончательно умерла. Рабочий класс, лишенный политических прав и находясь в тяжелом материальном положении, обезличен и превращен в армию «воздерживающихся». За малейшее проявление интересов

к своей судьбе, за попытку разрешить свои вопросы без указки и вмешательства профсоюзного начальства рабочие выбрасываются на улицу по «сокращению» штатов, а вместо них сейчас же набираются новые рабочие; непокорных исключают из союзов и объявляют им локаут. Рабочий класс находится под «железной пятой» государств. капитализма, пользующегося в борьбе против рабочих не только своим монополизированным положением, но и опирающегося на всю силу государственного насилия.

Положение трудового крестьянства еще хуже. Оно существует лишь как «податное быдло», как объект, с которого дерут столько, сколько только возможно. Множественность налогов заменена «единым» в размере, их превышающем. Но и «единый» не освобождает крестьянства от местных налогов. Бесправное, забитое и терроризованное крестьянство, после эпохи военного коммунизма, терпеливо переносит поборы всяких местных «комгенералов», сельскомов и т. д. Но все эти налоги и поборы бледнеют перед политикой государства, искусственно попирающего ценность с.х. продуктов во имя протекционирования чужой городской промышленности. Крестьянское хозяйство все более и более хиреет и не в состоянии приобретать несоразмерно дорогие продукты городской промышленности. Наряду с безысходной нуждой, голодом и бесправием трудящихся, окончательно оформился новый класс хоз.-сов. и профчиновников, сформировавшийся из деклассированных рабочих и прежней буржуазии, привившей выходцам из рабочего класса свои навыки, свою психологию и свой инстинкт. Собственные экипажи и автомобили, роскошные костюмы, сытая довольная жизнь, швыряние бумажных денег в разных вертепах, стильная меблировка, мод-

ные содержанки, червонцы, золото, — все это изготавливается из крови и пота рабочего класса. Такова социальная картина современной Украины. Она стала возможной благодаря той социальной путанице, которая создана невиданным затемнением классового самосознания рабочего класса, когда в одном огромном котле перемешались: хищная безудержная спекуляция, голодная оплата труда, роскошь одних, наряду с голодом других, невиданная диктатура (компартии) над трудящимися под видом «рабоче-крестьянского правительства».

Но нужно все-таки констатировать, что дурман классовой неразберихи, которым отравлены трудящиеся, все более и более проходит. «На Шипке все спокойно», — повествует казенная печать (другой ведь нет). А в глубине толщи рабочей массы идет глубокое брожение. Нарастает активное недовольство существующим режимом. То здесь, то там, эти настроения неожиданно вспыхивают в виде экономических стачек. В течение августа почти все крупные предприятия Харькова бастовали. Паровозостроительный завод, Всеобщ. Комп. Электричества, трамвай — это только самые крупные центры стачки, задающие тон всему рабочему движению на Украине. Общеузловое ж.-д. собрание из нескольких тысяч человек, потребовало «Всеукраинского старосту» Петровского, пытавшегося отделаться разговорами на общие темы. Со слезами на глазах, под свист рабочих, ему пришлось оставить собрание. В данном случае не помог обычный демагогический выпад, заключающийся в попытке раскола служащих и рабочих. Требовали «товарный» рубль, а некоторые «пассажирский», указывая, что товарный индекс устанавливается произвольно госуд. органами, т.-е. работодателями. Такая же картина и на других предприятиях и в других городах Украины. Профсоюзы в этом столкновении труда с капиталом открыто становятся на сторону капитала и оцениваются рабочими лишь как конторы, без которых невозможно получить работу. Даже идея помощи германскому пролетариату безнадежно скомпрометирована тем, что за реализацию ее взялись казенные органы. Только три дня тому назад выступил предсовнарком Чубарь на

паровозостроительном заводе по вопросу об оказании помощи германскому пролетариату. Рабочие не захотели остаться даже выслушать главу правительства. Из 4.500 рабочих осталось на митинге едва 300 человек. Но и эти 300 отказались «воздержаться» при решении вопроса о помощи. Не удалось этот вопрос протолкнуть обычными приемами: передать на разрешение делегатского собрания. Рабочие заявили, что не доверяют делегатскому собранию, требуют его переизбрать, а вопрос об отчислении, настояли передать на разрешение общего собрания. Этот сравнительно незначительный факт освещает настроения рабочих. Чубарю пришлось выслушать не мало истин по отношению к компартии. А истинные мотивы отказа сделать безусловное необходимо отчисление в пользу германских рабочих расшифровывались выкриками (говорить откровенно ведь нельзя, сейчас попадешь под «сокращение», а то и в ГПУ), что: «знаем, куда деньги пойдут; они нужны германской компартии для завоевания себе власти и диктатуры»...

Положение наше, рев. рабочих, в такой обстановке для бесконечности трудное. Ком. власть ни на минуту не оставляет нас в покое. Рабочие приглашаются в ГПУ. Шантажем и угрозами арестов, снятия с работ и обречения этим их семей на голод заставляют более слабых духом отказываться от дальнейшей борьбы.

В заключение хочу сказать, что в Питере начинаются предвыборные манипуляции. 7 с/м было собрание 2000 раб. Николаевских ж.-д. мастерских. Выступал преде. Исполкома Евдокимов. Предложил собравшимся «пожертвовать в пользу пострадавших в Японии». Тогда выступил старый рабочий с речью, где заявил: «Японию трясло только 6 минут — и нас зовут ей помочь, а нас 6 лет трясло — и нам западный пролетариат тем не менее не помог и никто не помог». Когда внесли резолюцию с положительной оценкой деятельности Исполкома, тот же рабочий внес другую — с отрицательной оценкой: за его резолюцию поднялось 4 руки, за официальную — ни одной. Тем дело и кончилось. Говорят, что этого старика уже убрали...

„НОЖНИЦЫ“.

На XII съезде РКП Л. Троцкий привел цифры расхождения цен на промышленные и с.-х. товары, задерживающие «смычку» города с деревней. «Крестьянин за мануфактуру, за мыло, за керосин, за кожевенные товары, за спички, соль, сахар и растительные масла, в том количестве, которое ему нужно в обрез в его обиходе, должен теперь платить на 167% больше, чем он платил в 1913 г., т.-е. он должен давать, вместо 1 ф. хлеба за соответственное количество продуктов, — 2,67 ф., в 2 с половиной раза больше». И тут же на съезде были продемонстрированы диаграммы понижения и повышения цен, известные под названием «ножниц», — как говорят в рабочих и крестьянских массах, — для стрижки и брижки народа.

Как обстоит дело с ножницами сейчас? Произошла ли смычка хотя бы в малой доле, смычка реальная, а не словесная, не выставочная — в роде «смычки» Пресненского совета с «народами» СССР, или даже «смычки» всех «мировых» крестьян, в лице проф. Варги, Теодоровича, депутатов, журналистов американских и английских газет, президентов штатов со всеми пролетариями мира, в лице Коминтерна в стенах интернационального Кремля?

«Смычку» реальную иллюстрируют цифры*).

Еще в октябре 1922 г. отношение современных цен к довоенным для зерна и фуража было равно 1,02, т.-е. цены на зерно и фураж стояли выше цен предвоенных. Общий продовольственный индекс был равен предвоенному. Индекс промышленный был ниже зернового и продовольственного. С декабря картина начала меняться. Индексы зерновой, продовольствен-

ный, с.-х. падают, сырьевой, текстильный, кожевенный, металлический, обще-промышленный и т. д. растут. Состояние «ножниц» в настоящее время видно из приводимой таблицы.

Что же произошло? Цены на зерно и фураж еще упали с марта по начало октября в 1,6 раза, обще-продовольств. цены и цены с.-х. товаров в 1,4 раза, а все остальные цены повысились. Металлическая промышленность увеличила свои цены почти в 20 раз. А это означает, что стрижка и брижка деревни идет во всю. Так, в Сумском уезде Хорьк. губ. 1 п. соли обходится в 7 п. ржи (до войны 1 п. ржи — не более 3 п. соли), 1 п. керосина не менее 14 п. ржи (до войны — максимум полтора п.), пара сапог — 70 п. ржи (до войны не выше 4 п.), 1 п. кровельного железа — 40 п. ржи.

Чем же объяснить, что цены на продукты крестьянского хозяйства падают, на промышленные — поднимаются? Неоспоримо, что понижение цен на хлеб зависит от несоответствия предложения хлеба на рынке покупательной способности хлебозаготовительных организаций в то время, когда взнос налога деньгами был крестьянству выгоден. Так, на Юго-Востоке денежный эквивалент составлял в начале сентября 90 р. за пуд пшеницы в то время, как на рынке цена стояла выше. То же относится к низким ценам хлебного займа — 23 к. за пуд ржи. Это побудило крестьян торопиться взносами налога деньгами или займом, выбросив на рынок хлеб. В это время Госбанк сузил кредит хлебозаготовительным учреждениям, во многих местах

*)

Месяцы	Зерно и фураж	Общий прод. инд.	Все сельхоз. товары	Лен, пенка и их товары	Хлопок и хлоп. бум. ткани	Текст. сырье	Текст. фабр.	Текст. пром.	Кож. товар.	Все пром. товары	Метал. пром.
Январь	—	0,92	0,82	0,78	2,53	1,25	2,04	1,92	1,02	1,24	21,3
Февраль	0,73	0,88	0,78	0,74	2,35	1,08	1,95	1,79	0,98	1,31	29,0
Март	0,72	0,86	0,76	0,77	2,31	1,23	1,88	1,78	1,02	1,34	35,0
Апрель	0,67	0,80	0,72	0,84	2,55	1,29	2,08	1,95	1,12	1,43	46,5
Май	0,60	0,75	0,67	0,84	3,01	1,31	2,50	2,29	1,09	1,53	71,8
Июнь	0,59	0,74	0,66	1,13	2,97	1,66	2,48	2,36	1,09	1,54	98,3
Июль	0,66	0,79	0,70	1,16	2,89	1,72	2,25	2,20	1,10	1,45	150,0
Август	0,55	0,75	0,65	1,37	2,68	1,65	2,46	2,35	1,28	1,57	221,0
Сентябрь	0,46	0,66	0,56	1,59	2,90	1,65	2,68	2,51	1,56	1,68	683,0
Октябрь	0,45	0,64	0,54	—	2,97	—	2,74	2,56	1,61	1,72	—

В абсол. индексах: абсолютный индекс имеет базисом средние цены за 1913 год, принятые равными единице и выраженные в миллионах.

крестьяне возили хлеб обратно с рынка, цены понизились. Тогда кредитование пошло более быстрым темпом. Крестьянство было организованным путем побито. И это в дополнение к другим мерам, которыми оно беспощадно стрижется. Во-первых, — единым налогом, который в 1923 г. достиг 420 мил. зол. р. вместо 250 прошлого года, при пониженном в этом году на 20 «слишком» процентов урожае. Таким образом, из 2-х миллиардов зол. р., необходимых в настоящем бюджетном году, крестьянство уплачивает 21%. В прошлом году крестьянство платило только 17%, и то хозяйство неудержимо разрушалось. Во-вторых, — путем того же кредитования крестьянства. Ибо, получив в кредит червонец первого, допустим, сентября (2.000 р. зн. 23 г.), крестьянин должен 14 октября уплатить 5.180 при понижающихся ценах на хлеб и фураж и при скачущих ценах на промышленные товары. В-третьих, — путем обязательного страхования всего крестьянского инвентаря — от земли до последней курицы. В случае же падежа скота Госстрах выдает страховку в размере в 10-15 раз меньше, чем сумма необходимая для покупки хотя бы лошади. В-четвертых, — путем финансирования убыточной промышленности, проедающей свой основной капитал и живущей за счет эксплуатации крестьянства. Обложение промышленности переносится путем высоких цен все на то же крестьянство. В-пятых, — путем эмиссии, являющейся способом кредитования у населения, т.-е. у того же крестьянства. Одним словом, крестьянство должно изъять из своей продукции, стоимость которой определяется в 4 миллиарда руб., 2 миллиарда, т.-е. 50%, а не 21, как вычисляет официальная власть.

Для борьбы с такой грандиозной, всероссийской «размычкой», Госплан, Комвнторг, Наркомфин вырабатывают меры. Уже понижены цены на соль и мануфактуру на 25—30%. И так-как это понижение далеко недостаточно, чтобы изжить «кризис осеннего сбыта», то выдвигаются другие меры: это, по предложению члена президиума ВСНХ Смилги, — понижение заработной платы и начислений на нее. Уже понижен максимум от 150 товарных рублей до 150 червонных, что дает понижение на 5-6 червонных рублей. Соответственно это-

му вся тарифная сетка передвинулась вниз на два разряда. Предполагается сокращение начислений на зарплату. Наше законодательство о труде возложило на предприятия ряд новых расходов, которых не несла промышленность в довоенное время. Сюда относятся расходы, связанные с содержанием завкомов, предоставлением очередных и дополнительных отпусков, сокращением рабочего времени подrostков, выдачей нейтрализующих веществ и спецодежды, предоставлением перерывов работницам, кормящим грудью; сюда входят затраты предприятий на социальные страхования, на содержание ВУЗ'ов, на стипендии откомандированным на рабфаки и другие учебные заведения, на шефство и т. д. Начисления на зарплату достигают в некоторых предприятиях до 70-80% выплачиваемой рабочим зарплаты. Снижение начислений означает постепенный возврат к состоянию обычной капиталистической промышленности, не желающей ничего знать о культурно-просветительной работе среди наемных рабочих, об ограждении их от вредных условий работы. А понижение заработной платы возвращает их к состоянию 1919-20 г., когда материальное положение определялось как положение полуголодного человека. Правда, параллельно с этим предлагаются и другие средства. «Социалистический Вестник» ВСНХ говорит: «Везде и всюду стоит вопрос о дешевом сырье, о его возможном удешевлении, ибо в целом ряде случаев этим путем можно значительно понизить себестоимость, а следовательно и расширить рынок сбыта». Но в целом ряде случаев это понижение означает удар по производственной силке пролетариата с крестьянством, поскольку понижение цен на хлопок, лен, пеньку понижает покупательную способность деревни.

На почве таких мероприятий растет неуклонно недовольство масс, пролетарских и крестьянских, и мелко-буржуазного городского населения, живущего на счет жалованья. Закрываются по всей России ряд торговых предприятий, не выдерживая налогов, особенно последних (принудительного распределения облигаций вынудышного займа — до 1.000 штук на большие предприятия). Мы подходим к грани нового серьезного кризиса, — быть-может к грани новой эпохи.

Г. Н.

ПРОГРАММА ОБЩЕСТВА МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Неизданный отрывок из соч. Михаила Бакунина*).

[Вступительная заметка. — Рукопись Бакунина, на 15½ страницах белой бумаги формата in-4°, была передана мне в феврале 1895 г. П. Кропоткиным. В пачке бумаг, собранных им в Швейцарии, должны находиться, помимо нее, еще две рукописи одного французского автора относительно Коммуны и текст весьма распространенной в свое время среди юрцев песенки: «Добрый Буржуй», которую Кропоткин, бывало, постоянно напевал, как только увидит ее заглавие. На небольшой пачке этой была сделана надпись: «Рукопись Бакунина, 1865 г.?» Вполне ли точно это указание?

Нынче — с первого взгляда легко предположить 1865? или, скорее, 1864 - 1866? годы; но к февралю 1895 г. все материалы, на основании которых теперь можно было бы прийти к этому заключению, еще не были опубликованы, за исключением тех, что вошли, на русском языке, в редкую, но хорошо известную Кропоткину, книгу: «Историческое развитие Интернационала» (1873) (о тайном обществе, основанном Бакуниным в 1864 году). Липо, выставившее на рукописи обозначение: «1865?», основывалось, стало быть, либо на напечатанном в этой книге тексте, либо на некоторых личных данных, сохранившихся у кого-нибудь в памяти и известных во время пребывания Кропоткина в Швейцарии, лишь немногим: в том числе, однако, Реклю и Жуковскому.

Тем не менее, у меня возникают некоторые сомнения. Я признаю, что как расположение, так и содержание текста во многом соответствуют «Революционному Катехизису» первых месяцев 1866-го г., с экземпляра которого, переданного Герцену вместе с письмом Бакунина от 19-го июля 1866, я списываю приводимые здесь в конце резюме и заключение. Но предлагаемый отрывок на мой взгляд представляется более обдуманным, более ясным и легким по слогу, одним словом — более совершенным, нежели текст 1866-го г., предшествовать которому он, по моему, никак не мог. Я лично отнес бы его к значительно более позднему сроку, а именно к марту 1871-го года.

*) Настоящий отрывок (на французском языке), ранее в печати не появлявшийся, передан нам т-щем М. Неттлау, снабдившим его обстоятельной пояснительной заметкой. Отрывок представляет собою не только исторический, но и значительный теоретический интерес. — Ред.

Вопрос о сроке написания этого документа представляет собою то значение, что было бы чрезвычайно интересно ознакомиться с самыми первыми социалистическими произведениями Бакунина, написанными им после многочисленных писаний 1862-63 г.г. по славянскому вопросу. Если бы предлагаемая рукопись была написана, действительно, в 1865? году, она относилась бы именно к этим первым социалистическим произведениям, отыскать которые либо весьма трудно, либо даже невозможно, т.к. они утеряны. В противном случае, это предположение отпадает.

Моя гипотеза такова:

Из ежедневных его записей видно, что Бакунин, находясь в промежутке времени между 20 марта и 2 апреля 1871 г. частью во Флоренции, а частью у друга своего Маддони, в Прато (близ Флоренции), отмечает: 25 марта — «писал программу», 26-го — «программа», 28-го утром и вечером — «программа» и 30-го — «программа». Нам неизвестно никакое подобное его произведение; и ничто в его тогдашних занятиях или отношениях с людьми не указывает на необходимость составления какой-либо организационной, журнальной и т. п. программы. Он ездил тогда во Флоренцию по своим частным делам, о которых он должен был беседовать еще с двумя лицами. Там он встретился со своими итальянскими друзьями, принимавшими в 1864 и в последующие годы участие в Международном Братстве или по меньшей мере в его итальянском ответвлении; то были: Фанелли, Фриша, Берти Калура (из Флоренции), Маддони (у которого он жил в Прато) и Гамбуцци. Они постоянно виделись, и раз какая-то программа в это время была написана в Прато и во Флоренции, то, по моим соображениям, это и была предлагаемая ниже «Программа», которая должна была заменить программу 1866 года, не соответствовавшую более, как видно из приводимого ниже резюме, понятиям 1871 года, т.-е. пугавшуюся в обновлении и переработке. Вероятно, Бакунин нашел у кого-либо из флорентийских друзей прежний текст и, взяв его за основание, переработал его на-ново. Возможно, что друзья попросили его об этом или поддержали его в его собственном начинании, и что он рассчитывал в первую очередь в Италии именно на них, ибо движение молодежи, толчок которому дала Парижская Коммуна, и поход Мадзини против социализма тогда еще не начинались.

Я даже полагаю, — впрочем, чисто гадательно, — что он, уезжая вскоре после того (25-го апреля) из Локарно в Юру, где он остановился сначала в Сонвилье у Швидгеля, взяв с собою рукопись, рассчитывая продолжать работать над ней, а потом, перестав ею заниматься, отдал ее Швидгелю, которому он оставил рукопись написанных тогда же «Собеседований». Швидгель сам не собирал коллекции, но он ценил и хранил интересные рукописи с тем, чтобы передать их потом друзьям, интересующимся ими. Так, напр., он передал Д. Гильому рукопись «Собеседований», переписав ее предварительно для себя, а впоследствии он отослал то, что у него оставалось еще из Бакунинских рукописей и ма-

териалов, Кафиеро, когда тот стал подбирать данные для биографии Бакунина. Таким образом, он легко мог подарить настоящий отрывок Кропоткину, с которым был связан тесной дружбой.

Если бы мое предположение подтвердилось, то предлагаемая рукопись, составленная непосредственно вслед за многочисленными писаниями 1870-1871 гг. и, в частности, за отделом, называемым «Бог и Государство», выявила бы влияние этой напряженной умственной работы на более раннюю и несколько более примитивную форму, в которую прежде выливались идеи Бакунина, и была бы примечательна с этой точки зрения, хотя и отпала бы ценность ее, как одного из первых произведений данного периода.

2-го ноября 1923.

М. Неттлау].

Часть Первая.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

I.—Отрицание Бога и принципа власти, божеской и человеческой, а также всякой опеки одних людей над другими, — даже в том случае, если бы опеку эту пытались учредить над лицами совершеннолетними, но лишенными образования, или над невежественными массами, — будь то во имя высших соображений, или даже научных доводов, представляемых либо группой лиц признанного и патентованного ума, либо каким-нибудь одним классом, что повело бы, в том и другом случае, к образованию своего рода умственной аристократии — наиволее гнусной и вредной для дела свободы.

Прим. 1. Позитивное и рациональное знание является единственным светочем, способным вести человека к познанию истины и регулировать его образ действий и его отношения к окружающему обществу. Но и такое знание подвержено заблуждениям, и даже если бы этого не было, оно все-же не должно присваивать себе право управлять людьми вопреки их убеждениям и их воле. Подлинно свободное общество может признать за знанием только двойного рода право, пользование которым является вместе с тем и обязанностью: во-первых, воспитание и образование лиц обоого пола, одинаково доступное и обязательное для всех детей и подростков до их совершеннолетия, когда должно прекратиться действие всякой опеки, и во-вторых — распространение основанных на точном знании понятий и построений, стремление внедрить их во всеобщее убеждение, при помощи, конечно, совершенно свободной пропаганды.

Прим. 2. Решительно отбрасывая опеку (в какой бы форме она ни проявля-

лась), которую развитый знанием и опытом — деловым, житейским и человеческим — ум мог бы попытаться учредить над невежественными массами, — мы далеки от того, чтобы отрицать естественное и благотворительное влияние знания и опыта на эти массы, лишь бы это влияние проявлялось совершенно просто, путем естественного воздействия высшего интеллекта на низшие, лишь бы оно не было облечено ни в какие официальные формы и не разделялось бы никакими привилегиями — политическими или социальными, — ибо эти две вещи неминуемо вызывают, с одной стороны, порабощение масс, а с другой — испорченность, разложение и отупление самих облученных и наделенных.

II.—Отрицание свободной воли и права общества наказывать, — так-как всякий человеческий индивид, без исключения, является ничем иным, как невольным продуктом естественной и социальной среды. — Существуют четыре основных причины человеческой безнравственности: 1) отсутствие разумной гигиены и воспитания; 2) неравенство экономических и социальных условий; 3) невежественность масс, естественно вытекающая из такого положения; и 4) неизбежное последствие указанных явлений — рабство. Воспитание, образование и организация общества на основе свободы и справедливости должны заменить наказание. В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество, — в интересах самозащиты от несправимых индивидов — не пресупных, но опасных — никогда

не станет применять к ним какого-либо иного наказания, кроме отмщения их за пределы его гарантий и его солидарности, — т.-е., кроме исключения их.

III. — Отрицание свободной воли отнюдь не есть отрицание свободы. Наоборот, свобода представляет собою прямое следствие, результат естественной и общественной необходимости.

Прим. 1. По отношению к законам природы, составляющим первооснову и неминущее условие его существования, человек не свободен. Они пронизывают его и господствуют над ним, как пронизывают и господствуют над всем существующим. Ничто не в состоянии избавить его от их рокового всеислия; всякая попытка к возмущению с его стороны привела бы его просто к самоубийству. Но благодаря могучей способности, присущей его особенной природе и неумолимо побуждающей его осознать окружающие его условия и овладеть ими, человек может постепенно освободиться от неотступного гнёта, от естественной и подавляющей его враждебности внешнего мира, как физического, так и социального, — при помощи мысли, знания и приложения мысли к инстинкту воления, т.-е. при помощи своей разумной воли.

Прим. 2. Человек представляет собою последнее звено, высшую ступень в непрерывной скале существ, которые, начиная с простейших элементов и кончая им, составляют известный нам мир. Он — животное, которое, благодаря более высокому развитию своего организма, особенно мозга, обладает способностью мыслить и говорить. В этом всё различие, отделяющее его от всех других видов животных — старших его братьев во времени, младших в отношении умственных способностей. Различие это, однако, огромно. Оно — единственная причина всего того, что мы называем нашей историей и чего сущность и смысл могут быть вкратце выражены в следующих словах: человек исходит от животности, чтобы придти к человечности, т.-е. к устройству своего общественного существования при помощи науки, сознания, разумного труда и свободы.

Прим. 3. Человек есть животное общественное — подобно многим другим животным, появившимся на земле до него. Он не создает общества

путем свободного договора: он рождается в лоне общества, и вне последнего не мог бы ни жить, как человек, ни даже стать человеком, ни мыслить, ни говорить, ни хотеть, ни действовать разумно. Ввиду того, что общество формирует и определяет его человеческую сущность, человек находится в такой же абсолютной зависимости от него, как от самой физической природы, и нет такого великого гения, на которого оно не простирало бы своего господства.

IV. — Общественная солидарность — первый человеческий закон; свобода — вот второй. Оба этих закона взаимно проникают один в другой и, будучи неотделимыми один от другого, составляют всю суть человечности. Таким образом, свобода не есть отрицание солидарности; наоборот, она представляет собою развитие и, так-сказать, очеловечение последней.

V. — Свобода вовсе не есть независимость человека по отношению к непреклонным законам природы и общества. Она, прежде всего, — его способность к постепенному освобождению от гнёта внешнего физического мира при помощи знания и разумного труда; она, далее, — его право располагать самим собою и действовать сообразно его собственным взглядам и убеждениям: право, противопоставляемое деспотическим и властническим притязаниям со стороны другого человека, или группы или класса людей, или общества в его целом.

Прим. 1. Не следует смешивать социологических законов, иначе называемых законами общественной физиологии и представляющихся столь же неизбежно обязательными для всякого человека, как и законы физической природы, — ибо они, в сущности, являются тоже физическими, — не следует смешивать их с законами политическими, уголовными и гражданскими, которые в большей или меньшей степени выражают нравы, обычаи, интересы и взгляды, в определенную эпоху господствующие в обществе или в части этого общества, в отдельном классе его. Вполне естественно, что, будучи признаком большинством людей или хотя бы одним господствующим классом, они оказывают на каждого могущественное влияние — благотворное или вредное, в зависимости от их характера. Но для самого общества несколько не хорошо, не пра-

вильно, не справедливо и не полезно, чтобы законы эти могли быть властнически или насильственно навязаны кому бы то ни было, вопреки его собственному убеждению. Ибо, последнее означало бы покушение на свободу, на личное достоинство, на самую человеческую сущность членов общества.

VI. — Естественное общество, внутри которого рождается всякий человек и вне которого он никогда не смог бы стать разумным и свободным существом, очеловечивается само лишь по мере того, как все люди, его составляющие, становятся, индивидуально и коллективно, все более свободными.

Прим. 1. Быть лично свободным значит для человека, живущего в общественной среде, не поступаться ни мыслью, ни волей перед какой бы то ни было властью, кроме его собственного разума и собственного понимания справедливости: не признавать, одним словом, никакой иной истины, кроме той, которую он разумеет, и не подчиняться никакому иному закону, кроме того, который приемлется собственной совестью. Таково *conditio sine qua non* (непременное условие) соблюдения человеческого достоинства, неоспоримое право человека, признак его человечности.

Быть свободным коллективно значит жить среди свободных людей и быть свободным их свободой. Как мы уже указали, человек не мог бы стать разумным существом, обладающим обдуманной волей, а следовательно не мог бы завоевать себе индивидуальную свободу вне общества и без его содействия. Таким образом, свобода каждого является результатом всеобщей солидарности. Но если признать эту солидарность в качестве основы и условия всякой индивидуальной свободы, то станет само собою ясно, что человек, [живущий] среди рабов, даже на положении господина их, неминуемо будет рабом их рабства, и что сделаться действительно и вполне свободным он сможет лишь путем их освобождения. Итак, свобода всех необходима для моей свободы; отсюда следует, что неверно утверждение, будто свобода всех является пределом и ограничением моей свободы, — утверждение, которое равнялось бы полному отрицанию последней. Наоборот, всеобщая свобода представляет собою необходимое утверждение и бесконечное расширение свободы индивидуальной.

VII. — Индивидуальная свобода каждого человека становится

действительной и возможной лишь благодаря коллективной свободе общества, частью которого человек является в силу естественного и непреложного закона.

Прим. 1. Подобно человечности, чистейшим выражением которой она служит, свобода представляет собою не начало, а наоборот, завершительный момент истории. Человеческое общество, как мы уже указали, начинает с животности. Первобытные люди и дикари так мало признают свое человеческое звание и свои человеческие права, что начинают с похищения друг друга, а убивать друг друга они, к несчастью, не перестали до сих пор. — Вторым этапом на пути исторического развития человеческого общества является рабство. Третьим, — в середине которого мы в настоящее время живем, — период экономической эксплуатации, наемного труда. Четвертым периодом, к которому мы стремимся и, надо надеяться, приближаемся, — будет эпоха справедливости, эпоха свободы в равенстве, эпоха взаимной солидарности.

VIII. — Первобытный, естественный человек становится человеком свободным, он очеловечивается и морализуется, он, одним словом, осознает и осуществляет в себе самом и для себя самого свой собственный человеческий облик и свои права лишь по мере того, как он осознает этот облик и эти права у всех себе подобных. — Следовательно, в интересах своей собственной человечности, своей собственной нравственности и личной свободы человек должен желать свободы, нравственности и человечности всех людей.

IX. — Итак, уважение к чужой свободе представляет собою вышший долг человека. — Любить эту свободу и служить ей — вот единственная добродетель. Вот основа всякой морали; другой не существует.

X. — Так-как свобода есть результат и самое яркое выражение солидарности, т.е. взаимности интересов, то она осуществима вполне лишь при условии равенства. Равенство политическое может быть основано только на экономическом и социальном равенстве. Осуществление свободы благодаря этому равенству — вот справедливость.

XI. — Так-как труд является единственным источником всех ценностей, полезностей и богатств общества, то человек, который предстает

влетает собою существо общественное по преимуществу, не может жить не трудясь.

XII. — Один только организованный на началах взаимности и сотрудничества (ассоциированный) труд может оказаться достаточным для поддержания существования многочисленного и сколько-нибудь цивилизованного общества. Все, что принято называть цивилизацией, не могло быть создано иначе, нежели путем такого организованного ассоциированного труда. Весь секрет бесконечной производительности человеческого труда состоит, прежде всего, в применении к делу более или менее научно развитого разума (в свою очередь являющегося продуктом организованного ранее и ныне, труда), а затем и в разделении этого труда, но при необходимом условии одновременного комбинирования или ассоциирования этого разделенного труда.

XIII. — Основанием и главным содержанием всех исторических несправедливостей, всех политических и социальных привилегий, служит одно: порабощение и эксплуатация какого-либо организованного труда в пользу более сильных: народов-завоевателей, классов или индивидов. Такова подлинная историческая причина рабства, крепостничества, наемного труда, т.-е., резюмируя все это одним обозначением, — причина так-называемого права частной и наследственной собственности.

XIV. — С того момента, когда право собственности оказалось принятым и утвердившимся, общество должно было разделиться на две части: с одной стороны — собственническое и привилегированное меньшинство, эксплуатирующее организованный и подневольный труд масс, а с другой — миллионы пролетариев, порабощенных под именем рабов, крепостных или наемных рабочих. Для одних, — благодаря досугу, имеющему основанием удовлетворение потребностей и материальный комфорт, — оказались обеспеченными все блага цивилизации, воспитания и образования. Другие, — т.-е. многочисленные массы, — оказались осужденными на бессрочные принудительные работы, на невежество и на безысходную нужду.

XV. — Таким образом, цивилизованность меньшинства оказывается основанной на вынужденном варварстве огромного большинства. Следовательно, в силу самого своего положения, лица пользующиеся всякого вида политическими и социальными привилегиями, все представители собственничества, оказываются естественными врагами, эксплуататорами и угнетателями широких народных масс.

XVI. — В силу того, что досуг, — это драгоценное преимущество господствующих классов, — необходим для развития ума, а для развития характера и личности столь же необхо-

димы известный достаток и некоторая свобода в движениях и в деятельности, — вполне естественно, что господствующие классы вначале оказались более цивилизованными, более интеллигентными, более человечными и до известной степени даже более нравственными, нежели широкие массы. — Но в виду того, что с другой стороны бездельность и пользование всякого рода привилегиями ослабляют телесно, скупают сердце и дают ложное направление уму, заставляя его любить и преследовать ложь и несправедливость, вполне совместимые с частными интересами лиц привилегированных, но тем самым противоречащие интересам общества, — совершенно очевидно, что рано или поздно привилегированные классы должны были впасть в испорченность, в отупение и в рабское угодничество. — Это мы и видим, действительно, в настоящее время.

XVII. — С другой стороны, полное отсутствие досуга и подневольный труд естественно обрекли широкие массы на варварство. Труд сам по себе и не может развивать их уменство, так-как, в силу их вынужденного наследственного невежества, вся разумная часть работы — применение завоеваний науки, комбинирование и управление производительными силами — предоставлялись и предоставляются еще почти исключительно и сейчас представителям буржуазного класса; одна лишь мускульная, неразумная, механическая часть работы, ставшая еще более притупляющей благодаря разделению труда, была предоставлена народу, который, таким образом, в полном смысле слова оглушается повседневным каторжным трудом.

Но вот, несмотря на все это, благодаря громадной морализующей силе, присущей труду, благодаря тому, что, требуя справедливости, свободы и равенства для себя самого, работник тем самым требует их и для всех, ибо нет на свете человеческого существа, — за исключением, пожалуй, женщин и детей, — с которым обращались бы недостойнее, чем с ним; благодаря, наконец, тому, что он мало пользовался жизнью и не злоупотреблял ею, и что, следовательно, он не пресыщен ею; и еще благодаря тому, что при отсутствии образования он обладает зато тем огромным преимуществом, что его девственный ум и сердце не были развращены и искажены эгоистическими интересами и корыстной ложью, — что он сохранил в неприкосновенности всю природную энергию своего характера, между тем как все привилегированные классы опускаются, слабеют и гниют, — благодаря всему этому один только работник верит в жизнь, один он ныне представляет себе и собой, любит и желает истину, свободу, равенство и справедливость, одному ему принадлежит будущее.

(Окончание следует).

Анархическое и рабочее движение в Италии с 1914 года по нынешнее время

Очерк IV

Агитация против вздорожания жизни в 1919 и 1920 гг. и восстание в Анконе

Сначала европейская война, а затем борьба за и против вступления в войну, раздражавшая в течение девяти с лишним месяцев рабочее движение в Италии; состояние усиленной реакции, наступившее после пресловутой «красной недели» в 1914 году, а затем и состоявшееся вступление Италии в войну, — все эти факторы, хотя и внесли дух раздора в рабочее движение в Италии, но не смогли удуть революционный дух в итальянских народных массах, несмотря даже на то, что милитаристское правительство, при помощи до бессмыслия строгой цензуры, мешало проявлению всякого свободного слова критики и заглушало голос протестующих. И если большая часть народа и откликнулась на призыв к войне, желанной и выгодной для итальянского правительства, то все-же дух возмущения не угасал в том же народе, и революционная пропаганда не прекращалась, как среди рабочих масс, так и в войсках; она непрестанно развивалась, даже в самые неблагоприятные моменты, проявляясь как в печати, так и в устной агитации и в действии, на что мы уже указывали в нашей первой статье.

Из анархистской прессы удалось уцелеть и правильно выходить во все время войны одному только «Анархическому Будущему» в Пизе.*) Впрочем, и вся остальная социалистическая печать, поскольку она рещалась протестовать против войны, подвергалась строгим преследованиям, так-что ей лишь с большим трудом удавалось выходить в свет и быть распространяемой. Как и всюду, то было в Италии время торжествующего насилия.

Однако, произвол милитаристской политики и «железного кулака» мало мог способствовать поддержанию в глазах народа фикции о том,

что война ведется в интересах свободы и революции; наоборот, он вносил все больше озлобления в умы, и без того измученные всем, что приходилось претерпевать в смысле лишений, вызванных войной. Мало-по-малу подготавливалась почва для более широкого и глубокого революционного движения в последующий за войной период, когда массы неминуемо должны были быть охвачены духом протеста, немедленно вслед за прекращением очарования «прекрасной войны», до известной степени привязывавшего их к правительственной колеснице.

В общем, анархисты единодушно высказались против войны, — так же, как и некоторая часть остальных социалистов. Во многих случаях анархисты выступили плечо к плечу с социалистами, особенно в период 1915 и 1916 г.г., когда образовался сомкнутый фронт всех сторонников войны и началась ожесточенная борьба последних со всеми, оставшимися верными идее интернационализма и антимилитаризма.

Уже в течение войны имели место случаи брожения среди рабочих, как например, — движение среди металлистов в начале войны и агитация за амнистию многочисленным жертвам политических преследований к концу ее.

Как только разнеслась весть о заключении перемирия, во всех городах Италии произошли огромные манифестации. Демонстрации эти имели целью не только приветствовать прекращение войны, но также выразить волю к свободе, а паче всего — требовать амнистии.

В Италии, как и везде, во время войны много говорилось о революционных задачах, имеющих быть разрешенными по окончании войны; главное же, буржуазные классы и правительство не скупилось на обещания будущего благоденствия, долженствующего наступить, как только война будет доведена «до победного конца».

Для того, чтобы пробудить народные массы продолжать войну, — о которой говорили, что она будет закончена через несколько недель

*) Для того, чтобы составить себе более точное представление о деятельности анархистов за время войны и в течение всего революционного периода 1919-1921 г.г., см. библиографический перечень анархистской печати в Италии с 1914 по 1923 г. в приложении к настоящим очеркам.

по вступлении в нее Италии, итальянская буржуазия расточала обещание за обещанием, суля крестьянам землю, рабочим восьмичасовой рабочий день и даже Учредительное Собрание, лишь бы обеспечить себе, если не симпатии, то молчание социалистов.

По окончании военных действий, народ желал увидеть осуществление, притом безотлагательное, некоторых из данных ему посулов. Но с прекращением войны — ни правительство, ни буржуазия не намеревались, конечно, сдерживать обещания, которые они вынуждены были давать под давлением необходимости, чтобы удержать народные массы в спокойствии и повиновении. На неотступные требования они вздумали даже ответить мерами насилия. Естественным последствием этого было то, что в рабочей среде немедленно началась широкая агитация за проведение восьмичасового рабочего дня; и уже в течение первых месяцев 1919 г. рабочие частично добились его (так, например, на металлургических заводах 8-мичасовой день был введен 27-го февраля 1919 г.). В то же время, в деревнях началась борьба за отчуждение в пользу крестьян земель, необработываемых помещиками.

Как и следовало ожидать, массы, уставшие от долго длившейся войны, от лишений и от военной дисциплины, годами над ними тяготившей, немедленно по окончании войны решительно взяли сторону тех, кто всему этому был враждебен, т.-е. социалистов и анархистов. Этим воспользовались заправилы социалистической партии, постаравшиеся овладеть доверием народа и направить усилия его в сторону не революции, а давления на буржуазию, с целью добиться пресловутой «Учредилки». Все усилия вождей социализма, в особенности вожakov крупнейшего объединения профессиональных союзов — «Всеобщей Конфедерации Труда», были рассчитаны на то, чтобы ввести широко развивавшееся революционное движение масс в берега реформизма и объединить разнообразные стремления их на требовании «Учредилки», что сводилось, в сущности, к созданию парламента нового рода. Однако, анархистская пропаганда, принимавшая, в особенности с помощью печати, все более широкие размеры, а также и действительные выступления масс принудили «главарей» шагнуть дальше, нежели они вначале имели желание и намерение. Требования, предъявляемые рабочими относительно различного рода экономических и культурных улучшений их быта, требования, предъявляемые крестьянами относительно наделения их «необработанными» землями, агитация за дарование полной амнистии — становились все более настоятельными. Широкие размеры агитации и разного рода демонстраций успели вырвать у правительства и у бур-

жуазии много уступок, но революционное настроение масс от этого, конечно, не уменьшилось: наоборот, поддерживаемые подлинно революционными организациями, они не пропустили ни одного случая предъявить новые и все более «дерзкие» требования, притом отнюдь не исключительно экономического характера, а, наоборот, по преимуществу идейного и политического. По случаю 1 мая 1919 г., «Итальянский Синдикальный Союз» выпустил призыв с требованием, в числе прочих пунктов, полной демобилизации, освобождения всех политических заключенных, отмены § 56 для железнодорожников (т.-е. свободы стачек); отпуща на свободу военнопленных, находящихся в Италии, и возвращения итальянских войск, находящихся еще в России. В случае несогласия правительства удовлетворить эти требования, рабочие массы пригласились силою добиться выполнения их. Еще до того были объявлены две обширные амнистии, давшие свободу многочисленным политическим заключенным и «красным протестантам», как называли в Италии дезертиров. Но волна революционного движения продолжала нарастать с неудержимой силой.

Уже в мае 1919 г. среди рудокопов района Вальдарно началось брожение за шестичасовой рабочий день в шахтах; 20-го мая, в ответ на угрозу локаутом со стороны Горнопромышленного Общества, была объявлена всеобщая забастовка, длившаяся три долгих месяца и заставившая работодателей согласиться на все требования, предъявлявшиеся стачечниками.

Тем временем экономический кризис, неминуемо следующий за всякой войной и более или менее глубокий в зависимости от того, сколько усилий и напряжения война потребовала от народа, разразился также и в Италии, где он дал себя чувствовать с чрезвычайной остротой, волнуя рабочую среду. Цены на все товары резко подымались; вместе с ними росло и недовольство масс, вернувшихся с войны после четырехлетних лишений и не желавших снова надевать на себя ярмо вьючных животных, которое стремились наложить на них в виду тяжелого финансового положения. Итальянский рабочий требовал причитающихся ему человеческих прав, а также права на заслуженный отдых. Пусть те, кто нажили баснословные богатства на войне, на чужой крови и страданиях, отдадут награбленное за счет погибавших на полях битв и тем поддержат финансы разоряющегося итальянского государства: рабочие уже отдали все свое — кровь и молодость.

Примерно в середине июня в некоторых городах Италии неожиданно разразились беспорядки из-за дороговизны: говорим неожиданно, потому что к тому времени не было еще ни

голода, ни большой нужды. Однако, рабочие массы отнюдь не были располжены не только голодать, но и питаться одним хлебом. Не дожидаясь того, чтобы настали ожидаемые бедствия, они высыпали на улицу, чтобы выразить свое недовольство и нежелание дать себя морить голодом.

Движение 1919 года, вызванное дороговизной, было тем более интересно и действительно революционно, что оно не являлось проявлением отчаяния народа, стоящего на пороге голодной смерти, а скорее выражало устремления идейного и политического характера. Правительство вскоре убедилось, насколько серьезно начавшееся брожение. Оно пустило в ход все находившиеся в его распоряжении средства, — действуя при помощи чиновничества, городских управлений и социалистических общин, — чтобы положить предел распространению агитации, и добилося значительно сокращения цен на все припасы. Но в действительности — движение народных масс на почве дороговизны не столько вызывалось самым по себе вздорожанием жизни, сколько являлось результатом накопившегося революционного брожения, сдерживаемого и удушаемого в течение долгих и тяжелых лет войны и нашедшего себе, наконец, выход наружу.

Как мы уже указывали, движение из-за дороговизны началось, примерно, в первых числах июня; а 15-го в Специи, всегда бывшей революционным центром, рабочие вышли на улицу, чтобы протестовать против вздорожания цен, и затем кинулись на склады и лавки, реквизируя все, что представлялось возможным; подобного рода явления впервые происходили в столь обширных размерах. Рабочие производили реквизиции и затем тут же раздавали собравшемуся народу все, в чем он мог нуждаться.

Сведения о том, что творилось в Специи, разнеслись по всей Италии, и в ближайшие дни примеру лигурского городка последовали во многих местах: в Милане, Анконе, Турине, Риме, Флоренции и т. д. Движение было столь же грандиозно, сколь единодушно, и пользовалось общим сочувствием, даже среди войск. Правительство не имело возможности сдерживать, даже путем насильственных мер, стихию народного гнева, и не сомневалось, что и войска отказались бы выступить на усмирение рабочих-демонстрантов.

Весьма показательный в этом отношении — и далеко не единичный — эпизод имел место в Анконе, где ярко выявилась глубокая солидарность между рабочими и солдатами. Спустя некоторое время после прекращения длившейся несколько дней и поддержанной войсками забастовки, когда работа уже была возобновлена и вновь водворилось спокойствие, рабочие вдруг опять бросили станки — един-

ственно в виде протеста против факта, вестю от которого распространилась: а именно, что отряд солдат, отказавшихся выступить против забастовщиков, был подвергнут наказанию. — Подобного же рода случаи имели место во всех почти городах Италии. — 1-го июля взвод фронтовиков («ардити»), расположенный на Пьяцца Навона в Риме бок-о-бок с карабинерами, не только не выполнил команды рассеять демонстрантов, но вместо того обратил оружие против карабинеров, причем некоторые из них были убиты, в том числе и стоявший во главе их офицер.*) Все эти случаи отдельных вспышек интересны не столько сами по себе, сколько потому, что они являются симптоматическими для настроения, овладевшего к тому времени широкими массами, и дают представление о размерах революционного брожения в Италии в 1919 году. Отличительным признаком этого настроения является дух общности, которым были охвачены все участники, — дух, выразившийся в том, что рабочие не просто разбивали и «грабили» лавки ненавистных торговцев (что, конечно с удовольствием было бы подхвачено и подчеркнуто буржуазной прессой), а наоборот — спешили делиться всем конфискованным имуществом и раздавать его нуждающимся. Группы демонстрантов входили в лавки, спрашивали владельца, согласен ли он отпустить свой товар с уступкой в 50% и, в случае его отказа, протеста или жалоб, реквизировали товар и раздавали его неимущим. Или же, задержав владельца и закрыв лавку, они передавали дело в руки биржи труда, которая должна была озаботиться продажей товаров по самым умеренным ценам. В тех случаях, когда владельцы лавок выражали свое согласие на предлагаемые им условия, в окне вывешивалось объявление: «Продажа с уступкой в 50% согласно воле народа»; или: «Предоставляется в распоряжение народа». Это-то и представляет собою наиболее знаменательную сторону движения летних месяцев 1919-го года: стремление, немедленно после реквизиции или конфискации товаров и передачи их в распоряжение бирж труда, приступить к распределению их среди нуждающегося населения.

Энтузиазм момента был так велик, что он совершенно ослеплял массы, не давая им, к сожалению, взглянуть поглубже в создавшееся положение и подготовиться к отражению нападений и подвохов, которые неминуемо должны были начаться, особенно со стороны так-

*) Официальная печать естественно хранила полное молчание по поводу подобных случаев, свидетелевавших о революционном настроении в войсках; тем не менее, они становились известными в пирожных кругах и не мало способствовали усилению брожения в массах.

называемых «друзей», уже деятельно готовившихся к проведению своих планов. Массы были опьянены достигнутыми успехами. Они, как-будто, забыли о том, что им со всех сторон угрожает опасность, что у них так много врагов.

Под видом невмешательства в происходившее, социалистические организации и профессиональные союзы в действительности направляли все свои усилия к тому, чтобы не дать отдельным вспышкам выйти из рамок местного брожения и протеста и не дать им вылиться в форму подлинной и глубокой революции. Всеми доступными им средствами они старались повсюду сократить размеры агитации и погасить начинавшийся пожар.

Анархическая пропаганда, критика и практика более всего направлены были именно к тому, чтобы разоблачать гибельность всякой половинчатой политики и доказывать, что победа ныне и впредь обуславливается решительным отказом от предлагаемых реформистами полумер, ибо последние могут привести лишь к одному — к укреплению строя, основанного на насилии и на привилегиях, к укреплению его именно там, где он начинает разваливаться. По этому поводу наш Анконский орган «Волунта» («Воля») писал в номере от 16-го июля 1919 г., желая обратить внимание всех революционеров и масс на попытки правительства и вожаков социализма разрядить столь удачно начатое движение и положить ему предел: «Массы непременно должны учесть, что всякого рода полумеры могут привести лишь к частичным и преходящим результатам, если не будет разрушена вся архитектура насилия и несправедливых привилегий. Если упустить первый момент, когда буржуа-

зия еще запугана, и не распределить немедленно все реквизованные и свезенные в Биржи Труда товары, — они в конце концов будут возвращены, под тем или иным соусом, прежним владельцам, или же оплачены из денег, вносимых плательщиками налогов, т.-е. тем же рабочим народом. Все понемногу уляжется, и количество товаров естественным или искусственным путем будет сокращено; они станут доступны лишь тем, кто располагает деньгами; капитал будет искать более выгодного помещения, независимо от надобностей и интересов населения; производство дешевых предметов сократится, ибо капиталисты найдут для себя выгодным вырабатывать более дорогие товары, продавая их по соответственно более дорогой цене; правительство примется выкапывать на рынок значительное количество в конце обесцененных денег; ввоз будет все уменьшаться, и мы вскоре окажемся лицом к лицу с настоящим голодом и нуждой. Надо дать себе ясный отчет в том, что пока не будет сделано все, не будет сделано ничего».

Этот первый случай произвести в Италии революцию был упущен, — по мнению тех, кто этой революции не желал, — потому, что «народ для нее еще не созрел». В действительности же, дело обстоит так, что народные массы, увлекшись блестящими успехами, которые они одержали на первых порах, и чересчур доверяя словам политиканов, видевших в революционных выступлениях лишь новое выгодное для себя обстоятельство, предоставили этим дельцам от социализма слишком большую свободу распоряжаться по-своему, поддерживать или предавать революционное движение, в зависимости от их собственных расчетов.

Гуго Трой.

Очерк рабочего и революционного движения в Германии за последнее десятилетие *)

В до-военное время в Германии существовала одна только марксистская партия — социал-демократическая, насчитывавшая одно время до 111 представителей в рейхстаге. Однако, с ростом числа соц.-дем. депутатов, все больше падала ударная сила партии. Рабочие соц.-демократы десятилетиями воспитывались в том представлении, что на осно-

ве парламентаризма удастся сперва завладеть большинством мест в рейхстаге, а затем приступить к изданию социалистических законов и, таким образом, постепенно вытеснить капитализм, заложив основы социалистического строя. Каков окажется этот будущий социалистический строй, немецкие рабочие себе вовсе не представляли, ибо социалистические вожаки сознательно избегали распространяться насчет структуры социалистического общества. Формула их гласила: за-

*) Очерк написан немецким синдикалистом. — Ред.

воевание политической власти; и это завоевание правоверный социал-демократ не мог мыслить иначе, как парламентским путем.

Мы, синдикалисты, были в до-военное время в Германии весьма слабы численно. Между социал-демократическим и синдикалистским движениями и идеями не существовало никакой связи, не было перекинуто никаких мостов. Мы, синдикалисты, были противниками парламентаризма, мы не принимали участия ни в каких выборах, мы боролись с государством, мы были антимилитаристами и антипатриотами. На социал-демократических съездах выносились решения, что синдикалисты не могут быть членами социал-демократической партии. Зато мы в начале войны нисколько не удивились ура-патриотическому поведению социал-демократии. В то время, как с самого начала войны наши журналисты и редакторы постоянно сидели по тюрьмам за антимилитаристские статьи; в то время, как обе наши газеты («Единство» и «Пионер») были закрыты на все время войны, и многие наши товарищи арестовывались, — социал-демократия открыто вступила в союз с императорским правительством, заключила с буржуазией гражданский мир, голосовала за военные кредиты и принялась рекламировать военный заем. Социал-демократические газеты усердно содействовали опьянению народа угаром войны. Повторяю, — мы, синдикалисты, в первые дни войны были этим потрясены, но нисколько не были удивлены. Мы всегда помнили патриотические речи, произносившиеся в рейхстаге виднейшими социал-демократическими вождями, и делали из них соответствующие выводы. Некоторые места из этих речей столь примечательны, что их стоит привести и сейчас:

Игн. Ауэр сказал в рейхстаге 8 декабря 1890 г.: «Мы уже не раз заявляли, и я могу еще раз повторить, что мы готовы выполнить по отношению к отечеству совершенно те же обязанности, что и все остальные граждане. Я знаю, что нет среди нас ни одного, который в этом отношении думал бы иначе».

Вильгельм Либкнехт высказался в рейхстаге же 16 мая 1891 г. следующим образом: «Здесь раздавались голоса о том, что германский рейхстаг не с таким жаром печется о защите отечества, как то делает французский парламент. Что касается меня, то я заявляю, что в отношении защиты отечества все партии единодушны. Если дело пойдет о том, чтобы отразить нападение внешнего врага, ни одна партия не отстанет».

А 27 сентября 1891 г. Авг. Бебель написал в «Форвертсе» следующие знаменательные слова: «Война против официальной, жестокой, варварской России, даже полное уничтожение этого подлинного врага цивилизации,

является нашим священнойшим долгом, выполнять который мы обязаны до последнего дыхания, хотя бы в интересах порабожденного русского народа, тяжко стонущего под гнетом. И если мы тогда будем сражаться плечом к плечу с теми, кто ныне являются нашими врагами, то делать это мы будем не ради их спасения, не ради спасения их политических и хозяйственных установлений, а ради Германии в целом, то-есть ради спасения нас самих, — ради того, чтобы избавить от варваров страну, в которой мы со временем хотим осуществить наш собственный общественный идеал».

Когда же была объявлена война, когда в заседании 4-го августа 1914 г. рейхстаг должен был занять определенную позицию по отношению к войне и военным кредитам, — председатель социал-демократической фракции Гуго Гаазе заявил, что его партия намерена ныне выполнить то, что она всегда обещала: что она готова занять свое место на боевом фронте против внешнего врага. И не нашлось в рейхстаге ни одного социал-демократа, который выступил бы против этого заявления. Даже Карл Либкнехт молчал!

Вскоре социал-демократия стала даже высылать на театр военных действий собственных военных корреспондентов. Первым из таких «героев» оказался Вильгельм Дювель, впоследствии партийный коммунист. 23 августа он сообщал в «Форвертс»: «В качестве корреспондентов следует предлагать лиц признанного патриотического образа мыслей, служивших офицерами в армии или являющихся офицерами запаса, или же известных руководящим инстанциям в качестве лиц вполне благонадежных. Я никогда не был офицером и вообще не отбывал воинской повинности. Однако мой патриотизм стоит вне всяких сомнений. Поэтому я и подлежу ныне всем законам военного времени»....

За время 4½ лет человеческого бойни внутри социал-демократии произошел раскол. А затем, в недрах «Независимой Социал-Демократической Партии» образовалась особая группа, получившая наименование «Спартаковского союза». К ней принадлежали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Естественно, началась борьба и в рейхстаге. Недовольство в рабочей среде все росло. Наконец, дело дошло до крупных забастовок на заводах, изготовлявших военное снаряжение. Но вся эта борьба, все эти волнения не были бы достаточны для того, чтобы положить предел ужасной мировой войне. Лишь тогда, когда массы американских солдат, переплыв океан, явились в Европу, когда войска и орудия всего почти мира оказались обращенными против столь нескрушимо патриотичных германских рабочих, когда

согласно желанию Вильгельма. II-го все возрасты от 16 до 45 лет были «основательно перещупаны», когда все вообще мужчины, способные носить оружие или выполнять какую-либо работу, оказались одетыми в солдатскую форму, когда на заводах началась нехватка материалов для изготовления орудий убийства, когда на фронте солдаты стали гибнуть массами под напором много сильнее врага и поражение стало следствием за поражением, — тогда только правительство Людендорфа и Гинденбурга предложило Антанте заключить мир; тогда только, после заключения мира, возникла немецкая «революция». Конечно, и в продолжение войны встречались среди немецких рабочих отдельные личности, ведшие против-военную и против-милитаристскую пропаганду. Конечно, и в Берлине, и в других крупных городах происходили серьезные забастовки на военных заводах, и часть рабочих в предвидении грядущих дней предусмотрительно запаслась оружием; однако, «революция» не была выношена и проведена народными массами: она упала к ним неожиданно; она была необходимым следствием краха милитаризма.

Политическая революция протекла поэтому почти бескровно. Уже к вечеру 9-го ноября в Берлине образовалось временное правительство из социал-демократов и независимых. «Спартакowski союз», то-есть Либкнехт и его приверженцы, держались на первых порах в стороне, не желая сидеть в одном правительстве с Шейдеманом и К^о. Однако с самого же начала «Спартак», присвоивший себе вскоре название «Германской Коммунистической Партии», стал стремиться к тому, чтобы овладеть самому браздами правления. Удалось это «Ком. Партии» в одной только Баварии, в последние дни тамошнего «советского правительства», вскоре затопленного в реках крови.

Правительство «народных уполномоченных» начало с того, что издало декрет, провозгласивший введение всюду восьмичасового рабочего дня. Наряду с этим принялись за усиленную агитацию в пользу законодательного органа, Национального Собрания, причем правом голоса должны были пользоваться одинаково мужчины и женщины. Эти мероприятия составляли совокупность того, что прошедшие социал-демократическую и парламентаристскую муштровку рабочие представляли себе под именем революции. Политическая власть оказалась у них в руках. Но они не знали, что с ней делать.

С самого утра 9-го ноября 1918 г. и в течение ближайших дней, всюду стали самочинно возникать советы рабочих и солдатских депутатов по образцу того, что имело место в русской революции. Но и эти советы не умели ничего сделать с оказавшейся в их руках

властью. Солдатские советы принялись заманять посправавшихся офицеров; рабочие советы занялись распределением сырья и стали требовать повышения заработной платы. О том, что их главной задачей должно быть преобразование капиталистического хозяйства, основанного на стремлении к наживе, в социалистическое общественное хозяйство, направленное к удовлетворению потребностей масс, — об этом они не думали. Не сделали даже первого решительного шага: не изгнали крупных помещиков, наглых аграриев, магнатов Восточной Пруссии и Силезии из их имений, чтобы в корне подрвать мощь милитаризма. Ибо, ведь, помещичьи-то сынки и были офицерами в императорской армии... Ничего подобного не было сделано: вместо этого, бюрократия — социал-демократическая и чинюничья из центральных союзов — соединилась с эксплуататорами рабочих на фабриках, чтобы спасти капитализм в опасности.

Центральные экономические организации и социал-демократические партии стали насчитывать массу новых членов. Наши синдикалистские идеи и организации были для рабочих масс чрезвычайно новы, слишком мало известны, чтобы быть в состоянии оказать на ход событий сколько-нибудь существенное воздействие. В декабре 1918 г. вышел первый номер нашего, закрытого с началом войны, органа, который мы возобновили теперь под новым названием: «Синдикалист», — для того, чтобы самым названием газеты отделить ее идейное направление и популяризовать его в массах. Ввиду нашей тогдашней малочисленности, мы рекомендовали нашим членам входить всюду в контакт с представителями наиболее левых групп рабочего движения, с «независимыми» и «спартаковцами», — для того, чтобы выступать вместе с ними по вопросам политическим и хозяйственным. Однако мы тогда же предостерегали от участия в выборах в Национальное Собрание.

Между тем, Германию стали сотрясать крупнейшие массовые забастовки. И прежде всего — в угольных областях на Рейне и в Вестфалии, в царстве Тиссена, Стинеса и др., стали возникать массовые революционные стачки; возникли вскоре и значительные синдикалистские организации. Однако, массы были еще чрезвычайно пропитаны духом партийности, чтобы массовые действия могли развиваться по синдикалистским принципам. Лишь революционно-синдикалистский дух может породить истинно революционную экономическую борьбу.

Тем временем политическая борьба трех марксистских партий между собою все обострялась. Исполнительный Комитет, образовавшийся из среды революционно настроенных советов рабочих и солдатских депутатов,

приходился, конечно, мало по вкусу правительству Шейдемана и Эберта. Правительство и рабочий совет с самостоятельными правами суть две враждебно противостоящих друг другу власти. Социал-демократическое правительство стало оспаривать у исполнительного комитета право на производство контроля над действиями государственных учреждений и всячески препятствовать его участию в коммунальных делах. Началась ожесточенная травля против «Спартака», против Карла Либкнехта и сотоварищей. Правительство сознательно потворствовало организации контрреволюции; студенческой «самообороне» раздавалось оружие. 6 декабря 1918 г. Вельс, тогдашний комендант города Берлина и нынешний председатель германской социал-демократической партии, двинул войска против безоружных демонстрантов «спартаковцев» в Берлине. В результате оказалось 15 убитых и 35 тяжело раненых. Правительство наскоро организовало белую гвардию, чтобы кровавыми мерами предотвратить предполагающуюся спартаковцами организацию красной гвардии. Эберт был поспешно провозглашен президентом «Республики». Между тем, 16 декабря 1918 г. собрался первый съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В день открытия его в Берлине состоялась массовая забастовка, имевшая значение демонстрации. Депутация от демонстрантов высказала следующие требования:

1. Германия — единая социалистическая республика.
2. Вся власть советам раб. и солд. депутатов.
3. Исполнительный Комитет — верховный законодательный и правительственный орган.
4. Устранение Эбертского совета народных уполномоченных.
5. Разоружение контр-революционных сил и вооружение пролетариата.
6. Воззвание Центрального Исп. Комитета к пролетариам всего мира об образовании повсеместных советов рабочих и солдатских депутатов для проведения задач мировой социалистической революции.

Все эти требования, выставлявшиеся спартаковским союзом, были чисто политического характера; однако и они не отвечали, конечно, правительственной программе. В председатели съезда был выбран Лейнерт, и это уже доказывало, что большинство делегатов находилось в руках правительственных социалистов. На конгрессе произошли горячие словесные схватки между Вартом, Эбертом, Ледебуром, Шейдеманом и др., но все сколько-нибудь революционные предложе-

ния неизменно отклонялись. В конце концов съезд постановил, что выборы в Национальное Собрание должны будут состояться 19 января 1919 г. Тем самым съезд высказался за созыв Национального Собрания. При этом Шейдеман определенно подчеркнул, что советы рабочих депутатов не могут быть постоянным учреждением, и что они должны будут уступить место Национальному Собранию. Съезд тут же постановил, что вся полнота власти должна немедленно перейти к кшети народным уполномоченным, и что за Центральн. Исп. Комитетом останется лишь право контроля.

Таким образом первый съезд советов рабочих депутатов сам вырл себе могилу.

События быстро следовали одно за другим. К Рождеству 1918 г. в Германии уже было вполне умеренное и аккуратное социал-демократическое правительство. «Независимые» Гаазе, Диттман и Барт выступили из состава совета народных уполномоченных. К оставшимся в правительстве Эберту, Шейдеману и Ландсбергу присоединились Носке и Виссель. Опять стала литься кровь: Эберт и иже с ним отдали приказ стрелять по засевшим в Берлинском дворце матросам, семь человек из числа которых были убиты.

30 декабря в Берлине происходила всегерманская конференция спартаковцев. До этого момента спартаковский союз не составлял особой, прочно спаянной организации: спартаковцы были одновременно членами независимой социал-демократии, чем немало способствовали внутреннему разложению этой партии. На конференции 30 декабря постановлено было прекратить всякую организационную связь с независимцами и образовать самостоятельную партию под названием Германской Коммунистической Партии (Спартаковцев). Конференция высказалась также по поводу Национального Собрания. Леви, Либкнехт и Люксембург говорили долго и горячо за то, чтобы принять участие в выборах. Однако, в результате, 62 голосами против 23 прошло предложение Рюле, по которому участие в выборах отклонялось, и члены партии не только обязывались воздержаться от этого участия, но даже призывались всеми средствами препятствовать тому, чтобы организация этого парламента вообще могла состояться.

После того, как это решение было вынесено, мы, синдикалисты, продолжали полагать, что нам возможно будет по многим вопросам выступать и действовать совместно с Германской Коммунистической Партией. Вскоре, однако, нам суждено было убедиться в обратном.

Январь месяц 1919 года оказался особенно кровавым. Правительство сместило берлинско-

го «полицейпрезидента» (градоначальника) Эйхгорна с его поста. Тем временем рабочие приступили к занятию помещений газет, телеграфа и почты; даже «Форвертс» был занят возмущившимися рабочими. Правительство Эберта не задумалось вызвать в Берлин бывших императорских офицеров с их белой гвардией, для расстрела рабочих. В течение многих дней по берлинской мостовой текла рабочая кровь. Социал-демократическое правительство открыто выступило в контр-революционной роли. В восставших рабочих стреляли из орудий, в них бросались ручные гранаты. Весь Берлин был превращен в военный лагерь. Буржуазия ликовала. Милитаризм воскрес. Капитализм огражден от опасности. Политическая революция в ноябрьские дни 1918 года прошла почти бескровно; в дни же контр-революции берлинские улицы окрасились пролетарской кровью. Вечером 15-го января Карл Либкнехт и Роза Люксембург попали в руки сыщиков и наемников контр-революции и были, несколько часов спустя, убиты.

Ужаснее всего в этой трагедии было то, что сражались и свирепствовали не буржуазия и пролетариат друг против друга, а рабочие против рабочих, социалисты против социалистов, — все одинаково признававшие себя приверженцами теории и программы Маркса.

Спартакowцы были, конечно, совершенно правы в своем отрицательном отношении к прави-

тельственным методам Эберта-Шейдемана-Носке и К°. Но им самим, спартакowцам, не доставало внутренней ясности и определенности. Они выезжали исключительно на отрицательных сторонах правого социалистического большинства. Им не хватало созидательных идей, необходимых в движении для того, чтобы положить основание новому развитию. Они продолжали верить в необходимость захвата политической власти, — чтобы затем иметь возможность проводить сверху социализацию, декретировать ее. Этим самым они, конечно, лишь доказывали, что им чуждо всякое понимание истинного характера социальной революции. Подлинный социализм может развиваться лишь выростая органически изнутри, из глубинных недр народа. И государство, конечно, никогда не может оказаться носителем социалистического общественного хозяйства. Только крупные хозяйственные организации, профессиональные союзы, производственные объединения могут послужить ячейками нового хозяйства. Не отдельные бунты, не свержение одного правительства другим, не захват помещений газет, полицейских участков и т. д. поведут к новым хозяйственным формам: завоевание фабрик, заводов и мастерских, полей и лесов, — вот что важно для создающего все ценности рабочего класса. Искусство управления людьми должно быть заменено искусством управлять вещами.

Макс Винклер.

Памяти чикагских анархистов

Прошло уже 36 лет с того времени, когда чикагские анархисты: Парсонс, Шпис, Фишер и Энгель были повешены; когда Линг, не желая погибнуть от руки палача, сам покончил с собою, и когда Нибс, Фильден и Шваб были приговорены к многолетнему тюремному заключению, хотя несколько лет спустя они были освобождены из тюрьмы, в виду недоказанности «преступлений».

Немногие из нас знакомы с чикагской драмой. Многие, по забывчивости или незнанию, вовсе не интересуются ее подробностями. Массы же, широкие массы остаются большей частью в полном неведении относительно трагедии 11-го ноября 1887 г. Не мешает, — нет, необходимо, поэтому, рассказать здесь, хотя бы вкратце, историю преступления, совершенного американским капиталом против первых борцов за истинное рабочее дело, против пионеров

американского анархизма — наших незабвенных чикагских товарищей...

В 1886 г. в Соед. Штатах Америки замечался сильный рост рабочего движения. Несколькоми годами раньше, а именно в 1878 г., Сенатом был принят закон о 8-ми часовом рабочем дне. Но закон этот оставался все время мертвой буквой. Организованные американские рабочие начали понимать, что 8-ми часового рабочего дня следует добиваться не законодательным путем, но путем прямой, непосредственной борьбы со своими истинными врагами — капиталистами. И рабочие готовились к объявлению всеобщей забастовки на 1-ое мая 1886 г.

Всеобщая стачка была объявлена во многих городах Соед. Штатов. Забастовочное движение проявилось с большой силой и быстро рас-

ширилось. Всего заметнее оно оказалось в г. Чикаго. Здесь капиталисты были не на шутку встревожены его размахом. Помимо самой по себе стачки, рабочие беспрерывно устраивали здесь массовые митинги, на которых присутствовало несколько тысяч человек; и речи, произносившиеся на этих митингах Парсоном, Шписом и Швабом, были направлены против капиталистов-эксплуататоров и против капиталистической системы вообще.

Интересно отметить, что некоторые из «чикагских мучеников», — как напр., Фильден, Шваб, — принадлежали раньше к социалистической партии и принимали участие в политической деятельности. Достоверно известно, что Парсонс, напр., был однажды номинирован в президенты от социалистической партии; но он должен был отказаться от этой чести, ибо, разочаровавшись вместе с другими своими товарищами в «законной» политической борьбе, он посвятил свои силы на создание сильных рабочих организаций, которые своими собственными силами смогли бы добиться удовлетворения выставленных требований.

Главным требованием, выставленным рабочими в то время, был 8-ми часовой рабочий день, который казался тогда почти недостижимым идеалом. И за дело достижения этого идеала рабочие г. Чикаго взялись с большим воодушевлением.

Но чем больше рос энтузиазм среди рабочих, тем свирепее становились капиталисты и их прислужники. Собрания рабочих разгонялись полицией; забастовщики подвергались разным насилиям и избиениям, вплоть до умерщвления некоторых из них; аресты рабочих стали обычными явлениями. И в довершение ко всему этому, капиталистическая печать подняла сильную кампанию против «агитаторов» и забастовщиков, стремящихся-де стать хозяевами города...

2-го мая 1886 г., вблизи фабрики «Мак Кормик», произошла схватка между стачечниками и стачколомками, которая, по всей вероятности, окончилась бы без кровопролития. Но в дело вмешалась прибывшая на место происшествя полиция, которая не замедлила пустить в ход огнестрельное оружие. В результате оказалось шесть убитых и много раненых с обеих сторон.

Вполне понятно, что рабочие были возмущены насилием, совершенным полицией. Они решили созвать большой митинг протеста, который и состоялся через два дня, 4-го мая.

На этом митинге говорили Парсонс, Шпис и Фильден. На митинге присутствовал тогдашний городской голова г. Чикаго. Он был здесь с самого начала митинга и, выслушав ораторов, убедился, что созванный митинг — спокойный, мирный по характеру, ибо никто из ораторов не призывал рабочих к совершению насилий.

Такого заявления было сделано им лично полицеймейстеру Бонфильду.

Митинг приближался уже к концу, Фильден заканчивал свою речь, как вдруг названный полицеймейстер, в сопровождении 180 полицейских, вооруженных револьверами, ворвались в помещение, где происходил митинг. Бонфильд отдал приказ закрыть митинг. Ему отвечают, что митинг мирный и законный. Тем временем вооруженные полицейские выстраиваются в два ряда с целью напасть на непослушную публику. И в этот момент раздается сильный, оглушительный треск от брошенной кем-то бомбы, уложившей на месте 8 полицейских.

Еще большая тревога объяла капиталистов г. Чикаго. И они решили воспользоваться этим случаем, чтобы разгромить движение. Все известные анархисты, кроме Парсонса, который еще до конца митинга выехал из города, были арестованы, и начался дикий, кровавый разгул насильников... Все капиталистические газеты страны подняли вой против социалистов и анархистов, обвиняя их в разных конспирациях и заговорах против американского правительства. Рабочие собрания были запрещены. Все анархические газеты закрыты, а их редакторы и издатели, схвачены и посажены в тюрьму.

При таких обстоятельствах начался 15-го июля 1886 г. знаменитый процесс чикагских анархистов.

Уже по выбору судейского персонала можно было видеть, что капитал и власть имущие заранее решили судьбу обвиняемых, и что весь процесс будет, таким образом, разыгранной комедией... Понятно, никаких доказательств против обвиняемых анархистов, причастных, якобы, к брошенной бомбе, не было. Но разве всегда нужны доказательства для обвинения в чем-либо анархистов? Разве нельзя осудить анархистов «на основании»... без доказательств?... Виновные или невинные, чикагские товарищи были осуждены капиталистами на смерть. Они должны были умереть. И они умерли, обвиненные... в распространении анархической литературы и в издании анархической газеты «Алярм» («Набат»), редактором которой был Парсонс.

Прежде чем приговор был объявлен в окончательной форме, осужденным на смерть было предоставлено последнее слово. И в этом «слове» — вся серьезность, вся историческая важность процесса. Осужденные товарищи в своих, по большей части кратких, но сильных речах говорили о рабочем движении, о рабочей борьбе и о тех идеалах, которые воодушевляли рабочих в их борьбе за достижение лучшей жизни. Вот некоторые выдержки из этих посмертных речей.

Из речи Шписа:

— «Анархия перед судом!» — слышим мы крики со всех сторон. Если это так, если вы судите здесь анархию, то осудите меня, потому что я анархист! Я верю, что современный капиталистический строй, основанный на эксплуатации и власти одного класса над другим, осужден на смерть и должен уступить место свободному обществу. Вы можете осудить меня, но пусть мир знает, что в 1886 г., в г. Чикаго, 8 человек были присуждены к смерти только за то, что они верили в лучшее будущее».

Свою речь Шпис закончил следующими словами:

«Мои идеи — часть моего «я». Я не могу освободиться от них, ибо они, идеи, во мне самом... И если вы, судьи, думаете уничтожить идеи, отняв у нас жизнь, то можете!... Зовите палача! Но помните, что правда, заданная в Сократе, Христе, Бруно, Галилее, еще живет! Они и многие другие являются нашими путеводителями в жизни и борьбе. Мы готовы следовать по их пути!».

Слово из речи Шваба:

«Анархия пока — мечта, но она делается действительностью, ибо сознание и воля людей растут наперекор всем препятствиям».

Оскар Нибе, осужденный на 15 лет тюрьмы, сказал, обращаясь к судьям, следующее:

«Я хочу лучше умереть сейчас, чем быть умерщвленным понемногу... Я имею жену и детей и, если они узнают, что их отец мертв, они его похоронят, они придут на его могилу... Но они не могут видеть в тюрьме своего отца, осужденного за преступление, никогда им не совершенное! Я жалею, что не могу быть повешен вместе с моими товарищами!»

Речь Линга была одной из достопримечательнейших обличительных речей, когда-либо произнесенных на суде. Он обвинил себя сторонником насилия. Он сказал, обращаясь к своим врагам, следующие резкие слова: «Если вы нас казните, мы вас взорвем!» И его последними словами были: «Я проклинаю и ненавижу вас. Я проклинаю ваш несправедливый строй, ваши законы и вашу, на насилии основанную, власть!».

Парсонс говорил около 4-х часов. Это была исключительно сильная и прочувствованная речь. Но она не тронула судей...

Парсонс сам, добровольно явился на суд. Он был уверен, что его не будут судить... Он и был бы оправдан судом, если бы согласился подписать поданную ему бумагу о помиловании. Но сознание его невиновности и роковой участи его товарищей не позволили ему преклониться перед палачами. И он с гордо поднятой головой взмолился на эшафот.

Вот одно место из его длинной речи: «В ра-

бочем движении нашего времени замечаются два течения: одно течение — анархизм — общество людей без государства или политической власти; другое — социализм, — где государство имеет контроль над обществом. Социалисты-государственники хотят освободить рабочих при помощи законов, но в действительности они их вновь порабощают... Анархисты же не признают никаких законов и никаких управителей. Люди должны жить свободно...»

Но... после всего этого Парсонс, Шпис и другие были окончательно осуждены на смерть. В новом рассмотрении дела, в новом процессе им было отказано. С трудом верилось, что они, невинные, будут повешены. Но невероятное и роковое совершилось — 11-го ноября 1887 г. Четверо лучших и преданнейших друзей рабочего класса были повешены! Наши незабвенные чикагские товарищи умерли, как герои, как люди, уверенные в том, что своей мученической смертью они приблизят день освобождения трудящихся...

Последними, предсмертными словами Шписа были: «Настанет время, когда наше молчание в гробу будет сильнее того голоса, который вы ныне заглушаете!».

Фишер крикнул: «Это — счастливейший момент моей жизни!».

— «Да будет услышан голос народа!» — воскликнул Парсонс.

— «Да здравствует Анархия!» — было последним восклицанием Энгеля.

Спустя несколько лет после знаменитого процесса, в 1893 г., Нибе, Фильден и Шваб были освобождены из тюрьмы, как невинные в акте 4-го мая 1886 г. Освобождение властями этих заключенных товарищей красноречивее всего говорит о том, что и повешенные анархисты были невинны в приписанном им преступлении, но были казнены только за то, что они были преданы рабочему классу, возненавидели его врагов и верили, что рабство людей должно быть уничтожено и его место должно занять свободное общество, в котором все люди, без исключения, будут жить свободно и счастливо.

Много лет прошло со времени чикагской драмы, и предсказания наших товарищей начинают сбываться. Все громче и громче раздается голос трудящихся масс. Там, где раньше было всего несколько человек, преданных делу освобождения трудящихся, — теперь находятся тысячи и десятки тысяч борцов. Борьба все усиливается и разгорается с каждым днем. И близится уже рассвет... Занимается заря новой, свободной жизни...

Л. Липоткин.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Искусство, как завет мертвых живым

«Искусство для искусства» — таков был клич усталых от жизни, трусливо бегущих от нее, малодушных, — всех тех, кого в область искусства загнали отвращение к окружающему миру, убожество духа, отсутствие истинной глубины и содержания. Для них искусство означало убежище от ставшей для них невыносимой действительности. Оно означало бегство и бессилие.

Искусство для искусства. Жизнь, это — нечто совсем другое! Жизнь, окружающий мир, народ, — все это копошится где-то на дне, во тьме, в грязи... Искусство же — свободно, отрешено от всего этого; оно вечно и абсолютно...

Поистине, этот клич возник из пустоты, лени, гнили и разложения; это — клич заживо умерших; не восстание из бездны и полет в высь, а лишь вариация лозунга: «после нас — хоть потоп»... Это — полное крушение духа; истерия; корча до конца раз'единенного, подошедшего к своей смерти общества — и больше ничего!

Правда, ныне — в буре и натиска нашего времени — клич этот замер. Он преодолен. Вспыхивают откровения, сверкающие — пока — в глубинах и безднах, но уже не только утверждающие жизнь, а и разгадывающие ее. Однако яд, — тяжелое наследие проклятого прошлого, — еще не вполне рассосался.

Поэтому надлежит заявить еще раз: искусство не оторвано от жизни; оно не существует само по себе; возникнув из жизни, оно — для жизни; в конечном счете, оно — мост, перекинутый от эмпирически-жизненного к духовному. Искусство и не абсолютно, ибо конечная задача его — преодолеть, превзойти себя: стать жизнью. Искусство не есть Вечное: оно лишь — стремление к Вечному.

В этом выражении заключаются задача, направление и цель искусства: они — не в том, чтобы унести за пределы жизни в призрачные края красоты; не в том, чтобы заполнять пустоту, забавлять и развлекать, — нет! Они — в том, чтобы найти: люди должны уметь найти самих себя, — отыскать самую сокровенную, внутреннюю сущность свою, — в произведениях искусства: в дереве, в животном, в лице,

вырастающем из придорожных камней, в клубке и вихре красок, в ритме мелодии, — во всем, где есть страдание, радость, подъем и падение, гибель и жертва...

Искусство — великий посредник: есть нечто, к чему оно должно вести: к присущему всем явлениям, созданиям, людям вечному, единому и объединяющему.

Там, где нет касания к этому всеобъединяющему началу, где произведение искусства не является отзвуком и отражением целого, где оно не рождается из всеобщей связанности и любви, — там не может быть и речи об искусстве или даже о мастерстве. Там, в лучшем случае, — фотография, снимок, ремесло, деланность.

Манера и форма искусства — импрессионизм, экспрессионизм, натурализм, футуризм, дадаизм, — все это не существенно; существенно одно — чтобы произведение искусства выражало самую сердцевину, чтобы оно вело к бесконечному.

Художник — человек, стоящий на пороге к Вечному. Он стоит и медлит войти — и шлет туда свои творения.

Тот же, который решается войти, не создает больше произведений искусства: он идет — и в этом для него все. Он движется — и он движет! То, что для одного — движение, динамика, конкретная задача, — то другой вносит в свои творения; то, что у одного выливается непосредственно в целостный и исчерпывающий акт, — то у другого материализуется в художественном произведении, является средством закрепления и продления акта во времени.

Искусство — посредник: все неизжитое в ходе времен, — стремления, тоска и страдания целых поколений, — заключены в произведениях их мастеров. Таким образом, произведения искусства являются заветами умерших, миллионов и миллионов ушедших из жизни.

Подходить к художественным произведениям иначе, нежели в качестве «душеприкащиков», — воплощений и исполнителей этих заветов, — значит не постичь ни самих произведений ни, вообще, творчества великих умов земли.

Творчество таких умов было титаническим, ибо исходило из познания всего духа их времени, всего их поколения, всей современной им культуры; оно было демоническим, ибо они умели схватить и выразить всю суть эпохи в одном творческом порыве.

И очень немного было на земле самых великих, пельных, движимых только духом, — преодолевших порыв искусства, не писавших больше драм, но драмы эти изживших.

Именно это важно! Именно это требует-

ся!.. Кроме же того, необходимо высвободить, выявить, осуществить все, что осталось заво-роженным, невоплощенным, мертвым в произ-ведениях искусства, философии, свободы, красоты, всего великого: все это обе-щано человечеству; все это брошено в про-странство, как крупинки души новой, грядущей земли. Наше дело — эту, уже родившуюся, ду-шу, — художниками, мудрецами и подвижни-ками рожденную новую мировую душу, — со-единить с землей.

Т. Пливе.

Три книги

Меж многих книг, — как люди, надоевших, —
Три чудных книги есть в хранилище моем.

Одна — с своих страниц, уже полуистлевших,
Мне говорит о чем-то дорогом,
Навек утраченном, минувшем без возврата;
О том, что я любил, чему служил когда-то,
Что прозвучало сказкой золотой
В давно прошедшем...

Книги той

Вам близко всем очарованье:
Ее зовут — воспоминанья.

Полна задумчивой печали
Вторая книга.

Все ее

В далекой юности читали.
Но счастлив тот, кто и вперед

Ея страницы бережет
От запустенья: жар душевный
В грязи и прозе повседневной
Он сохранит... И чистоты
Неувядающие черты
Его украсят...

Книга эта —

Мечты и вымыслы поэта.

Но третья — лучшая из книг.
Как тайны вечности, глубоки
Ея чарующие строки:
Блаженства высшего родник,
Живой источник наслажденья,
Любви, познания, вдохновенья —
Ея божественный язык.

Мне не сказать ей названия:

Ей нет начала, нет конца...

Легенды первого преданья,

Последний возглас мудреца

Ея страниц не исчерпали...

Но если вы когда-нибудь

Над тайной жизни размышляли

И человека скорбный путь

В его грядущем разгадали —

Иль хоть искали разгадать, —

То эту книгу вы читали...

АРЕСТЫ „БАНДИТОВ“

Неоднократно на запросы наших зарубежных товарищей, почему в коммунистических застенках томятся анархисты, Лозовский, Чичерин и другие ответственные коммунистические деятели отвечали: «В тюрьмах советской России нет идейных анархистов; советская власть таковых не арестовывает; арестовываются ею только бандиты, прикрывающиеся именем анархизма».

За последние два года в революционной анархической и рабочей прессе Европы и Америки опубликовано уже не мало фактов ареста таких «бандитов». Я должен прибавить сюда несколько свежих фактов гонения на анархистов в России. И пускай читатель сам лишний раз судит о правдивости заявлений Лозовского и компании.

Дело петроградских анархистов.

Перед конгрессом «красных» Интернационалов: Профинтерна, Коминтерна и празднованием пятилетия октябрьской революции, по всей стране прокатилась волна арестов анархистов.

В Петрограде в ночь на 1-ое ноября 1922 г. были арестованы двадцать девять человек анархистов. Среди них много старых идейных товарищей.

Всем без исключения было предъявлено обвинение в подпольной работе: 60, 62, 63, статьи уголовного кодекса законов.

Когда наш тов. Молли Стаймер, которая находилась среди арестованных, запросила следователя Шмидкова, какие данные Г.П.У. имеет против нее и ее товарищей, обвиняя их в подпольной работе, он ответил, что Общество Помощи Заключенным Анархистам — подпольная организация*), а кроме того, что она и я, пишущий

*) Общество Помощи Заключенным Анарх. организация, которая в России занималась исключительно помощью нашим заключенным товарищам. Вся работу мы вели совершенно открыто, легально. Тов. Стаймер, я и другие тов. неоднократно являлись в Г. П. У. с мандатом Общества, для выяснения судьбы наших товарищей и получения разрешения на свидание. Все передачи, которые мы делали нашим заключенным товарищам, делались открыто от имени Общ. Помощи Закл. Анарх.

эти строки, имеем переписку с заграничными товарищами анархистами: Эммой Гольдман, Александром Беркманом, Волиным и др.

На третьей неделе заключения, после окончания конгрессов красных интернационалов, большинством арестованных товарищей были освобождены. Товарищам Стаймер, Едвабнику, Рыссу, мне и другим было прочитано постановление петроградского губернского отдела Г.П.У. которое гласило: некоторым — высылка из гор. Петрограда в любое место России, кроме Москвы; тов. Стаймер и мне — ссылка на два года в Обдорск. Мы оба немедленно объявили голодовку с требованием освобождения. После односторонней голодовки все были освобождены под подписку о невыезде из города Петрограда и немедленной явке в Г.П.У.

У некоторых, при явке в Г.П.У., потребовали подписку, что они не будут заниматься никакой анарх. работой. Тов. Стаймер и я принципиально отказались дать такую подписку. Тогда уполномоченный П.Г.О.Г.П.У. нам заявил: «В таком случае — пеняйте на себя, если через некоторое время мы вас арестуем и вышлем в Сибирь. Однако, если вы согласны, то Г.П.У. готово дать вам паспорт и визы, чтобы вы выехали за границу». Предпочитая последнее предложение ссылке в Сибирь, мы согласились.

В это время в Москве находились французские анархо-синдикалисты, которые запросили Лозовского, почему советское правительство арестовывает анархистов. Лозовский ответил, что арестовываются не идейные анархисты, а только бандиты. Узнав об аресте Стаймер и меня, о которых они слыхали не как о бандитах, французские товарищи написали письмо — протест с запросом Троцкому: какой бандитизм они могут предъявить нам? Троцкий ничем не ответил. Но в результате этого протеста наша высылка была приостановлена.

Дело левых с.-р. и анархистов.

В декабре 1922 г. группа левых социалистов-революционеров и анархистов, после десяти-месячного заключения в тюрьме в ожидании суда была приговорена петроградским революционным трибуналом: левые с.-р. Д. Саппер, В. Березнев, А. Соколова и М. Литвинова-Груз-

дева к расстрелу; анархисты Мария Коршунова, Е. Николаев и Ф. Мочановский к 10-ти годам заключения со строгой изоляцией.

Специальный политический обвинитель Глебов-Авилов, назначенный для этой цели петроградским комитетом Р.К.П., в своей обвинительной речи заявил, что достаточно убеждения этих людей, чтобы трибунал вынес им смертный приговор; а потому он, во имя спасения и защиты революции, требует для обвиняемых смертной казни.

Трибунал вынес смертный приговор четверым. Но приговор над левыми с.р. был приостановлен ВЦКом. Дело было передано на пересмотр верховного трибунала. Через шесть месяцев верховный трибунал, рассмотрев дело, утвердил смертный приговор. В.Ц. И. К. вновь приговор приостановил. В настоящее время все четверо приговорены к смерти, находятся в тюрьме дома предварительного заключения в Петрограде и ожидают в третий раз рассмотрения дела.

Анархисты: Мария Коршунова, Егор Николаев и Федор Мочановский, приговорены к 10-ти годам тюремного заключения; в мае 1923 г. были переведены для отбывания наказания в гор. Москву. Затем, М. Коршунова неожиданно была увезена из Новинской тюрьмы в город Челябинск, где она сейчас находится в губернской тюрьме. Мачоновский и Николаев отбывают свой срок в лефортовской тюрьме.

«За незнание анархизма» — три года тюрьмы.

Во время суда над левыми с.р. и анархистами в гор. Петрограде в декабре 1922 г. Маркус Григорьевич Камхи, курсант Военно-Инженерной школы, узнав о приговоре над анархистами, был так возмущен, что в виде протеста отказался от службы в Красной Армии и объявил себя анархистом.

Немедленно он был арестован. Ему было предъявлено обвинение в дезертирстве и контр-революции.

Когда прокурор вызвал его на допрос и заявил, что он нарушил советские законы и обвиняется в дезертирстве и контр-революции, тов. Камхи был поражен и возмущен: его, который провел пять лет на фронте, защищая революцию, и получил несколько ранений, обвиняют в контр-революции. Он заявил прокурору, что он теперь не верит в справедливость каких-либо законов, и что советские законы — такие же как и законы капиталистической власти. Прокурор объявил его сумасшедшим и отправил в сумасшедший дом, где его поместили в отделение для буйно-помешанных. Никакие заверения врачей, что тов. Камхи совершенно нормальный, здоровый человек, не помогли. Его содержали в таком положении в течение

двух недель, пока он не объявил голодовку. После четырнадцатидневной голодовки его перевели в Пересыльную тюрьму, а затем в Арсенальную тюрьму на Выборгской стороне. Здесь он просидел шесть месяцев в ожидании суда.

Двадцать четвертого мая 1923 г. Военный трибунал, рассмотрев дело тов. Камхи и не имея никаких материалов, обвиняющих его в дезертирстве и контр-революции, приговорил его к 3-м годам тюремного заключения за объявление себя анархистом, «не будучи знакомым с анархической теорией» (так, слово в слово, сказано в обвинительном акте и в приговоре).

В настоящее время тов. Камхи отбывает свой срок в Москве, в Лефортовской тюрьме.

За сообщение о голодовке — два года ссылки.

По поручению Общества Помощи Заключенным Анарх. и с согласия Всероссийского Г.П.У., Лия Гутман и Елена Ганшина выехали в Архангельск для оказания помощи анархистам, заключенным в северных лагерях.

Во время их пребывания там, была объявлена голодовка всех анархистов, заключенных в Пертоминском лагере, с требованием улучшения условий или перевода их в Архангельск.

За то, что Лия Гутман, Петр Скурихин (согласный в Архангельске на два года) и Елена Ганшина информировали московских и петроградских товарищей о событиях во время голодовки, все трое были арестованы и препровождены в Москву.

Всероссийское Г.П.У. приговорило тов. Гутман и Скурихина к ссылке в г. Березов Тобольской губернии на два года. После голодовки-протеста, приговор был заменен ссылкой на такой же срок в Нарымский край.

Елена Ганшина до сих пор содержится в Новинской тюрьме в ожидании приговора.

Арест Татьяны Полозовой.

Товарищ Полозова, член Общества Помощи Заключенным Анархистам, по поручению Общества была послана в г. Архангельск для перевозки ребенка заключенной анархистки Тамары Вегер, находившейся в то время в Пертоминском концлагере. Ребенок-девочка, которой теперь пять лет, уже больше года находится в заключении вместе с матерью, так как она была захвачена при аресте. Мы получили от этого маленького невинно страдающего существа душу раздирающие письма, в которых девочка умоляла нас забрать ее, так как она никогда не видит солнца и ей всегда ужасно холодно... С согласия матери мы запросили Г.П.У. в Москве, может ли Общество забрать ребенка из места заключения. Мы получили

согласие на проезд нашего товарища Полозовой в Архангельск с разрешением центральных властей на получение ребенка.

Тов. Полозова, после многих мытарств и скандалов с местными властями, с большим трудом получила девочку Тамару Вегер; но за день до ее отъезда из Архангельска, Полозова была арестована 28-го июня 1923 г.

В настоящее время т. Полозова находится в тюрьме Губернского Отдела Г.П.У. в Архангельске. Обвинение, предъявленное ей, неизвестно (вероятно, бандитизм?).

Несчастный ребенок возвращен обратно матери и находится вместе с ней в концлагере Соловецкого монастыря.

Такая участь постигла почти всех тех товарищей, которых Общество Помощи Заключенным Анархистам посылало с поручением помочь нашим товарищам, томящимся в северных лагерях.

Последние аресты в Петрограде.

В ночь на 9-ое июня 1923 г. в гор. Петрограде было арестовано 41 человек анархистов и 16 засад оставлено в разных квартирах.

Квартира, где жили М. Стаймер и я, принадлежала врачу, к которому приходило ежедневно много пациентов на прием. При аресте, у нас тоже была оставлена засада. В течение четырех дней всех, кто заходил в квартиру, задерживали и никого не выпускали. За четыре дня было задержано больше сорока человек больных людей, пришедших за врачебной помощью. Никакие мольбы, просьбы, — ничто не помогало: людей держали четыре дня без пищи, так, как выйти купить пищу не разрешалось. Одна молодая девушка прибежала позвать врача к своей умирающей матери, но была задержана в засаде; плач, вопли, истерика девушки не помогли: ее не выпустили к матери, которая скончалась в то время, когда дочь сидела в засаде и билась в истерике. Сам врач — хозяин квартиры, который ежедневно работает в трех больницах, где у него больные, нуждающиеся в его помощи, тоже был задержан. Ни заявления о непричастности всех этих людей к нашим делам, ни просьбы о снятии засады не помогли.

У одного арестованного в эту же ночь, товарища рабочего, — Ивана Лихачева, — была оставлена засада. Соседка, не зная о том, что творится в квартире у Лихачева, по обыкновению зашла по делам, одолжить что-то по хозяйству, и — была задержана. Так было задержано здесь около двадцати человек, среди которых были четыре женщины, — жены рабочих, — с грудными детьми. Их всех не выпускали из квартиры в течение четырех дней,

пищи в доме не было, и все голодали, хотя «по закону» Г.П.У. обязано кормить всех тех, кого задерживают в засадах. Матери умоляли, что бы кого-либо выпустили — достать пищи для детей; в особенности в этом нуждался один ребенок, которого питали искусственно. Никакие просьбы не помогли; на все был один ответ: не разрешается. В результате, на четвертый день четырехмесячный ребенок умер на руках у матери.

Всех 41 арестованных анархистов содержали под стражей в тюрьме Г.П.У. на Гороховой улице. Когда я вспоминаю про эту тюрьму, дрожь пробегает по телу. Это — обыкновенная квартира, разделенная деревянными перегородками на сорок четыре одиночных камеры. Каждая камера имеет в длину три шага и в ширину полтора. Половину камеры занимает деревянная койка без матраца. Днем и ночью горит электричество, так-как нет света; воздуха совершенно нет, так-что все заключенные стоят у отверстия, которое имеется в двери для передачи пищи, и стараются поймать хоть немного воздуха, далеко не свежего. Пища, которую совершенно нельзя взять в рот: суп, напоминающий помой; кроме супа, нам выдавали — один фунт черного, очень скверно испеченного хлеба и кипяток. Это — все. Но все это было еще «пол-беды» самое кошмарное — были насекомые. Все кругом было переполнено насекомыми всяких видов: когда я положила на стол хлеб, то через несколько минут это была живая масса, которая двигалась. В течение четырех дней нашего пребывания в этом советском раю никто из нас не мог уснуть ни на один час спокойно. На четвертый день нашего пребывания там мы не выдержали и начали энергичный протест с требованием нашего перевода в Дом Предварительного Заключения. 13-го июля вечером нас всех перевели.

В течение двух недель было освобождено двадцать шесть человек. Остальным пятнадцати анархистам было предъявлено обвинение в пропаганде анархических идей, по статье 60 уголовного кодекса законов.

Арестованные товарищи Мария Вегер и Молли Стаймер содержались в изоляции на уголовном положении. Они объявили голодовку с требованием перевода на политический коридор, улучшения условий и права свиданий. Левая с.р. Лидя Суркова (больная туберкулезом легких), приговоренная к ссылке на три года в Печорский край, беспартийная Зоя Бензина и я, узнав о голодовке наших товарищей, в разное время присоединились, в виде солидарности и протеста, к голодающим.

На четвертый день голодовки следовательно Иванов (который вел наше дело) пришел в камеру к тов. Стаймер и предлагал ей прекратить голодовку на условиях удовлетворения всех ее

требований, но тов. Вегер должна остаться на уголовных условиях, т.-к. она — уголовная. Возмущенная тов. Стаймер спросила его, каким образом он квалифицирует Марию Вегер, как уголовную? На это последовал любопытный ответ: «Вегер была присуждена в 1921 году к двум годам ссылки в гор. Архангельск, как анархистка; пробыв в ссылке несколько месяцев, она бежала; поэтому она уголовная». Тов. Стаймер заметила ему, что если это так, то, конечно, Ленин, Троцкий, Бухарин, Каменев и все другие, стоящие во главе Советской Республики — уголовные, так-как они в разное время бежали из ссылки и других мест заключения. Возмущенный таким ответом, следовательно Иванов хлопнул дверью и ушел. На шестой день голодовки он вызвал меня и предложил, чтобы я прекратил голодовку и уговорил товарищей женщин тоже прекратить. Я ответил, что пока все наши требования не будут удовлетворены, мы голодовку не прекратим. Рассвирепев, он начал кричать, что не удовлетворяет наших требований и с завтрашнего дня отдаст приказание кормить нас искусственно. Стаймер думает, — говорил он мне, — что это ей американское правительство, и все, что она будет требовать, мы ей удовлетворим... Этого не будет!..

Назвав его подлецом, я ушел в камеру. На седьмой день голодовки приехал к нам член президиума г. п. у. Сбруев, и все наши требования были удовлетворены.

Все пятнадцать анархистов просидели семь недель, после чего 12 из них получили приговор:

«Административно-следственная судебная комиссия Всероссийского государственного управления, рассмотрев дело петроградских анархистов, обвиняемых по статье 60-ой уголовного кодекса законов, постановила...»

По этому постановлению анархисты:

1. Егор Зензинов (рабочий фабрики «Скороход»; старый анархист; преследовался при царском режиме, после чего заболел туберкулезом легких; в настоящее время сильно болен), приговорен к ссылке на два года. Отбывает свой срок в гор. Вятке.

2. Шилов (рабочий фабрики «Скороход»; старый анархист; преследовался при царском режиме за активное участие в забастовке 1915 и 1916 годах; как анархист, принимал активное участие в революции 1917 г.). Приговорен к ссылке на два года. Отбывает свой срок в Тверской губ.

3. Соколов (рабочий кровельщик завода быв. Речкин; приговорен с 1917 г.; недавно отбыл наказание — два года — в московском концлагере за распространение анархической литера-

туры), приговорен к ссылке в деревню на родину на два года.

4. Горбич, (рабочий металлист; анархист с 1916 г. Депортирован из Соединенных Штатов Америки за революционную пропаганду в 1920 г. Бывший член Союза Русских Рабочих в Америке), приговорен к двум годам ссылки. Отбывает свой срок в Пятигорске.

5. Савицкий (рабочий, слесарь, старый анархист, депортированный из Соединенных Штатов Сев. Америки в 1920 г.; бывший член Союза Русских Рабочих) приговорен к двум годам ссылки. Отбывает свой срок в Пятигорске.

6. Родзянкин (студент Петроградского Политехнического Института; крестьянин, анархист с 1918 г.) приговорен к двум годам ссылки. Отбывает свой срок в Ярославле.

7. Сапелов (студент Петроградского Педагогического института) приговорен к ссылке на два года. Отбывает в Ярославле.

8. Петров (красноармеец, крестьянин; стал анархистом после суда над анархистами в Петрограде в 1922 г.) приговорен к двум годам ссылки на родину.

9. Лихачев Иван (рабочий фабрики «Скороход»; старый анархист; как таковой, преследовался при царском режиме; принимал активное участие в революции 1917 г.) приговорен к одному году ссылки на родину в деревню Витебской губ.

10. Мария Вегер (учит.; анархистка с 1914 г.; принимала активное участие в революции 1917 г.; была арестована, как анархистка, советской властью и сослана на два года в Архангельск; оттуда бежала в 1922 г.; в настоящее время сильно больна малярией и цынгой) приговорена к трем годам концлагеря в Соловецкий монастырь.

11. Семен Флешин*); приговорен к изгнанию навсегда из пределов России.

12. Молли Стаймер (в рев. раб. движении с 1914 г., анархистка с 1918 г.; как таковая арестовывалась в Нью-Йорке несколько раз; в 1918 г. американским судом приговорена к 15 годам тюремного заключения за протест против интервенции в Советскую Россию; после двухлетнего тюремного заключения выслана в 1921 г. в Россию; большевиками арестована два раза: 1. за помощь заключенным анархистам и за корреспонденцию с заграничными товарищами и 2. за анархическую пропаганду) приговорена к изгнанию навсегда из пределов России.

Кроме того:

*) В рабочем движении с 1913 г.; как анархист, принимал активное участие в америк. движении и в русской революции. — Ред

13. Прянишников (рабочий металлист; старый анархист, преследовался при царском режиме; принимал активное участие в революции 1917 г.) в настоящее время находится в доме предварительного заключения, ожидая приговора; 28 авг. 1923 г. объявил голодовку, требуя освобождения; на седьмой день голодовки увезен в больницу Гааза, где был подвергнут искусственному питанию.

14. Пономарев (крестьянин, студент Петроградского Педагогического Института) объявил голодовку вместе с Прянишниковым и тоже был подвергнут искусственному питанию, в настоящее время в доме предв. закл. ожидает приговора.

15. Лихачев Евфим (рабочий кожевник на фабрике Петроградского Единого Потребительского Общества; несколько раз арестовывался при царском режиме за анархическую пропаганду; принимал активное участие в революции 1917 г.; пользуется большой популярностью среди рабочих кожевенной промышленности) в настоящее время находится в доме предварительного заключения в ожидании приговора.

Итак, «коммунистические» диктаторы могут еще раз заявить, что советское правительство не преследует идейных анархистов.

Семен Флешин.

МОЯ ПОЕЗДКА В МЕСТА ССЫЛКИ И ПО КОНЦ-ЛАГЕРЯМ.

В августе 1923 г. Общество Помощи Заключенным Анархистам в России командировало меня, как члена Общества, на север — для оказания помощи нашим товарищам, находящимся в ссылке и в конц-лагерях.

Получив свой месячный отпуск по службе, с мандатом Общества, совершенно легально я выехал в Вологду, а затем дальше — в Архангельск и в знаменитый Холмогорский лагерь.

Не буду занимать место описанием всех мытарств и скандалов, которые мне пришлось пережить в дороге и с администрацией мест заключения. На каждом шагу приходилось наталкиваться на препятствия властей и брать все с бою. Перейду непосредственно к условиям, в которых я нашел наших товарищей в ссылке, в тюрьмах и в конц-лагерях.

Вологда.

На следующий же день по прибытии в Вологду мне удалось посетить Губернский Исправдом (быв. Городская Тюрьма), где в то время сидело несколько крестьян анархистов, обвиняемых в «восстании» потому, что они отказались платить непомерные налоги. Я имел свидание с двумя из них, сделал им передачу продуктов, курева, книг и газет. Они были бесконечно обрадованы, что их не забыли. Не так важна была помощь материальная; но неоценима была моральная поддержка.

Один из заключенных крестьян; старик шестидесяти с лишним лет, со слезами на глазах просил меня благодарить всех товарищей, что их не забыли, и рассказал мне об ужасных тю-

ремных условиях и о нечеловеческом обращении с ними тюремных властей. В тюрьме было сыро, холодно, темно; пища была такая скверная, что ее невозможно было взять в рот. Каждый раз, при вызове на допрос, их запугивали расстрелом, если они не сознаются в вымышленной организации «восстания» и не укажут на других своих односельчан, яко-бы участников никогда не существовавшей организации...

Я распрошася с этими невинными жертвами большевистского террора, обещав им сделать все возможное, чтобы облегчить их участь.

В тот же день я побывал в Вологодском конц-лагере (бывшая Губернская каторжная тюрьма). Здесь содержался под стражей товарищ Лукин: старый анархист, работник в кооперации с 1906 года; отбывал ссылку при царском режиме; был освобожден революцией 1917 года, в которой принимал самое активное участие. В Вологде среди рабочих пользовался большим уважением.

Товарищ Лукин, больной туберкулезом легких, содержался в кошмарных, не поддающихся описанию условиях... Грязь; насекомые; воздух, от которого захватывало дыхание; пища, которая вызывала рвоту; общие нары и принудительная грязная работа, — вот те условия, в которых жили заключенные Вологодского конц-лагеря.

Странно было смотреть на этого больного, измученного товарища: худой, бледный, с впалыми щеками, лихорадочно горящими глазами, он был похож на выходящего из того света. Он умолял меня не беспокоиться о нем и сделать все возможное для его семьи (жена и двое малень-

них детей), которая находилась в тяжелом положении и голодала...

Я оставил некоторую сумму денег для семьи, сделал передачу самому товарищу Лукину и на следующий день выехал дальше, в Архангельск.

Архангельск.

Через полтора дня я был в Архангельске. Я остановился в гостинице и решил сейчас же явиться в местное Г.П.У. (быв. че-ка) и потребовать разрешения на свидание с товарищами, заключенными в Холмогорском лагере. Я сделал это нарочно, чтобы отнять у местных властей всякий повод, арестовав меня под предлогом, что я приехал с конспиративной целью, тем самым не дать мне возможности выполнить возложенную на меня миссию.

Когда я явился в Г.П.У., то после довольно основательного допроса и пересмотра моего мандата и документов, мне было отказано в свидании, пока я не получу разрешения из Москвы. Мне оставалось только сделать передачу вещей, продуктов и книг.

Следующим моим шагом было найти наших товарищей ссыльных, находившихся в Архангельске, чтобы вместе с ними закупить всё необходимое для холмогорцев.

Через полчаса я уже сидел в комнате вместе с Любой и Хасей Альтшуль, сосланными в Архангельск на два года. Вечером я видел всех остальных наших ссыльных: Петра Скурыхина, Марию Вегер, Александра Афанасьева.

От них я узнал о нечеловеческих условиях, в которых находятся наши товарищи холмогорцы, а также о тех тяжелых условиях, в которых живут ссыльные. В последнем мне пришлось убедиться и лично, после нескольких дней пребывания здесь.

Условия ссылки были следующие.

Дважды в неделю ссыльные должны были являться для регистрации в Г.П.У. Достать работу для них почти невозможно, так как ссыльных не принимают на службу. Государство должно платить им ежемесячное пособие (как в старое время), но обыкновенно им платят один раз в шесть месяцев такую сумму, которая не имеет никакой ценности. Но самое кошмарное в современной ссылке, это — система шпионажа. За каждым движением ссыльного установлен контроль. Все ссыльные — постоянно в ужасном первом напряжении, и дело доходит до того, что они ведут открытую борьбу с шпионами. Неоднократно при мне товарищ Скурыхин (в доме которого я жил) открывал неожиданно окно и скандалил с шпионами, подслушивавшими под окном. Один раз мы шли по улице и, по обыкновению, за нами скользила тень. Скурыхин не выдержал и, не

ожиданно обернувшись, напал на следившего за нами шпика. Несчастный отбивался и вопил, что он не виноват: ему приказано следить...

Товарищи ссыльные мне говорили: временами дело доходит до такого нервного состояния, что они готовы покончить с собой, чтобы прекратить эту пытку.

Все ссыльные жили в скверных условиях: голодали и были плохо снабжены одеждой. Большинство из них страдало от сырости и болели малярией, которая никогда не оставляет эту местность. Все они отказались, однако, от помощи, считая необходимым в первую очередь помочь холмогорцам, находящимся в значительно худших условиях...

Холмогоры.

В это время из Холмогорского конц-лагеря была переведена в Архангельский конц-лагерь Елена Чекмасова. Она была арестована беременная и теперь должна была дать жизнь новому существу.

Я имел свидание с нею. Она содержалась в Архангельске в еще худших условиях, чем те, какие я нашел в Вологодском конц-лагере. Никакой медицинской помощи ей не оказывали. Она была совершенно больным, измученным человеком. Плохо одетая, не имея теплого платья, необходимого белья, она с ужасом думала о ребенке, который должен появиться на свет, и для которого у нее не было самого необходимого...

От нее я узнал о невероятно тяжелых условиях, в которых находятся наши товарищи в Холмогорах. За три месяца до моего приезда, находясь в московских тюрьмах и подвалах Г.П.У. (быв. Че-ка), а затем в Архангельском конц-лагере, они перенесли три голодовки, каждая по 5-7 дней, требуя улучшения условий. В результате, они были все увезены в Холмогоры: оттуда почти не было возможности дать знать, что с ними творят...

Большинство из них — больные туберкулезом, цынгой; все больны малярией, которая никогда не оставляла этот лагерь.

Условия заключения в Холмогорах следующие.

Внутри конц-лагеря заключенным отведен маленький домик, окруженный проводочным заграждением и охраняемый бывшими чекистами, тоже отбывающими свой срок наказания в лагере. Это — тюрьма в тюрьме. Деревянные нары без матрацов, подушек, одеял и белья. Одежды им никакой не выдают. Большинство — без сапог и без платья. Те, которые имели с собой одеяло, принуждены были шить из него брюки и юбки. Они не могут идти на прогулку — только потому, что не имеют сапог и одежды. Им приходится чередоваться, и од-

ной парой сапог и брюк, которая у них имеется, пользуются все заключенные; так-то каждый имеет возможность подышать свежим воздухом всего один раз в неделю. Пища очень скверная.

Этот рассказ произвел на меня жуткое впечатление. Я с ужасом думал о том, как мало я смогу сделать для наших товарищей с теми деньгами, которые я получил от Общества.

Закупив все, что мы могли, для холмогорцев (далеко не все, что им было необходимо; нам пришлось, за неимением достаточных средств, закупить одну пару сапог на троих, одну пару ботинок для двух женщин и т. д.), я вечером этого же дня двинулся в Холмогоры, в сопровождении жены одного нашего ссыльного товарища. С большими трудностями мы добрались до места. Пришлось скандалить больше часа, пока у нас приняли передачу. Но в свидании отказали...

Все это путешествие от Архангельска до Холмогор — сперва на пароходе, а затем на лошадах по болотам; этот монастырь, который превращен в конц-лагерь; зверские лица белых офицеров и чекистов, охраняющих заключенных, — все, все произвело на меня впечатление могилы, в которую брошены люди для медленного умерщвления...

Измученные физически и разбитые духовно, мы возвратились в Архангельск, где застали товарища Настю Галаеву, возвратившуюся из Великого Устюга, куда она, как член Общества, была командирована для оказания помощи нашим товарищам ссыльным. По дороге она два раза была арестована властями, и только благодаря тому, что она была совершенно больна чахоткой, ее отпустили. Она нам нарисовала ту же жизнь, — полную борьбы и страданий, — ссыльных в тех местах, где она бывала...

Через день мы с Н. Галаевой выехали в Москву, уверенные, что по дороге нас арестуют. Однако, мы благополучно добрались до места. Все же, кто ездил от Общества Помощи Заключенным Анархистам на Север после нас, были арестованы и находятся сейчас в ссылке. Такая участь постигла Лию Готман, Елену Ганшину и др.

* * *

Я не думаю, чтобы мне надо было добавлять что-либо к тому, что я здесь сообщаю: факты говорят сами за себя. Холмогорский лагерь, как место заключения для политических, сейчас уничтожен. Но созданы худшие места: Соловецкий монастырь, Пертоминский лагерь и др.

В настоящее время ссылка, тюрьмы и лагеря еще больше переполнены нашими товарищами. Число ссылаемых и заключаемых все растет. Перед нашим арестом и высылкой из России мы получили письма со всех концов России, но в особенности с севера. Положение анархистов в местах заключения — кошмарное. Товарищи доходят до отчаяния, и были уже попытки самоубийства.

Оказывать помощь — материальную и моральную — заключенным в большевистских застенках трудно; но ужаснее всего то, что нет средств помочь, даже самым необходимым. Русские рабочие сейчас ведут тяжелую борьбу за существование. Они не в силах помочь нашим заключенным товарищам. Вся надежда в деле спасения сотен лучших борцов за освобождение рабочего класса в России — на рабочих и революционеров Европы и Америки. Нужна широкая и регулярная материальная и моральная помощь.

Ноябрь 1923 г.

Семен Флешин.

СОВЕТСКАЯ „АМНИСТИЯ“.

Во время двух последних арестов (в ноябре 1922 и в июле 1923 г.) я сидел в Доме Предварительного Заключения, где познакомился с матросами — участниками кронштадтского восстания 1921 г. От них я узнал следующее.

В 1922 г. советское правительство объявило амнистию всем участникам кронштадтского восстания. Очень многие матросы, поверив «коммунистической» власти, возвратились на родину. Немедленно по переходе границы, все они были арестованы и препровождены в разные тюрьмы.

В Доме Предварительного Заключения в Петрограде их было 20 человек. В течение го-

да и четырех месяцев их заключения они объявили три голодовки, по несколько дней каждая, с требованием репить их судьбу. Ответ получался всегда один и тот же: «Дело послано на рассмотрение в Москву». Все это время они содержались на общих уголовных условиях и, если бы не помощь политических заключенных, им пришлось бы все время голодать.

Все 20 человек — старые революционеры, беспартийные, активные участники революции 1917 года. В августе 1923 г. они объявили последнюю смертельную голодовку, предпочитая смерть неопределенному томлению в за-

стенках. После трех-дневной голодовки, им вынесли приговор (конечно, без суда): три года концлагеря Соловецкого Монастыря без зачета предварительного заключения, которое длилось год и три месяца.

Такова советская «амнистия».

С. Ф.

Прилагаем именной список этих кронштадтцев.

Список и краткая характеристика участников Кронштадтского восстания 1921 года, ссылаемых в концентрационный лагерь Соловки сроком на три года каждый.

1. Федотов, Василий Михеевич. — Военный моряк линейн. корабля «Петропавловск», б. рабочий Путиловского зав. Участник рев. 1917 г. Принимал активное участие в создании первого рев. совета Балт. флота в 1917 г. Участник восстания 21 г. Возвратился из Финляндии на основании двух амнистий ВЦИК. Содержался под стражей 1 г. 5 мес.
2. Звельтис, Иван Иванович. — Быв. рабочий. Военмор. линкор. «Севастополь». На корабле находился с 1916 г. Участвовал в рев. 17 г. при создании первого сов. Балт. флота. Участник восстания 21 г. В Д. Предвар. Закл. находится 1 г. 2 м. Возвратился из Финляндии после двух амнистий.
3. Андрейченко. — Моряк линкор. «Севастополь», б. раб. машиностроительного зав.; принимал участие в трех революциях. В ДПЗ находится один год.
4. Гурьев-Далматов. — Военмор. линкор. «Петропавловск»; крест. Рязанской губ. Участник трех революций. В ДПЗ находится 1 год.
5. Юдин, Владимир. — Военмор. переходящих рот; крест. Олонецкой г. Участник трех рев. В ДПЗ один год.
6. Брусеникин, Степан. — Военмор. переходящих рот; крест. Симбирской г. Участник трех рев. В ДПЗ один год три мес.
7. Терентьев, Степан. — Моряк. До воен. службы рабочий металлист. Состоял членом РКП, вышел из партии в дни кроншт. восстания. В ДПЗ один год три мес.
8. Захаров, Александр Фокис. — Моряк; член РКП; вышел из партии в дни восст. Участник революции 1905 г. В ДПЗ один год три мес.
9. Ермолаев, Иван Алексеевич. — Моряк; рабочий; уч. трех революций. В ДПЗ 1 год.
10. Кулышев, Степан Дмитриевич. — Моряк; крест.; уч. рев. 17 г. и кроншт. восстания. В ДПЗ 1 год.
11. Тукун, Гаврил Павлович. (секретарь Крон. ревкома). — Рабочий электро-монтер; б. моряк; участник всего рев. движения Балт. флота. В ДПЗ 1 год 3 м.
12. Богданов, Андрей Артемьевич. — Моряк; крест.; уч. рев. 17 г. в Балт. флоте. В ДПЗ 13 мес.
13. Куркин, Иван Ивалович. — Красноармеец; кр. Рязанской г. Участник рев. движ. до 17 г. в ДПЗ 1 г. 3 м.
14. Лобашев, Иван Васильевич. — Красноарм.; кр. Новгородской г. Участник двух рев. В ДПЗ 13 мес.
15. Ершов, Василий Ефремович. — Красноарм.; кр. Новгородской г. Участник рев. 1905 г. в Новгор. г. Участник рев. движения в Кроншт. Содержался под стражей при самодержавии. В ДПЗ 11 мес.
16. Мартынов, Яков Иванович. — Красноарм.; крест.; уч. революции 17 г. В ДПЗ. 13 мес.
17. Федоров, Яков. — Красноарм.; крест.; участник рев. движ. в армии. В ДПЗ 13 мес.
18. Рассказов. — Красноарм.; крест.; уч. рев. движения в армии. В ДПЗ 13 мес.
19. Белов, Леонид. — Крест.; уч. кроншт. восстан. 21 г. В ДПЗ 1 г. 6 м.
20. Яковенко, Василий Андреевич. — Моряк; активный уч. рев. движения Балт. флота. Член Кроншт. Ревкома. В конце первой половины сентября отправлен в Москву. Дальнейшая судьба его неизвестна.

* * *

Заведующий издательством «Голос Труда» Е. Рубинич (Меер), недавно выпущенный из коммунистического застенка, где он нажил цыгуну, не успев вылететь, вновь арестован в сентябре месяце и находится в заключении в Бутырской тюрьме в Москве.

* * *

С 23 окт. по 1 нояб. происходили повсюду массовые аресты, как это повторяется ежегодно перед 7 ноября — годовщиной октябрьской революции. Подробности арестов неизвестны.

ПЕРЕВОД ВСЕХ ПОЛИТИЧЕСКИХ В СОЛОВКИ.

В июле 1923 г., после продолжительной упорной борьбы против перевода в канцлагерь Соловецкий монастырь, все политические заключенные, сидевшие в Пертоминском лагере, были переведены туда. Для характеристики этого места заключения приведем отрывок из «Соц. Вестника» № 17: «Переведенные из Пертоминска 175 социалистов поселены в скиту Савватееве. В течение 8-9 месяцев зимы никакого сообщения с Соловецкими островами нет. На острове будут только арестанты и «администрация». Эта последняя может быть названа так лишь очень условно. За исключением заведывающего лагерем и его помощника, все остальные — начальники, конвойная команда, служащие — состоят из арестантов, проморовавшихся чекистов и коммунистов и т. д. Этому начальству дают одежду, паек и обещание сократить сроки, зная, что они из кожи будут лезть вон, чтобы оправдать доверие высшей администрации. Больница находится у пристани. По поводу навешания больных был дан ответ: «Навешать больных разрешается лишь в том случае, если по заключению врача больной накануне смерти». От больницы пришлось отказаться. Почты на Соловках нет. Письма идут лишь до Архангельска и заключенным не доставляются. Старые каторжане и шпильсельбуржцы говорят, что в таких условиях им еще не приходилось бывать».

Все лагеря на Севере и места ссылки настолько переполнены, что последнее время администрация канцлагеря Соловки и др. мест ссылки на Севере возвращают обратно присылаемых им заключенных.

В августе 1923 г. лев. соц.-рев. Лида Суркова была выслана в Печорский край на три года Петроградским Г.П.У. До сих пор она находится в Архангельском Г.П.У., т.-к. Печорский край не принимает больше ссыльных. — Анархистка Мария Вегер, правая с.-р. Надежда Дерзкая и др. политические, которых Московское и Петроградское Г.П.У. приговорило к трем годам заключения в канцлагерь Соловки, были туда отправлены etapom в августе и сентябре 1923 г. По прибытии их в Вологду местная власть, продержав их неделю, направила обратно в Петроград, мотивируя, что есть постановление Арх. Г.П.У. и управления северными лагерями не принимать больше ни одного заключенного, ввиду переполнения ссылки *).

Все старые места ссылки сейчас восстапаны полностью, вплоть до Туруханского, На-

рымского края, Тобольской губернии и т. д. Все ссыльные отправляются старыми этапными путями и очень часто валяются по всяким пересыльным тюрьмам в самых ужасных условиях. Заболевания очень часты.

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ.

Товарищи и друзья!

Из фактов, данных здесь о преследованиях анархистов в Советской России, Вы ясно видите, что когда Лозавский, Чичерин и другие коммунистические деятели заявляют, что советское правительство не арестовывает идейных анархистов, а лишь бандитов, прикрывающихся именем анархизма, тогда эти «коммунисты» сознательно лгут!

Конечно, это не в их интересах, чтобы миру стало известно о том, что «коммунистические» тюрьмы сегодня так же переполнены политическими заключенными, как были и при существовании царизма! Поэтому они беспрерывно отрицают правду.

Когда я приехала в Россию, в конце 1921 г., я нашла, что большинство товарищей анархистов сидели в тюрьмах. А те немногие, которые были на свободе, были так терроризованы, что избегали встретиться несколько человек в одном месте, боясь, как бы Государственное Политическое Управление («коммунистическая» охранка) их не заподозрило в устройстве собрания...

Я скоро начала интересоваться судьбой заключенных товарищей, и делала все, что могла, чтобы облегчить их участь. Но увы! В Советской России гораздо труднее помочь политическому заключенному (революционеру), нежели в какой-либо капиталистической стране. «Коммунистическая» власть очень редко судит политического противника. За время моего пребывания в России (год и девять месяцев) сотни идейных революционеров были приговорены к заключению в разные тюрьмы, в канц-лагеря или сосланы в ссылку. Но возможность суда была дана очень немногим. Обыкновенно, местные Г. П. У. посылают обвинительный материал в Москву — «Административной Судебной Комиссии». Эта комиссия в отсутствии обвиняемого решает его судьбу.

Часто людей арестовывают и расстреливают секретно. В таких случаях попытки родных узнать о судьбе жертвы кончаются безрезультатно, так-как Г. П. У. отказывается дать какую-либо информацию.

Характерным примером этому служит дело Давида Когана и Ивана Ахтырского. Два ста-

*) По последним сведениям из России, Мария Вегер увезена из Петроградской тюрьмы — неизвестно куда.

рых анархиста, которые принимали активное участие в революционном движении при царизме и во время революции 1917 года. Оставаясь верными своему идеалу, они продолжали вести анархическую пропаганду при существовании советской власти. В октябре 1922 г., эти товарищи были арестованы в Москве. Все попытки товарищей, родственников и друзей узнать, где они и что с ними, кончились ничем. До сегодняшнего дня судьба этих двух товарищей остается неизвестной. Живы ли они? Или... они уже растреляны? Мы не знаем этого, так-как всемогущая советская охранка отказывается дать какое-либо сообщение о них.

Когда Мария Вегер, подруга Ахтырского, спросила начальника Петроградского Г. П. У. Месинга о судьбе Ахтырского, он дал ей следующий ответ: «Забудьте о нем! Вы его увидите, когда увидите свои уши».

Многие политические заключенные болны цынгой, малярией и туберкулезом в результате невыносимых, ужасных тюремных условий, — таких, как: сырость, холод, нечистота, недостаток свежего воздуха, скверное питание.

Не проходит ни одной недели, чтобы не происходили в тюрьмах голодовки, обструкции или попытки самоубийства, как протесты против кошмарных условий и грубого обращения «коммунистических» тюремщиков.

Единственная помощь, которую мы можем оказать жертвам большевистской реакции, это — снабжать их: пищей, одеждой, книгами, табакком. Но для этого необходимы средства.

Поэтому я обращаюсь ко всем вам, — мужчинам и женщинам, — которые имеют хоть малейшее понятие о справедливости, помочь заключенным революционерам, которые в настоящее время мучаются в советских застенках.

Товарищи! Я обращаюсь к Вам от имени идеалистов, отдавших свою жизнь за идеи, которые, — они верили, — освободят человечество от существующего зла. Протяните им руку помощи в это время нужды! Помогите им не только материально, но также и морально. Протестуйте против беспрерывного преследования революционеров в советской России!

Не позволяйте себе и другим быть обманутыми бесстыдными лгунами — «коммунистическими» пропагандистами, которые отрицают свои деспотические действия, так-как они не имеют никаких оправданий для них.

Берлин, Окт. 1923. Молли Стаймер.

Нам переслана из России копия следующего характерного заявления:

В Совнаркоме С.С.С.Р.

т. Рыкову.

Центрального Бюро Объединения партии левых с.р. и союза с.р. максималистов.

Заявление:

Система высылки в самые отдаленные места С.С.С.Р., которая ныне практикуется властью, является не мерой ограждения себя от нежелательных действий «неблагонадежных» элементов, но в буквальном смысле слова мерой незаметного истребления инакомыслящих революционеров и социалистов. Мы это утверждаем на основании целого ряда сообщений от высланных товарищей, лишенных не только какого-либо пособия со стороны правительства, но многие из которых лишены возможности поступить на какую-либо службу, а потому обреченных в разных медвежьих углах на верную, хотя и медленную, смерть. Трутовский в Сыр-Дарьинской области (Аулис-Ата), Камков в Челябинске, Прокопович в Троицке, левые с.р. в Соловках, — все эти старые революционеры медленно умирают в ссылке, в то время, как бандиты, напманы, воры и взяточники освобождаются по бесчисленным амнистиям, по постановлениям комиссий и других органов.

Система набегов и обысков в нашей легально существующей организации, система арестов членов ее (Я. В. Браун, ссылаемый в концлагерь, ряд максималистов на Дальнем Востоке, Ю. Панибратцев в Харькове, которому грозит высылкой на Дальний Север при его туберкулезе), система непрерывного шпионства за каждым из членов объединения, — все это дает моральное право всем буржуазным и реакционным правительствам всех стран жестоко преследовать все революционное рабочее международное движение, ибо так же поступают и коммунисты.

Протестуя против этой системы репрессий, шпионства и провокации, пыльным цветом расцветших в нашей стране, Центральное Бюро Объединения партии л. с.р. и союза с.р. максималистов требует от нашей и иных революционно-социалистических организаций хотя бы тех же прав, какие правительства буржуазных стран — Франции, Германии, Англии — предоставляют коммунистическим партиям: свободы пропаганды своих взглядов по всей СССР, свободного издания своих органов печати, свободной организации своих съездов и конференций, свободного выезда за границу по организационным делам.

Члены ЦБ Объединения (подпись)
Секретарь (подпись).

„СВОБОДА ПРОПАГАНДЫ“

В один из воскресных дней, в июне 1923 г., я пошел проводить одного товарища, рабочего-анархиста, проживающего в рабочем районе — за Московской Заставой.

По дороге от трамвая до дома, в котором он жил, почти на каждом углу, как в старое время, я находил «пивнушку», переполненную рабочими. Довольно часто мне попадались пьяные рабочие...

Как-то жутко и больно стало от этой картины рабочего быта, когда я подумал о том, сколько жертв, сколько борьбы отдано было, чтобы уничтожить всю эту гадость... А теперь все это снова водворяется в жизнь людьми, смеющими называть себя коммунистами и творящими все это во имя всемирной революции...

С такими печальными мыслями я вошел к товарищу и поделился ими с ним.

— Да, друг мой, — отвечал он мне: — я сам, да и многие рабочие, которых я каждый день вижу, страдают из-за всего этого. Но здесь — не вина рабочих: уже несколько раз рабочие требовали закрытия пивнушек в рабочих районах, да власти не закрывают: не выгодно... *)

Больше того, — продолжал он: — ты посмотри, как с их благословения всякие братцы Чуриковы и им подобные открывают свои притоны в рабочих районах и разводят настоящую, ужасную заразу... Революционерам вести свою пропаганду здесь не разрешается; а вот всякие Чуриковы могут развращать массы своей проповедью религиозного антисемитизма... Таких шарлатанов, вносящих тьму, невежество, разврат в умы рабочих масс, советская власть охраняет...

Когда он кончил, глаза его горели негодованием, возмущением...

Уже давно слышал я легенду о братце Чурикове, который творит чудеса, исцеляет лю-

дей, как только взглянет на них, и т. д., и т. д. О нем шла молва по Питеру, что он святой посланник божий и пр. Но я никогда не мог бы поверить, что большевики разрешили ему свободно вести свою разлагающую работу.

Когда я сказал товарищу, что мне не верится, чтобы он мог действовать с разрешения соввласти, товарищ, не долго думая, схватил фуражку и потащил меня на улицу. — Пойдем, я тебе покажу! Увидишь своими глазами, — тогда убедишься!..

Через пять минут путешествия по грязному рабочему кварталу, мы очутились в так-называемой моленной общества последователей брата Чурикова.

Здесь два раза в неделю происходят беседы. Довольно большая комната, уставленная лавками, была, главным образом, заполнена женщинами (процент мужчин был крайне невелик). Все присутствовавшие — рабочие. Организатор общества читал проповедь. Я весь превратился в слух.

Через несколько минут я был так возмущен, что мне хотелось протестовать всем, чем я мог, против глупостей, которые я слышал...

Проповедь эта была во-первых, полна антисемитизма; во-вторых, на каждом шагу проповедник твердил, что только благодаря завоеваниям революции и тому, что общество стоит на платформе советской власти, им разрешена свободная проповедь; что советская власть — очень справедливая, хорошая власть; что надо быть хорошими гражданами, усердно работать по восстановлению государства и порядка... Вся речь проповедника, от начала до конца, была анти-революционная, анти-семитская... Восхваление советской власти было каким-то дико подхалимским, пошлым, фальшивым...

Мы оба не выдержали и вышли.

Несколько шагов мы прошли молча, поглощенные каждый своими думами.

Я очнулся от своих дум, когда услышал голос товарища: — Вот то, к чему большевики сводят завоевания русской революции. Вот кому они разрешают свободу пропаганды... Эх, если бы народ опять встал да смел бы всю эту мразь вместе с продажной коммунистической партией...

Голос его прервался. В глазах стояли слезы... Он не мог продолжать...

Борис Поль.

*) Этот же тов. впоследствии рассказывал мне, что на беспартийной конференции, на которой он присутствовал, как делегат завода, и которая происходила перед выборами в Петросовет в сентябре 1923 г., рабочие выставили требование о закрытии пивных в рабочих районах, так как они вносят старый разврат в рабочую среду. На это присутствовавший на конференции председатель Петросовета Евдокимов дал следующий ответ: «Мы не можем закрыть пивные, так как это — единственное предприятие, дающее государству большие до-

МОЯ ССЫЛКА

(К характеристике советского режима)

Окончание *)

VIII.

К отправке через Котлас я оказалась единственной. Меня посадили в железнодорожный вагон со штатом в 10 человек. Дорога прошла без особых приключений.

По прибытии в Котлас, я отправлена была в местную милицию. Вставал вопрос о моем дальнейшем передвижении — до Усть-Сысольска, места моего назначения. Вопрос этот не на шутку волновал меня. Если бы мое дальнейшее путешествие имело место раньше, в летние месяцы, — я могла бы ехать до Усть-Сысольска пароходом. Теперь же предстояло двигаться пешком, по этапам, что при состоянии моего здоровья грозило серьезными последствиями, а то и просто гибелью...

Начальник Котласской милиции откровенно заявил, что не знает, как отправить меня в Усть-Сысольск: нет лишних милиционеров для сопровождения. Пока-что, он распорядился о помещении меня в местную пересыльную тюрьму.

Здесь я встретила с этапом из Великого Устюга — главным образом, уголовных зырян. С ними-то мне и предстояло двигаться дальше, пешком, при первой же возможности.

IX.

Переход от Котласа до ближайшего пункта, название которого я забыла, — 17 верст. Это — не так много. Но в моем положении это была пытка. Вещи пришлось тащить на себе. Между тем я была так слаба, что и без вещей едва могла идти. На каждом шагу я останавливалась и отказывалась продолжать путь. Но вернуть меня обратно и оставить в Котласе, или где-нибудь по дороге, было невозможно: милиционеров с нами было очень мало. Да и распоряжение не могло быть отменено.

Некоторые арестованные везли свои вещи на подводах. Но у меня не было достаточно денег, чтобы позволить себе такую роскошь. Наконец, один из извозчиков смиростивился, взял мои вещи, а затем посадил и меня за последние 5.000 рублей.

В 17-ти верстах после Котласа — остановка. Мы переночевали в пересыльной тюрьме. Утром нам выдали продовольствие на 10 дней, и мы двинулись дальше.

X.

Потянулись этапные дни — с небольшими переходами, от остановки к остановке. Таких дней предстояло до Усть-Сысольска 28.

Кое-где приходилось идти пешком; кое-где удавалось пристроиться на подводу.

В общем, здесь дышалось вольнее. Отношение ко мне милиционеров, с которыми я немало беседовала, было хорошее. — «Эта арестованная хочет того же, чего хотим мы и чего нам не дали», — говорили они. В деревнях, где мы останавливались, отношение ко мне было сочувственное. Я беседовала с крестьянами. — «Почему опять «политики» пошли?» — это интересовало их прежде всего.

Было, однако, в пути одно чрезвычайно тяжелое обстоятельство: до-нельзя примитивные нравы моих попутчиков — уголовных зырян. Все они считали, что я, как женщина, должна принадлежать им по их желанию. Покушения их на меня были постоянны, и мне пришлось вести с ними непрерывную борьбу. В особенности приставал ко мне один из них — крайне грубый и готовый на все пареня. Однажды ночью мне едва удалось отбиться от него. После этой неудачи, он пригрозил мне, что «будет мстить». В то же время, он начал пьянствовать с милиционерами, и я боялась, что он при их содействии или попустительстве будет действовать дальше. Пришлось все время быть на-чеку и выдержать долгую, трудную борьбу. Дело доходило до того, что я иногда, на всякий случай, отбирала у совершенно пьяных милиционеров револьверы и бумаги.

XI.

Добрались до Яренска. Я совершенно не могла больше ходить и стала всякий раз требовать лошадей. В одной из деревень, на привале, преследовавший меня зырянин донес по начальству, что я нарочно тормажу весь этап, что я — анархистка, веду агитацию против власти и т. д. Я была вызвана к начальнику местной тюрьмы. После моих объяснений, он назначил комиссию для освидетельствования меня. Комиссия признала необходимым предоставить мне для дальнейшего следования лошадь.

XII.

В 96-ти верстах не доходя Усть-Сысольска наш этап сделал длительный привал. Здесь

*) См. «А. В.» № 3—4.

имелась постоянная пересыльная тюрьма, в которой мы и остановились. Всех нас ввели в небольшую общую камеру. Деревянной перегородкой было отгорожено отделение для женщин. Я оказалась здесь, за перегородкой, одна. Рядом — с одной стороны, свыше 20 человек зырян и 1 русский ссыльный, с другой — комната заведующего тюрьмой.

Легко понять мой ужас, когда, с наступлением первой же ночи, за перегородкой началось повальное пьянство арестованных вместе с администрацией. Дикие крики и ругань не прекращались. С минуты на минуту я ждала, что эти пьяные люди, ничем больше не сдерживаемые, ворвутся ко мне. О том, чтобы лечь спать, нечего было и думать.

Среди ночи ко мне вошел русский ссыльный. — Барышня, вы спите?
— Нет.

Он предупредил меня быть на-стороже и вышел. Пьянство продолжалось еще часа три. Обо мне, повидимому, забыли. Но я пережила ужасную ночь.

XIII.

Наконец, — последний переход. После двух дней скитания по деревням, мы на третий день утром прибыли в Усть-Сысольск.

Прежде всего, меня привели в местную (уездную) «милицию». Здесь заявили, что принять меня не могут и не знают, как со мной быть. Подумав, меня отправили в «областную милицию».

Там говорят: — «Это к нам не относится». Направили в «компартию»: пусть, мол, решают, что со мной делать.

В «компартии» говорят: — «Мы этим не занимаемся; это нас не касается...» Послали в «исправдом».

Было уже 3 часа дня. Я с утра ничего не ела; вещи таскала все время на себе; и еле держалась на ногах.

В «исправдоме» меня отказались принять, резонно заявив, что, согласно бумагам, я теперь — не арестованная, а ссыльная, и тюрьмы это не касается...

Куда же, однако, мне деваться?..

Пошли в «ревтрибунал». Здесь нас встретил чиновник, служивший еще при старом режиме.

— Это — не к нам. Обратитесь в областную милицию...

Опять сначала: в «областную милицию»... Сопровождающий меня милиционер из нашего этапа ругается: ему некогда; он должен уезжать...

Пришли опять в «областную милицию» и обратились прямо к начальнику. Последний заявил, что созывает собрание и даст ответ через час.

Через час слишком вынесли решение: на-править в... «Чека». При этом, начальник милиции дал нам личное письмо к председателю Чеки.

Было уже около 5 часов дня.

В «Чека» начали прямо с обыска и стали отбирать вещи. Я подняла скандал: я — ссыльная, а не арестованная...

— Вы сейчас у меня, как арестованная, — заявил мне чекист.

— Вот письмо от начальника милиции к председателю.

— Хорошо. Письмо мы сейчас передадим. А пока — подождите. Вас вызовут.

«Пока» — меня отправили в караульное помещение, на кухню. Здесь я застала массу солдат. Везде грязь. Беспорядок. Дикость. Солдаты во-всю ругают начальство. «Мать... мать... мать...» Только и слышно.

Обратились ко мне:

— Барышня, вы садитесь... Вам будет с нами весело нынче ночью...

Солдаты оказались русскими: главным образом, вятичи.

Я сажусь, раздумываю и решаю твердо: ночь здесь проводить ни в коем случае нельзя. Но куда идти? Просто на улицу? Но там 35° мороза... Я несколько ночей не спала, почти не ела, больная...

Начинаю просить солдат, чтобы доложили в Чеку и напомнили, что меня должны вызвать. Наконец, один солдат соглашается. Вернувшись, докладывает: — Сказали, сейчас...

Жду еще час. Прошу опять сходить к начальству. При этом рассказываю, кто я и откуда. Солдаты слушают и удивляются. Один из них уходит напомнить обо мне.

Наконец, меня вызывают. Беру вещи. Иду. Но на первом же шагу падаю от изнеможения. Солдат помогает мне встать и берет мои вещи.

Приходим. Встречает какой-то чекист.

— Вот, заполните эту анкету и идите опять на кухню. Там подождете...

— Нет, не пойду, — заявляю я категорически: — я приехала сюда на вольное поселение, а не для того, чтобы мотаться по караульным помещениям... Туда можете меня доставить только силой...

Я требую председателя. Его вызывают.

Это — украинец-казак. Выглядит зверем. Но прекрасно одет.

— В чем дело?

— Вот... эта гут... ссыльная... скандалит, — докладывает чекист.

— Мне некогда, — обрывает председатель: — я спешу на собрание...

Тогда я начинаю кричать:

— Да, у вас собрание... Дела... У вас есть квартира... У меня нет ее и идти мне некуда... Но туда — я не пойду... Только силой...

— Пусть переночует здесь, — в комнате, где касса, — решает председатель.

Я вхожу в эту комнату. Около кассы — неподвижный «немой» солдат. В дверях устривается милиционер. Ночевка найдена. По крайней мере, здесь я проведу ночь спокойно.

XIV.

На следующий день утром я требую, прежде всего, пайка.

«Завхоз» говорит, что он охотно дал бы мне паек, но человек поехал в «исправдом» — узнать, какой мне полагается паек. Надо ждать, пока он вернется.

Тем временем ко мне зашла местная коммунистка. Вероятно, я выглядела ужасно. Увидев меня, она остолбенела и тотчас принялась хлопотать: предложила мне стакан чаю и кусочек хлеба, и принесла из-дому кусочек сахара.

Вскоре меня вызвал председатель Чеки.

— Вы — махновка?..

— Вы — еврейка?..

— Ну, и что же? — возмущаюсь я допросу.

— Вообще, мне надо, товарищ, с вами поговорить...

— Я с вами говорить не хочу... Вы поступили подло со мной...

После небольшой перебранки, я ставлю вопрос ребром:

— Вы освободите меня?

— Да. Но я вас pošлю на работу. Вы переходите в ведение «обкомтруда».

— По специальности, я согласна. Я — акушерка.

— Хорошо. А теперь идите, куда хотите...

XV.

Я вышла на улицу.

Чекист помог мне вынести вещи.

Я осталась одна — без провожатого... Свобода!..

Валенки мои полны снега. Мороз. Куда идти? Что делать со «свободой»?..

Захожу в дом напротив Чеки. Мельком отмечаю своеобразие нравов: все открыто; запоров нет.

Дома никого. Иду во двор. Во дворе крестьянин запрягает лошадей. Он — зырянин. Немой.

Спрашивая знаками, можно ли положить на телегу вещи? Крестьянин кивает утвердительно. Я кладу вещи на воз. Он выезжает на улицу и куда-то едет, а я иду рядом.

Когда-то, в ссылке, мне рассказывали что-то о Ленинской улице № 14. Я совершенно забыла об этом. И вдруг вспомнила, увидев эту самую улицу и №.

Снимаю с воза вещи, звоню. Дверь открывает мне дама. Заплетающимся языком прошу позволения положить вещи. Позволяют. Позволяют и отдохнуть. И ночевать... Первый раз за все время ссылки я почувствовала себя живым человеком. Меня накормили; дали мне умыться, почиститься. И когда я подошла к чистой постели, она показалась мне такой роскошной, что мне страшно было лечь в нее.

XVI.

Люди, у которых я на время остановилась, оказались очень хорошими. Они отнеслись ко мне с участием. Я все им рассказывала.

На следующий же день я отправилась в «обкомтруд». Здесь меня приняли хорошо. Нужда в интеллигентных или знающих свое дело работников была большая. Мне дали рекомендательную записку и послали в «обкомздрав».

Там меня принял комиссар. Я сказала ему вкратце, кто я и как сюда попала. Он предложил мне зайти к нему на-дом и рассказать подробно, почему я сослана и как попала в Усть-Сысольск. Он дал мне записку в больницу.

Тотчас же отправившись по его указанию, я (22-го декабря 1921 г.) начала работать в Усть-Сысольской больнице, как сестра милосердия.

У комиссара «обкомздрава» я была на другой же день. Подробный рассказ мой о себе — о моем аресте, скитаниях, приговоре, ссылке — он выслушал с ужасом. И решил помочь мне отдохнуть и поправиться.

XVII.

К моему удивлению, почти весь состав служивших больницы оказался — монархистами.

Отношение к больным крестьянам было ужасное.

Я вступила в решительную борьбу против такого положения вещей и добилась значительных изменений. Но дело кончилось тем, что врач потребовал моего удаления из больницы.

Между тем, «моего» комиссара в «обкомздраве» уже не было. Он куда-то перевелся, и его место занимал какой-то другой, крайне несимпатичный субъект, оказавшийся против меня. Он заявил мне, что в больнице сокращаются штаты, и что он вынужден меня уволить.

Об этом узнал «обкомтруд», комиссар которого оказался бывшим следователем по делу (анархистов) о взрыве в Леонтьевском переулке (в Москве, в конце 1919 г.). Он знал, что комиссар «обкомздрава» идет за-одно с монархистами. Он стал держать мою сторону. За меня же оказалась женщина-врач из больницы.

Начался спор. Целая история. Бумаги полетели в «центр».

Но я не стала ждать окончания спора и потребовала права и возможности работать частной практикой, как акушерка.

В дело вмешалась Чека и заявила, что намеревается отправить меня работать к самоедам — в Печоры.

Я прямо сказала, что если Чека насильно пошлет меня туда, — я буду саботировать работу.

Дело кончилось тем, что я получила от «обкомтруда» разрешение устроиться с частной практикой.

«Обкомтруд» даже оборудовал мне акушерский кабинет.

Начиная с этого времени, моя жизнь в Усть-Сысольске вошла в определенную колею и ничем более не нарушалась.

XVIII.

Срок моей ссылки подходил к концу. 30-го июля 1922 г. я имела формальное право вернуться «домой».

Как-раз к этому времени я получила две телеграммы: одну от тов. А. Барона, который был в тот момент на свободе и уведомлял меня о крайне тяжелом состоянии моей сестры, серьезно заболевшей после тюремных мытарств и скитаний; другую — из-за границы, от моего близкого товарища, извещавшего меня о своем скором приезде ко мне, в Россию.

Я решила немедленно ехать. Но осуществить отъезд было не так-то просто.

Иду в Чеку — за разрешением на выезд.

Оказывается, председатель — в отъезде. Его заместитель («зампред») говорит, что по своей инициативе боится меня отпустить. Опасается «центра». Может лишь запросить телеграммой, что со мной делать. Предлагает подождать ответа. Я категорически отказываюсь, ссылаясь на «законный» срок ссылки.

После некоторых переговоров, решают и предлагают отправить меня в Москву с конвоем. Отказываюсь.

— Подождите до приезда председателя. Недолго...

Отказываюсь.

Начинаются переговоры со знакомыми коммунистами. Многие из них держат мою сторону: раз срок ссылки кончился, и я не была до срока по какому-либо поводу арестована, — я свободна ехать, когда и куда хочу. Я теперь — свободный человек.

В конце концов, соглашаются отпустить меня в Москву свободно, но — с определенным обязательством: ехать именно в Москву, в распоряжение московской Чеки.

XIX.

Я на пароходе. Я еду. Значительное число знакомых, — в том числе коммунистов, — провожают меня.

2-й звонок. На пароход вбегает запыхавшийся чекист и заявляет мне: — Сходите. Вы задержаны.

Я отвечаю, что ни за что не сойду. Пусть берут силой. Начинается скандал. Чекист настаивает, грозит:

— Телеграмма из «центра» — задержать. Мы должны выполнить, хотя бы силой...

Знакомая коммунистка решается попробовать уладить дело и бежит в «компартию».

Я жду и не схожу с парохода.

Вызывают к телефону. Говорю с заместителем председателя.

— Телеграмма из «центра» относительно вас. Задержитесь до следующего парохода: мы выясним и уладим дело...

Я отказываюсь.

Пока идут переговоры, пароход задерживается.

В конце концов, выписится окончательное решение: я должна ехать в Москву и к 11 августа явиться в распоряжение московской Чеки.

Пароход, наконец, отходит. Я еду! Я свободна!..

XX.

Некоторые обстоятельства заставили меня сойти с парохода и задержаться в Яренске. Пароход ушел.

На следующий день узнаю, что парохода до Котласа нет, и когда будет, — неизвестно.

В то же время, убеждаюсь, что я не так «свободна», как это казалось: ко мне приставлен красноармеец — нечто вроде почетного караула.

Тогда я, с помощью друзей, решаю отправиться в Котлас на лодке — без красноармейца.

Деньги у меня были. Я наняла лодку, увернулась от моего красноармейца и уехала в Котлас.

XXI.

Из Котласа я без затруднений двинулась дальше. 10-го августа я прибыла в Москву и встретила с друзьями.

По выяснении всех обстоятельств, я решила променять московскую Чеку на за-границу, что мне и удалось без особого труда.

Г. М. Юдович.
(С. Ав — кал.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ „МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ“ (М. Т. Р.)

2-4 декабря с. г. в Инсбруке (Австрия) состоялась пленарная конференция Административного Бюро «Международной Ассоциации Рабочих». В конференции принимали участие делегаты из Германии, Австрии, Аргентины, Голландии, Италии, Швеции, Норвегии и Уругвая. Центральные организации Мексики, Испании и Португалии не могли быть представлены прямо, в виду недостатка средств и господствующей в этих странах реакции. Секретариат М.Т.Р. прислал двух своих членов для присутствования на заседаниях и участия в работах конференции.

По сравнению с конгрессом, состоявшимся в декабре 1922 г., конференция эта означает несомненный шаг вперед. Прошлогодний конгресс обнаружил известную боязливость и явную нерешительность; он прибегал к уловкам и всякого рода дипломатическим ухищрениям, которые только затуманивали в глазах трудящихся те самые идеи, носительницей коих М.Т.Р. желает себя считать. Хотя почти все делегаты прошлогодного конгресса были анархистами и представителями организаций явно анархистских или близких к анархизму, — в общем, тогда преобладала тенденция выступать в качестве чистых синдикалистов. Позиция эта была в корне ложна и не могла оказаться устойчивой. В настоящее время, более

нежели когда-либо, необходима полная ясность, и надо иметь смелость вслух заявить о наших идеях и убеждениях. Это-то и совершила Инсбрукская конференция. Она выразила истинные чувства наших товарищей во всех странах, не считаясь ни с призраком цензуры, ни с другим призраком — критики со стороны наемников Москвы. По вине именно этого последнего призрака, результаты прошлогодного конгресса оказались столь мало удовлетворительными. Инсбрукская конференция окончательно порвала с легендой о «едином фронте с коммунистами», что означает для рабочего движения огромный шаг вперед. Она объявила во всеуслышание, что принцип организации трудящихся не может исключить идейной стороны дела, и что вне основы идейной и вне общих задач движения — теряет смысл и сама организация. Она закончила указанием на то вредное значение, какое имеет для Интернационала нерешительное и двусмысленное поведение французских товарищей. Одним словом, она стала на настоящую почву анархистских понятий о пропаганде и революции. Желательно, чтобы анархисты различных направлений отнеслись к Международному Т-ву Рабочих с большим интересом, чем это было до сих пор.

Д. С.

ГЕРМАНИЯ

Со времени нашего последнего письма хозяйственное и политическое положение Германии претерпело многие изменения.

Хозяйственный организм Германии точно подергивается судорогами, как тело одержимого лихорадкой больного. В конце сентября правительство сложило оружие в борьбе за Рур. В смысле финансовом борьба эта обошлась дороже, чем могли бы обойтись требуемые по репарационным счетам платежи. Таким образом, убыток вышел двойной: у германского хозяйственного организма отняты были и деньги, и Рурская область. Кроме того, блокада со стороны Антанты довела финансовое положение Германии до подлинной катастрофы. Все попытки правительства противостоять ей путем стабилизации марки потерпели неудачу. Несмотря на выпуск казначейских обязательств в долларах и рентных марок, официальный курс доллара в начале ноября достигал 420 миллиардов, а к началу декабря до-

шел до 4-х миллиардов марок слишком...*) Между тем, хозяйство обременено непомерными налогами и доведено до полного застоя. Все это всей тяжестью ложится на немецкого рабочего, который со времени августовских волнений не предпринял никакой новой попытки общего характера для того, чтобы улучшить свое положение и освободиться от пожирающих его паразитов. Похоже на то, как будто он настолько ослаблен нищенским заработком (не превышавшим, в среднем, за все последнее время одного доллара в неделю), что не способен израсходовать остаток своей энергии на решительную борьбу.

Внутренние политические условия также оказывают чрезвычайно разрушительное действие на рабочих. Покинутые, преданные главарями

*) Прим. ред. — По немецкой нумерации, 1.000 миллионов составляет 1 миллиард, а 1.000 миллиардов — 1 триллион.

профессиональных союзов, они массами выступают ныне из этих союзов.

Политические партии и связанные с их «политикой» непрекращающиеся правительственные кризисы также иммобилизуют рабочую среду. Беспрерывно происходит министерская чехарда; образуются большие и малые коалиции; изменяется ориентация — то направо, то налево... И всем этим рабочие должны интересоваться. Лишь для своих собственных дел и нужд у них не остается времени. И число тех, которые продолжают попадаться на эту удочку, все еще настолько велико, что подлинным революционным силам трудно пробиться на поверхность.

Во всем этом положении вещей большую роль играет коммунистическая партия. До последних недель она волновала массы лозунгом: «рабоче-крестьянское правительство». В Саксонии же и Тюрингии коммунисты вступили в состав правительств вместе с правыми социалистами. Однако, реакционеры, действующие за спиной общегерманского правительства, спутали их расчеты. Саксонское правительство было смещено и преобразовано.

В настоящий момент в Германии торжествует реакция. Столь желанная многими диктатура осуществляется «центром». Даже социал-демократы покинули министерские кресла. Назревает правая диктатура. В Саксонии имеется правительство, соответствующее желаниям генералов, которые ведут общегосударственную линию в духе баварской реакции. Не трудно видеть, к чему все это ведет в ближайшем будущем. И, действительно, для полноты дела не хватает только восстановленной монархии, чтобы германские пролетарии, наконец, освободились от марксистского (государственного) гипноза. Не следует, впрочем, думать, что с возвратом монархии чаша будет выпита до дна. Призраки голода, гражданской войны и террора — все еще перед нами.

Немецкие рабочие слишком еще мало штудировали и мало знают историю и теорию подлинной борьбы угнетенных за свое освобождение: иначе, развитие рабочего движения в Германии пошло бы по линии безвластного социализма; устранение государства стало бы естественной и первоочередной задачей.

Краткий очерк развития и нынешнего состояния анархистского движения в Германии может иллюстрировать, пояснить и подтвердить мое замечание.

Как и начало Интернационала, возникновение и первоначальные формы анархистского движения в отдельных странах покрыты довольно густым туманом. Затруднения происходят, с одной стороны, из разнообразия идейных течений, с другой — из внутренних политических обстоятельств того времени.

Первые предтечи анархизма в Германии, равно как и их писания (в том числе, многочисленные переводы из Прудона), были давно и основательно забыты к тому времени, когда в 60-х годах, в стране стали развиваться рабочие организации. Все имевшееся тогда налицо идейное поле было захвачено победным шествием социал-демократии. В ее же рядах, и то лишь после 1870 года, вновь появились более радикальные течения с уклоном в сторону анархизма. Надо отметить, что в то время революционные, в особенности же анархические издания могли сколько-нибудь распространяться в Германии лишь путем контрабандного, сопряженного с огромными трудностями и жертвами, проникновения из заграницы. Так доставлялась из Лондона, а впоследствии из Америки, «Свобода» Иоганна Моста; из Швейцарии и из Австрии — «Рабочая Газета» и «Будущее» (последний орган редактировался в Вене чрезвычайно деятельным и до самопожертвования преданным движению товарищем Иосифом Пейкертом).

Преследования, которым анархисты подвергались в 70-ые годы во Франции и Испании, распространились и на Германию, в особенности после покушений на тогдашнего германского императора Вильгельма I-го (в 1876 — 78 гг.).

Безважные товарищи сошлись в Швейцарии. Оттуда вновь пошла плодотворная пропаганда в Германию, и во все время действия так-называемого «закона против социалистов» (1878—1890) здесь широко развивалась нелегальная подпольная деятельность. Из числа наиболее известных деятелей этого периода назовем: Эм. Вернер, Эйзенгауэр и Авг. Рейнсдорф. Литературы было, однако, чрезвычайно мало: имелась «Бог и Государство» Бакунина, некоторые брошюры Кропоткина и кое-что Моста и Пейкерта. Группы существовали в Берлине, Гамбурге, Ганновере, Галле, Магдебурге, а также в нескольких городах Саксонии и южной Германии.

Проявилось движение во вне лишь после отмены закона против социалистов, когда оппозиция в среде социал-демократии образовала особую группу «независимцев», создавших (в 1891 г.) свой собственный орган под названием «Социалист». Под редакцией Густава Ландауэра направление этого журнала (как и направление всей организации) стало принимать в последующие годы все более выраженный анархический характер.

К этому же времени относится появление, в более отчетливой форме, различных течений анархистской мысли.

В 1891 г. Джон Генри Макай, и поныне живущий в Берлине, выпускает издание книги Штирнера «Единственный и его достояние» и печатает еще ряд произведений в индивиду-

листическом духе. Направление это имеет и другого выдающегося представителя Б. Лакман, и продолжает доселе существовать и разрабатывать свои идеи в свободных группировках, хотя мало проявляет себя во вне, в сфере широкой гласности.

Значительную роль играли и продолжают играть анархисты-коммунисты, обладающие, начиная с 1904 года, собственным органом печати и объединившие свои, — окрашенные между собой и связанные определенным, в основных чертах, мировоззрением, — группы в Федерацию Германских Анархистов-Коммунистов.

Новое оживление в нашем движении намечается лишь после войны, начиная с 1919 года.

Как третье значительное течение имеются анархо-синдикалисты, которые начали и продолжают ныне развивать свою деятельность больше в социально-экономическом направлении, подобно профессиональным объединениям.

В течение последовавших за войной лет, организация анархистов-коммунистов и анархо-синдикалистов сделала чрезвычайно много в

отношении издания анархистской литературы: вышли, за немногими исключениями, почти все труды Кропоткина, Бакунина, Ландауэра; издана также значительная часть сочинений Прудона, а также других, менее известных авторов; наконец, вышло свыше 50 брошюр, написанных нашими современниками, как Рамюс, Рожер, Мюзам, и др.

Рядом с перечисленными объединениями, имеются и другие, менее значительные группировки, а также отдельные свободные группы анархистов, с более или менее определенными устремлениями, развивающие более или менее деятельную пропаганду (различные группы анархич. молодежи и пр.). О них — в другой раз.

Из сказанного достаточно видно, что анархическое движение в Германии еще крайне молодо. Время для интенсивного распространения анархистских идей в Германии лишь теперь наступает, когда, благодаря государственному хаосу и правительственным кризисам, сознание немецких рабочих проясняется для восприятия идеи свободы.

Р. Боргман.

Ф Р А Н Ц И Я

Мы привыкли смотреть на Францию, как на центр мира, и ожидать от нее вообще, — а в нынешнее время, в этот период физического и духовного кризиса в особенности, — тех решений, которых мы жадно ищем... Так уж принято глядеть в сторону Франции и ожидать от нее «нового слова», слова освобождающего. Ибо Франция совершила Великую Революцию. А для нашего анархистского дела она сделала особенно много в смысле развития наших идей. Именно там собралась «могучая фаланга» людей, не останавливавшихся ни перед какими жертвами и самоотверженно продолживших для нашего движения путь, отмечая его собственной кровью. Именно там имел место в 1892-1893-1894 годах период так-называемого героического анархизма. Именно там анархистское движение было представлено многими выдающимися людьми, проявившими себя и в печати созданием таких органов, как «Les Temps Nouveaux», являвшиеся продолжением «Le Révolté» и «La Révolte», «Le Père Peinard», «Le Libéraire», «l'Anarchie». Они — эти люди и их дела — умели импонировать не только друзьям, но и недругам, и дать грандиозный толчок анархистскому движению и в других странах. Мы смотрим на Францию еще и потому, что ее революционная среда, — в период времени, предшествовавший объявлению войны, выдвинула такое замечательное явление, как движение революционного синдикализма, которое в 1902-1906 г.г., и вплоть до 1912-го года, шло

вперед всего европейского революционного движения.

По всем этим причинам мы, анархисты, продолжаем смотреть на Францию в ожидании, что оттуда придет нечто, чего, в действительности, возможно и не будет, ибо прошли прекрасные дни героического анархизма во Франции, отошло в прошлое и интересное умственное революционное течение в анархизме. Ибо те люди, которые выделялись на этом поприще, относятся к предшествовавшему поколению. Нынешняя оппозиционная и революционная Франция представляет собою, — как с точки зрения духа, так и действия, — совершенно иную картину.

Проявляющийся повсюду кризис, с большой силой дающий себя чувствовать и в нашем лагере, разразился во Франции ярче, чем где бы то ни было. Этот кризис особенно бросается в глаза, если учесть, что во всей Европе Франция осталась единственной страной, где еще возможно делать что-либо для широкой поддержки и защиты нашего движения, которое почти всюду — в Италии, Испании, Болгарии, России и пр. — удушено фашизмом различного рода и толка, причем наши товарищи погибли тысячами. В самом деле, что осталось нынче от наиболее активных сил нашего движения во Франции, от славной группы «Les Temps nouveaux», например? С десятков людей, правда весьма интересных самих по себе, но живущих в раздоре друг с другом, а главное —

живущих в стороне от всего нашего движения. А от группы «Anarchies»? Ничего, или весьма мало... Лишь небольшая горсточка людей, группирующихся вокруг «Libertaire», неуклонно пытаются продолжать дело, начатое лет тридцать тому назад.

Можно насчитать еще кой-какие проявления, Арман'а с его «L'En dehors» — чисто личным изданием; небольшую группу товарищей в Марсели, издающих журнал «Terre Libre»; нескольких товарищей в Лионе, выпускающих «Vagabonds»; затем еще несколько журналов и газет, имеющих значение лишь местных. Есть еще кое-какие небольшие листки, имя которых в данный момент припомнить не могу... Вот и все, чем исчерпывается деятельность нашего движения во Франции, если можно назвать «деятельностью» полное отсутствие инициативы, направленной на то, чтобы поставить на очередь работу над живыми вопросами анархизма и воспитывать анархистов в ответственном духе.

Подобный же, если не еще более глубокий, кризис наблюдается и в других партиях и группах, от коммунистов до синдикалистов. К слову, как обстоит дело с французским синдикалистским движением? Франция, бывшая некогда колыбелью рев. синдикализма, создавшая подлинную и сильно развитую жизнь этого движения, впоследствии оказалась страной, где ему были нанесены и самые губительные удары. На конгрессе, состоявшемся в Бурже 12-16 ноября с. г., проявилось воочию, что с ним сталося. До сих пор взоры и надежды революционеров-синдикалистов всех стран были обращены в сторону Франции, и ради нее на международном синдикалистском конгрессе, состоявшемся 25 декабря 1922 года в Берлине, были сделаны многие уступки: вино революции было разбавлено изрядным количеством воды, и произошло отчуждение от широких и сильных анархо-синдикалистских революционных организаций Аргентины и вообще Южной Америки ради... сближения с французским движением. Французский же синдикализм проявился ныне на Буржском конгрессе в довольно печальном виде, выказав политиканство и самые низменные интересы со стороны всех тех, кто, несмотря на революционное свое прошлое, стремятся теперь повернуть все рабочее движение Франции под ножи коммунистической партии. Как ни больно во всем этом сознаться, но истина требует, чтобы оно было сказано.

На конгрессе в Бурже было прочитано послание от Красного Профинтерна, в котором анализались следующие слова, направленные против революционных синдикалистов: «Вместо того, чтобы бороться единым фронтом против великолепно организованной буржуазии, вместо того, чтобы оказать действительную под-

держку немецкому пролетариату, — многие усилия были потрачены на то, чтобы обескуражить и деморализовать французские рабочие массы путем бесконечных дискуссий и придинок по поводу Амьенской хартии и § 11 устава Красного Профинтерна, путем обширных статей и речей об опасности, представляемой синдикальными комиссиями Компартии, а также неустанного повторения рассуждений на тему об «автономии и независимости». — По прочтении послания, делегат Лартинг заявил: «Из первой части заслушанного нами сообщения явствует, что настоящий конгресс — не синдикалистский больше; ясно, что синдикализма больше нет, что нет более революционных сил, и что таковая присуща одной лишь Компартии... Синдикализм отныне более не существует: есть одна только Компартия...»

И в самом деле, принятые конгрессом резолюции доказали, что синдикализма, как он понимался до войны, больше во Франции нет, что там существуют теперь одни только профессиональные секции компартии.

Возвращаясь к вопросу об анархистском движении и о конгрессе, заметим, что приблизительно за месяц до Буржского, в Париже 9-10 октября состоялся международный анархистский конгресс, второй со времени окончания войны. Конгрессу этому предстояло, главным образом, высказаться по вопросу о роли анархистов в Революции (тема эта, как известно, вызвала некоторые разногласия среди наших товарищей на предыдущей конференции в Сент-Имье). Проследить всю историю подготовки конгресса нынешнего года и перечислить все, принимавшееся при этом в соображение, данные было бы слишком долго и завело бы нас чересчур далеко. Достаточно сказать, что заботы по организации этого конгресса были возложены на долю Анархистского Союза Франции.

В качестве международного съезда октябрьский конгресс в Париже оказался более нежели неудачным. Из большинства стран, куда были посланы приглашения, не последовало даже ответа, — отчасти из-за неблагоприятного момента, выбранного для созыва съезда, отчасти из-за путаницы относительно точного срока созыва. В сущности, то был не столько международный конгресс, сколько краткий обмен мнений между несколькими собравшимися товарищами, закончившийся избранием Интернационального Бюро для сношений и... тем, что рассмотрение подлежавших дискуссии вопросов было отложено до следующего конгресса. Но предоставим лучше слово самому Бюро, которое только-что обратилось ко всем товарищам со следующим циркулярным письмом: «Дорогие товарищи, после многих затруднений, несмотря на придирки всякого рода и даже арест наших товарищей Бюркльунда

(Швеция), Мануса (Норвегия) и Бертони (Швейцария). Интернациональный Анархистский конгресс состоялся 9 и 10 октября с. г. Отметим тотчас, что число с'ехавшихся делегатов было, увы! весьма невелико. Анархистский Союз Голландии был представлен двумя делегатами, Международное Антимилитаристское Бюро — одним. Анархистский Союз Италии прислал двух делегатов. Китай прислал одного делегата. Из Швейцарии прибыли в персональном порядке два товарища. Анархистский Союз Франции был представлен двумя делегатами и несколькими товарищами, прибывшими в персональном порядке.

Начиная с первого же заседания, присутствовавшие товарищи занялись рассмотрением вопроса о международных связях и о необходимости учредить «Международный Анархистский Союз» и Международное Бюро или Секретариат.

Все делегаты сошлись на том, чтобы немедленно создать Бюро для Корреспонденции, которое служило бы связью между всеми анархистскими организациями мира. В виду того, что при нынешнем положении вещей Голландия, Швейцария и Италия не могут взять на себя заботы по созданию подобного Бюро, тов. Госсар (Париж) согласился вплоть до созыва следующего конгресса исполнять обязанности секретаря.

Что касается средств, необходимых для функционирования Бюро, то решено было обратиться к каждой из примыкающих организаций с запросом о том, в каких размерах она может делать взносы для покрытия издержек по канцелярии, рассылке циркуляров, корреспонденции и пр.

Голландцы обязались внести сто гульденов, французы — двести франков, и итальянцы — двести лир.

В виду того, что на с'езде присутствовало мало делегатов и что, поэтому, работа его осо-

бенных результатов дать не могла, решено было поручить секретариату заняться, в первую очередь, оповещением организаций в разных странах и подготовкой к созыву следующего интернационального с'езда, имеющего собраться как можно скорее. Кроме того, в случае согласия со стороны представителей анархических объединений в разных странах, секретариату предполагается поручить издание «Международного Бюллетеня», выходящего по французски.

Мы надеемся, что организации различных стран отзовутся и сообщат нам, согласны ли они принять внесенные предложения.

В ожидании ответа и возможных указаний с Вашей стороны, посылаем Вам, дорогие товарищи, наш товарищеский привет.

Секретарь Интернационального Бюро
Госсар

Просим не отказать присылать нам издаваемые Вами журналы в одном или двух экземплярах».

В тот момент, когда мы заканчиваем настоящую статью, произошло событие, привлекающее внимание к анархистскому движению самых широких кругов. Мы говорим о самоубийстве юного Филиппа Додэ, сына известного вожака французских реакционеров, Леона Додэ. По своей обстановке, самоубийство это явилось значительным общественным событием. За 2 дня до смерти Ф. Додэ открыто признал себя анархистом.

Подробно обо всем этом событии мы расскажем в следующей корреспонденции.

Отметим, что, в связи с этим и некоторыми другими событиями, — главным образом, в связи с начинающимся на днях процессом анархистки Germain Berton, застрелившей недавно одного из соратников Леона Додэ, — «Le Liberaire» стал теперь же выходить ежедневно.

Г. Т.

ИСПАНИЯ

Военной диктатуре не удалось окончательно душить революционную пропаганду. Несмотря на все препятствия, чинимые цензурой, наша пресса продолжает выходить. «Солидариде Обрера» («Солидарность Рабочих»), ежедневный орган Конфедерации Труда, вновь выходит в Барселоне. Почти во всех испанских провинциях появляются в свет пропагандистские газеты. Тяжелее всего военная диктатура дает себя чувствовать в судебных делах, возбуждаемых против наших товарищей по обвинению в политических преступлениях. Во всех судах Испании в настоящее время разбираются процессы синдикалистов и анархистов, и выносятся приговоры, лишавшие лучших бойцов ре-

волюции свободы на много лет. Но вытравить в стране корни нашего движения не представляется возможным: оно перешло в кровь и плоть рабочих масс, и как только настанет затишье в преследованиях, оно вновь мощно проявится. Можно надеяться, что диктатура Примо-де-Ривера не окажется очень длительной. Впрочем, достойные времен Инквизиции преследования анархистов имели место в Испании и при правительствах, менее реакционных, нежели нынешнее, и поэтому положение существенно не изменится оттого, что падет нынешний диктатор и на его месте окажется якобы демократическое или либеральное правительство.

Д. С.

ИТАЛИЯ

Общее положение и анархисты.

В течение последних недель официальная, фашистская Италия непрерывно предавалась торжествам: праздновалась годовщина «славной фашистской революции» и следовавшего за нею «взятия Рима», или, говоря проще, захвата власти фашистами в октябре 1922 г. Фашистские вожаки и рядовые пировали; банкеты сменялись банкетами, обеды следовали за обедами, а за торжественными речами следовали... насилию по отношению к тем, кто не был расположен принимать участие в официальной радости.

Прошел уже целый год с тех пор, как фашисты «убедили» короля поручить Муссолини возложить на себя бремя власти и образовать новый, чисто фашистский кабинет.

Прошел год с того момента, когда фашистское правительство сделалось официальным итальянским правительством (неофициально фашисты уже за два года до того стали у кормила правления). В произнесенных по случаю этой годовщины речах, они открыто похвалились, что с корнем и навсегда вырвали всякую возможность революции в Италии. И в самом деле, фашизм не останавливался ни перед какими средствами в борьбе с оппозицией и революцией. Он прибегал к самым крайним мерам, лишь бы достигнуть цели.

И тем не менее, уже теперь, когда опыненные успехом фашисты издают воинственные и победные клики, можно заметить, если взглянуть пристально, как оппозиция принимается вновь концентрировать свои силы, между тем как основы фашизма начинают колебаться. Конечно, оппозиция вообще, — и анархисты в частности, — отнюдь не воображают, будто фашизм может быть сметен без ожесточенной борьбы, или что он может пасть сам по себе, без участия широких масс. Революционеры готовятся к борьбе. В данный момент они возлагают свои надежды, главным образом, на стойкую, неустанную, систематическую пропаганду, которая несомненно должна будет дать результаты в довольно уже близком будущем.

То обстоятельство, что фашизм вступил уже на путь упадка, и что он должен изменить свою тактику, отказавшись, прежде всего, от насилия, если не желает быстро погибнуть, — это обстоятельство понято и учтено уже многими из вожakov его, — в том числе и самим Муссолини. Но с низами фашизма рассуждать не приходится; а эти низы не

очень-то воспринимают новую тактику верхов.

Один из первых сподвижников фашизма, Массимо Рокка, близкий друг Муссолини и бывший анархист (во времена своего анархизма он именовался, впрочем, Либеро Танкреди), подводя итоги, в материальном и «духовном» отношении, первому году фашистской власти, пишет в фашистском органе «Коррьере Италия» следующие строки: «Если подводить духовный итог истекшему году, то его нельзя определить, не только как период усовершенствования, но даже закрепления завоеваний. С точки зрения партии фашистов, это был скорее период свертывания, когда продлевался в обратном направлении пройденный путь. Вместо широких горизонтов, к которым, казалось, стремился фашизм до того, как он достиг власти, учитывая все обширнейшие возможности и достижения, — партия ныне ограничивает свой кругозор узкими задачами местного интереса, частными вопросами, хуже того — мелким тщеславием и фанфаронством. Подобно капитану перегруженного судна, не имеющего сил призвать к берегу, наша партия жила за счет своего прошлого, не двигаясь вперед и не развивая своих завоеваний — по крайней мере, в отношении духовном. И теперь еще продолжается то же самое: вместо того, чтобы найти в деятельности нашей партии опору и поддержку, чтобы черпать в ней источник новых сил, правительство словно тащит ее на буксире, и она является для него тягчайшим бременем». Подобного рода неутожительные соображения (а подчас можно найти в печати и еще более горькие выводы) высказывают на протяжении двух столбов убористой печати Массимо Рокка, один из зачинателей фашизма. С нас хватит приведенных строк, чтобы дать себе отчет в том, насколько «блестящи» по существу итоги фашистского движения за первый год его признанного торжества и диктатуры в Италии. С нас достаточно этого, чтобы знать, что «духовные» вожди фашизма, достигнув намеченной цели, стараются отмежеваться от неудобных им последователей, продолжающих применять средства, которые ими же некогда рекомендовались, но нынче стали несвоевременными, — больше того, которые могут теперь, пожалуй, испортить празднества, банкеты и впечатление от них.

«Что хорошо стоит, — не движется», гласит старинная итальянская поговорка. Фашистские вожаки чувствуют себя превосходно и желают теперь лишь одного: чтобы нынешнее положе-

ние продолжалось до окончания века. Муссолини, Массимо Рокка и прочие господа расположены нынче предать и созданный ими фашизм, лишь бы продолжать пользоваться благами жизни. Но с новым поворотом «тактики» как-будто не согласны рядовые фашисты, которые боятся «хорошего стояния» и, за неимением лучших средств, продолжают применять политику насилия, некогда предписанную вожаками, а нынче проводимую, быть-может, и вопреки их воле, в виде как законного, так и беззаконного террора.

За последнее время насилия по отношению к оппозиции, к революционерам и, в особенности, к нашим товарищам-анархистам, все усиливаются и разрастаются. Так, нам приходится отметить арест нашего дорогого и мужественного товарища Паоло Скикки и закрытие редактировавшегося им органа, почти единственной анархистской газеты, которой удавалось выходить до сих пор. Арест вызван некоторыми статьями Скикки, направленными против фашизма и против итальянского короля, и появившимися как в самой редактируемой Скикки газете «Иль Веспро Анархико» (в Палермо), так и в Нью-Йоркском еженедельнике «Иль Мартелло» («Молот»).

Сицилийские товарищи в следующих выражениях оповещают об этом аресте: «14-го октября в Коллезано, где живет наш товарищ Скикки, явился сильный наряд полицейских и, проникнув к нему в дом под предлогом производства обыска, обезоружил его и увел в Палермскую тюрьму. Властители буржуазного беспорядка воображают, что, устранив со своего пути Скикки, они рассеют все наши силы. Но по отношению к анархистам эти господа жестоко ошибаются. Ибо если снять с поста одного из наших товарищей, то ему на смену придет другой, другому — третий, четвертый и пятый... Мы никогда не покинем передовых постов и всегда будем представлять сторожевых. Ибо наша борьба — борьба за правду, за дело любви, за великую идею, которая ждет часа своего осуществления. Мешане воображают, что, взяв его в плен, они смогут вырвать у нашего товарища силу сопротивления пытками, достойным жестокостей Торквемады, что они смогут запугать его призраком смерти. Но никакие приговоры воров в судебных мантиях не смогут заста-

вить его отказаться от героической борьбы, и скамья подсудимых, на которую его усадили, превратилась в трибуну, откуда несутся его слова, зажигающие веру в сердцах равнодушных и возбуждающие восторг даже среди далеко стоящих. Кто не знает, что процесс против Скикки в Витербо внушил Марио Рапизарди *) его поэму «Лев»? Оставаясь на нашем боевом посту, сохраняя с прежним упорством прежнюю программу, мы уверены, что мы продолжаем завещанное им дело и тем самым посылаем наиболее желанный привет нашему доблестному бойцу, за судьбой которого мы будем неустанно следить, доколе он не будет нам возвращен. Товарищи, сомкните теснее ряды. Нынче право принадлежит силе». — И наши сицилийские товарищи принялись уже за дело, чтобы всеми доступными им средствами содействовать восстановлению закрытой пропаганды грубой полицейской силы газеты.

И в самом деле, нигде, кроме анархизма, нет столь глубоко укоренившегося духа сопротивления, выдержки и самопожертвования. Если падет жертвою один из анархистов, на место его кидаются десять других, чтобы заменить его и продолжать дело. Фашисты полагали, что при помощи грубого насилия им удастся навсегда вытеснить анархистскую печать и пропаганду из Италии. Но теперь они должны убедиться в том, что если арестовать хотя бы тысячу наших товарищей, то на месте их появятся новые тысячи, и что борьба будет продолжаться, столь же ожесточенная, все растущая по своим размерам. В одном Риме в настоящее время выходит три анархистских органа, а издание четвертого подготовляет наш заслуженный товарищ Энрико Малатеста, семидесятилетие со дня рождения которого ныне исполнилось. Малатеста и несколько других товарищей выпустили на этих днях призыв к сбору средств, необходимых для издания анархистского журнала «Пенсьеро э Волюнта» («Мысль и Воля»), который появится в свет в самом начале будущего 1924-го года. Этим дается хороший ответ на все фашистские преследования.

Г. Т.

*) Один из замечательнейших современных поэтов Италии, не пользующийся признанием из-за того, что принадлежит к числу анархистов.

Редакция „А. В.“ шлет т-щу Э. МАЛАТЕСТА, по случаю исполнившегося семидесятилетия со дня его рождения, горячий привет и желает ему и впредь бодрой, успешной работы в анархическом движении.

КИТАЙ

Китайские анархисты и интернациональный анархический конгресс.

С анархизмом в Китае ознакомились за последние 10 лет. До демократической революции все революционеры, бывшие против деспотизма монархии, жили за границей, где они изучили анархизм, и после своего возвращения в Китай, стали распространять его идеи среди соотечественников.

В 1907 г. наш т-щ Лиунинг, живший тогда во Франции, издал первую на китайском языке анархическую еженедельную газету — «Новое Время». Им также было издано несколько анархических брошюр. Не имея возможности посылать журнал и литературу в Китай, он должен был довольствоваться пропагандой среди студентов, учившихся в Европе. Газета «Новое Время» прекратила свое существование в 1910 г.

Одновременно с этим товарищи, жившие в Японии, основали в Токио союз для изучения анархизма. Ими издавалась газета «Равенство». К сожалению, имея в виду лишь политическую революцию, они откинули идею революции социальной, занялись чисто политической деятельностью и вскоре сошли на нет.

В 1912 г. тов. Сифо организовал клуб «Туй-Мин» в Кантоне. Этой первой анархической группой в Китае было издано немало литературы, которой сильно заинтересовалось студенчество и которая поэтому шла на расхват.

В том же году товарищами в Шанхае была основана Партия Социалистов-Анархистов и издана газета «Сознание». После выхода первых двух номеров, правительство закрыло клуб, партия была разгромлена, и члены ее высланы.

В 1913 г. группа «Туй-Мин» издала в Кантоне газету «Голос народа» на китайском языке и эсперанто. На втором номере газета была запрещена. Редакции пришлось неоднократно менять место издания. Все же, было выпущено 29 номеров, и только в ноябре 1916 г. газета была совсем прекращена.

В октябре того же года возникли анархические группы в Шанхае, в Шангсу-Ку, Нанкине, Кантоне. Начала выходить газета «Справедливый голос» в Рангсоне (Бурма), распространявшаяся среди китайских рабочих в Индо-Китае и Океании.

В марте 1915 г. умер т. Сифо. В его лице дело потеряло лучшего работника, но товарищи усиленно продолжали пропаганду идей анархизма.

В 1917 г. в Пекинском университете возник

кает группа «Правда», издающая газету «Свободная хроника». В Нанкине начинает выходить газета «Человечество».

В 1918 г. шанхайскими т-щами основывается клуб и издается ежемесячник «Рабочий». В Шен-Ши группа «Равенство» издает бюллетень «Равенство».

В 1919 г. т-щами различных местностей издается ежемесячный журнал «Эволюция». Но на 3-м номере он запрещается, и редактор т. Пеон арестовывается. Товарищами в английских и голландских колониях Малайского архипелага основывается группа «Истина», издается более 10.000 брошюр по анархизму. По приказу властей, т-щи арестовываются и депортируются из Сингапура, Суматры и Явы.

В 1920 г. в Шанг-Шоу издается еженедельная газета «Звезда Ту-Киена», организуются областные группы пропаганды, распространяются сотни тысяч прокламаций. Многие товарищи арестовываются и депортируются.

В 1921 г. кантонские т-щи издают газету «Голос Народа»; шанхайские — ежемесячник «Свобода»; пекинские — двухнедельный орган «Новая Жизнь». Последними были также изданы некоторые сочинения Кропоткина.

В настоящее время в Китае издается следующие анархические органы. В Пекине: «Социальное Движение» и «Народное Движение»; в Кантоне: «Народный Набат»; в Амое: «Час Народа»; в Шанхае: «Свобода» и «Человек»; в Че-Шуане: «Народ» и «Голос Человека»; в Ан-Шинге: «Народная Газета»; в Тиен-Цине: «Луч Звезды». Во Франции издается «Труд».

Основываются новые группы. Наше движение страдает от недостатка средств, но оно не прекращалось с тех пор, как идеи анархизма проникли в Китай.

До 1921 г. наше движение ограничивалось пропагандой. За последние годы мы приступили и к практической деятельности.

В 1921 г. в Шанхае состоялись атлетические празднества Дальнего Востока (своего рода Олимпийские игры). Этим мы воспользовались для пропаганды. Несколько товарищей проникли на праздник и при условном сигнале — выстреле из револьвера — развернули черное знамя и начали раздавать прокламации. За это 4 товарища были арестованы и приговорены к 10 годам тюрьмы. Из них двое умерли от ужасных тюремных условий.

В 1922 г. тов-щи Вонг и Понг, принимавшие горячее участие в рабочем движении в Хунане, были убиты правительством. Их смерть вызвала забастовку протеста.

День Национального праздника Китайской Республики 10 ноября того же года был объявлен днем антимилитаристской пропаганды. В Пекине состоялась демонстрация, в которой приняли участие более ста тысяч человек. Анархисты также участвовали в ней и распустили несколько сот тысяч листовок.

В предыдущих строках изложена история анархического движения в Китае.

Синдикализм у нас, пока, не имеет большого развития, ибо рабочие с ним мало знакомы. Все же, благодаря нашей пропаганде организовались многочисленные синдикаты в Шанхае, Кантоне, Ханькоу, Тьен-Цине. В них на штих т-щами непрерывно ведется пропаганда.

В последнее время мы, совместно с русскими и японскими т-щами, основали «Группу А.К. Дальнего Востока». В Пекине, Шанхае, Кантоне и др. городах имеются областные отделы. Эта организация стоит на выдержанной революционной точке зрения, и все ее члены — убежденные революционеры, считающие революцию очередной задачей.

Анархическое движение в Китае еще очень молодо. Однако, мировая война многим объяснила, что капитализм — причина милитаризма, и заставила заинтересоваться социализмом и анархизмом. В 1920 г. выхолили в Китае сотни социалистических и анархических газет и журналов. Русская революция имела громадное значение для Китая. Большеизм, конечно, нашел своих защитников среди марксистов; но с объявлением «непа» значение его сошло на нет, а анархическая пропаганда двинулась далеко вперед.

В Китае промышленность мало развита. Поэтому, рабочие не имеют сильных организаций. Социальная революция при посредстве генеральной забастовки, как ее представляют себе европейские и американские тов-щи, невозможна в нашей стране. К тому же, трудовые массы — темны, вследствие отсутствия образования; многие даже слов всех не понимают; им трудно понять наши идеи. Вот почему мы думаем, что единственно возможная форма социальной революции в Китае, это — вооруженное восстание и занятие местностей революционными повстанческими отрядами.

В Китае со времени революции республика существует только по имени. Деспотизм по-прежнему свирепствует. Поэтому наша пропаганда не может быть вполне открытой. Ее результаты незначительны. Опыт десятилетней пропаганды показал нам, что наши идеи распространяются чрезвычайно медленно, и что надо подумать о более действительных революционных методах.

Пользуясь Интернациональным Конгрессом, мы, кроме нашего отчета, предлагаем вниманию товарищей следующие идеи:

1) Создание интернациональной организации.

Не имея интернациональной организации, анархизм в своей пропаганде прогрессирует очень медленно. Без такой организации, товарищи разных стран не могут иметь сношений между собой. Поэтому, мы предлагаем создать Интернациональную Анархическую Федерацию и организовать в ней, — как для облегчения сношений, так и для успешности пропаганды, — комитет действия, в который входили бы по два товарища от каждой страны. Члены Федерации должны обложить себя регулярными взносами, так как средства нужны для издания органа на эсперанто, французском и английском языках для информации товарищей во всех странах.

2) Внимательное отношение к синдикалистскому движению.

Синдикаты, это — ячейки будущего общества. Поэтому мы должны участвовать в синдикалистском движении, дабы помочь рабочему классу подготовиться к социальной революции.

3) Организация армии в период революции.

Многие из наших товарищей заняты только теорией анархизма и не интересуются самими методами революции. Это ошибка. Мы думаем, что социальная революция не произойдет одновременно во всем мире. Капиталистические государства нас атакуют, и мы не сможем защищаться только всеобщей стачкой, как это показал опыт русской революции. Поэтому в период революции нам необходима революционная армия для защиты революции.

4) Употребление эсперанто, как нашего общего языка.

Наши тов-щи рассеяны по всему миру; говоря на различных языках, они не смогут вполне объединиться. Чтобы одолеть это препятствие, мы должны употребить эсперанто. Издание журнала на эсперанто во многом поможет нашей пропаганде.

5) Создание комиссии для изучения революционных методов.

Мы владеем превосходной и верной идеей; но слишком мало разработаны у нас методы ее осуществления на практике. Кроме того, положение в разных странах различно, и методы должны меняться соответственно этому положению. В настоящее время нужна не столько, поэтому, пропаганда наших идей, сколько разработка революционных методов для реализации нашего идеала. Мы должны создать комиссию для изучения этих методов. Это — очень важная задача.

Анархо-коммунистическая федерация Китая.

ГОЛЛАНДИЯ

Анархистское движение в Голландии.

Социалистическое движение в Голландии в общем весьма значительно и пользуется большой свободой. По характеру своему голландский народ прежде всего демократичен, проникнут анти-милитаристским духом, и издавна известно, что он крепко привязан к своей свободе. Поэтому социалистическое движение в Голландии, нося характер движения народного, может действительно иметь значение и силу. Оно не переставало расти в ширину и глубину, пока не наступила полоса мировой реакции, заметно отразившейся также и на Голландии.

Наряду с различными социально-политическими партиями — в Голландии, как и в других странах, существуют разнообразные профессиональные объединения, также отличающиеся по своей политической окраске. Надобно отметить, что больше всего членов в социал-демократических профессиональных союзах: около 200.000, при общем количестве населения в 7 миллионов человек. В парламенте социал-демократам принадлежат 24 места из 100.

В обще-социалистическом движении анархическое течение занимает не первое место.

Возникло социалистическое движение в Голландии около 50 лет тому назад; Ф. Домела Ньюенгуйс был одним из пионеров его. Образовавшийся тогда Социалистический Союз включал в свои ряды социалистов различных оттенков. Но через некоторое время в Союзе произошел раскол — на почве разногласий и трений между сторонниками и противниками парламентаризма. Домела Ньюенгуйс, отстаивавший анти-парламентскую точку зрения, выступил вместе со своими сторонниками из Союза и, таким образом, очистил в нем место парламентаристам. Из этого Союза возникла впоследствии «Социал-Демократическая Рабочая Партия», предводительствуемая ныне П. Трельстра и ведущая официальную социалистическую политику. Рядом с нею мы видим так-называемую «Коммунистическую Партию» (именовавшуюся ранее «Социал-Демократическ. Партией» и отделившуюся в 1909 году от «Соц.-Дем. Рабочей Партии»). Эта «Коммунистическая Партия» также пользуется некоторым влиянием и ей принадлежит в парламенте 2 места. — О более мелких группировках мы здесь говорить не будем.

Наряду с этим более или менее официальным социализмом, существует также, как мы уже отметили, анархистское движение. О значении его можно составить себе представление, главным образом, по количеству, характеру и

положению выходящих газет, а также по некоторым фактам. Неоспорим, прежде всего, тот факт, что в общем анархистское движение в Голландии подстегивает и подталкивает социал-демократическую и прочие реформистские объединения. Само анархистское движение Голландии не представляет собою единого лица. В нем намечается, по меньшей мере, пять различных течений, которые едва ли возможно объединить хоть на одном принципиальном положении. При различных выступлениях, в разного рода деятельности — эти течения почти никогда не действуют все сообща.

Во-первых, имеется направление, во главе которого стоял, ныне покойный, Домела Ньюенгуйс, отстаивавший и пропагандировавший это направление в газете «Вольный Социалист». Газета стояла на противогосударственной и противорелигиозной точке зрения. Направление это решительно восстает против парламентаризма и против всякого рода диктатуры. Формы организации, принятые этим течением, выражались до недавнего времени в системе групповых объединений, и только за последние годы произошли некоторые изменения, в виде основания Социально-Анархистского Союза, пытающегося внести большую организованность в анархистское движение и большее единство в дело пропаганды. Газета «Вольный Социалист», выходящая дважды в неделю, находится нынче в руках Г. Рийндерса, ученика и последователя Д. Ньюенгуйса, способного публициста, писателя и оратора. Однако, молодой Социально-Анархистский Союз, объединяющий около двадцати групп, 4-го ноября с. г. высказал на С'езде пожелание, чтобы выходил орган, принадлежащий не одному лицу, а всему движению, и постановил выпускать с 1-го января 1924 г. (также дважды в неделю) орган под названием «Вольное Объединение». В редакцию новой газеты войдут: Альберт де-Йонг, Б. де-Лигт и Г. Касперс. Более или менее видными писателями и ораторами этого течения являются далее: Бийльстра, Дамме, Г. Эйкебоом, В. Эйкебоом, Шмергорн, В. Вольтерс.

Рядом с «Союзом» имеется так-называемая «Федерация Социал-Анархистов», также отрицающая парламентаризм, но допускающая в некоторых обстоятельствах диктатуру. Федерация эта издает ежемесячный журнал «Социал-Анархист», под редакцией М. де-Бур, И. Постма и С. Китер. Это объединение в различных случаях выступает и действует сообща с большевиками, что решительно отказывается делать «Союз».

Третье течение также стоит на точке зрения полного отрицания всякого парламентаризма и диктатуры; вместе с тем, оно резко отрицает также всякую партийную и профессиональную организацию. Это течение, сторонники которого (индивидуалисты) известны под названием «алармистов», приобретает все большее влияние, — несомненно, вследствие уклона синдикализма в сторону реформизма. Однако, эти противники организаций тоже объединены в группы, сообща издающие ежемесячник «Alarm» («Набат»), под редакцией молодого оратора и писателя А. Л. Констандсе.

Следует, далее, кратко упомянуть о «Союзе Религиозных Анархо-Коммунистов», которые, в противоположность трем отмеченным выше направлениям, не разделяют точки зрения атеизма. Этот союз выпускает раз в месяц журнал «Вольный Коммунист», под редакцией Людвиг ван-Мироп, Сторм и Кундерс. В качестве выдающихся членов этого течения назовем еще: И. Мейер и Боммелье.

Пятое течение составляет так-называемая «Социалистическая Партия», хотя и отрицающая всякого рода диктатуру, а также парламентаризм, но принимающая участие в муниципальных и даже политических выборах. Партия выпускает еженедельник «Право для Всех», под редакцией Г. Кольтека. Известный лидер синдикализма Б. Ланзинк (младший) также состоит членом этой партии.

Кроме указанных органов, выходит еще еженедельник «Работник», распространенный преимущественно среди сельского населения на севере страны и редактируемый Бийльстра и другими.

Анархической идеологией проникнуто также довольно сильное в Голландии движение молодежи: «Вольный Союз Молодежи», в котором организованы и работают многие и многие молодые товарищи. Союз издает еженедельный журнал «Вольная Молодежь», ведущий энергичную пропаганду среди подрастающего поколения.

Довольно сильные прежде женские организации почти совсем захирели под разлагающим влиянием большевиков.

Существует также движение в детской среде, имеющее целью поставить дело преподавания на рациональную основу. Примикающие сюда объединения, известные под названием «Школьного досуга», издают выходящий дважды в месяц журнал для детей: «Молодые Силы», под редакцией Г. Эйкебоом.

Анархистское движение в Голландии оказало и продолжает оказывать сильное влияние также и в других областях, как например: в деле развития антимиитаризма; в движении синдикализма и пр. Об этих сторонах движения мы надеемся поговорить в особой статье.

Амстердам, 13-го ноября 1923 г.

Генк Эйкебоом.

БОЛГАРИЯ

Положение в Болгарии.

Всем известен переворот 9 июня 1923 г., когда правительство Стамбулийского было свергнуто торгово-промышленной и финансовой буржуазией с помощью офицеров и так называемой «Македонской организации». Дальнейшие события развивались с неумолимой логической последовательностью. Необходимо, прежде всего, отметить, что «крестьянское» правительство Стамбулийского было ни чем иным, как правительством сельской буржуазии. Оно не имело никакого доверия народа и даже действовало в разрез с интересами городской буржуазии. Можно сказать, что это правительство преследовало свои собственные, личные интересы, покровительствуя землевладельцам, кулакам, членам «Земледельческого Союза», депутатам, министрам... Стамбулийский вел ожесточенную борьбу против промышленной и финансовой буржуазии. Он хотел ликвидировать обычную-буржуазную армию с ее офицерами и создать другую, составленную из преданных ему сторонников.

Буржуазия находила поэтому правитель-

ство Стамбулийского ненадежным в деле защиты ее институтов и привилегий. Она — ее пресса, ее люди — считала Стамбулийского последователем Ленина, обвиняла его в союзе с коммунистами и давно готовила его низвержение, ища элементы, которые могли бы ей помочь. Такими элементами, оказавшимися наиболее подходящими для удара, были офицеры и, в особенности, генералы наличной армии. Правительство Стамбулийского пало. Он сам был убит. Буржуазные партии захватили власть, сформировав так называемый «Демократический Блок».

С этого момента наступили для рабочего класса самые трудные часы. Свобода рабочей печати, в особенности, конечно, революционной, — была почти убита. Собрания рабочих запрещены. Во всей стране воцарилась диктатура нового правительства.

Такое положение вещей не могло, однако, продолжаться так долго, как предполагало правительство. Возмущение среди трудящихся растет теперь изо дня в день. Буржуазия сама

питает это возмущение, доводя реакцию и насилие до крайних пределов, из боязни за свое существование. Недавние сентябрьские события были ею же спровоцированы.

Восстания в сентябре 1923 г. представляют собою одну из самых героических страниц в истории рабочего движения Болгарии. Это не было простое возмущение — без идеалов, без цели. Взявшись за оружие, зная, что они борются за низвержение капитализма, за свободу, против налогов, против эксплуатации капитала и государства, крестьяне и рабочие без различия идей и политических расхождений, сформировали единый боевой фронт. Мы видим анархиста рядом с коммунистом и даже «дружбашом», борющихся с оружием в руках против общего врага.

Возможно, что если бы эта революция восторжествовала, — было бы сформировано диктаторское правительство по директивам Коминтерна. Но если бы народ знал, что он борется против одного правительства за утверждение другого, — он не шевельнул бы пальцем... Но наш народ доверчив, как ребенок. И он верил в то, что его победа уничтожит всякий гнет и эксплуатацию. Что было бы на самом деле в случае победы, — трудно сказать...

Революция не восторжествовала. Элементы, принимавшие в ней участие объясняют ее провал различно. Во всяком случае, одной из главных причин была изолированность повстанческих выступлений. Первые восстания произошли в Новой Загоре, Ст. Загоре и в окрестностях Казанлыка. Там было сильно анархическое влияние, и эти местности восстали в первую голову. Но в других местах коммунисты ожидали приказа центрального комитета, который уже был ликвидирован в центре. Да если бы он и существовал, — он не мог бы ничего сделать, в виду создавшегося сразу же осадного положения и пр. Для правительства настал наилучший момент, чтобы задушить

движение. В течение двух дней оно ликвидировало восстания в Новой и Ст. Загоре. После ликвидации движения в этой восточной части Болгарии, начались восстания в Болгарии южной. Правительственные войска были свободны, их быстро перебросили на юг, и восстание в этом районе было задушено в течение трех дней. После этого началось восстание на севере. Армии и фашистские банды, руки которых снова оказались развязанными, подавили в течение нескольких дней и это восстание. К 30-му сентября всякое движение во всей стране было ликвидировано.

Известно, что наступило потом. Как всегда и везде, реакция не заставила себя ждать. Начались погромы, разгромы и расстрелы. Буржуазная пресса глуха и нема во всем, что касалось жертв сентябрьского восстания. Она насчитывает не более 1000-1200 человек, павших в боях. Возможно, что эта цифра близка к истине. Мы тоже считаем около 1000 убитых в боях. Но печать ничего не говорит о том, что происходило после битв. Она ничего не говорит о расстрелянных, повешенных, просто убитых... Сколько их? Мы считали, что их по меньшей мере 12.000 — 15.000. Наша буржуазия особенно свирепая и жестокая. Она не щадила даже детей и стариков. Многие болгарские деревни на севере были совершенно разрушены артиллерийским огнем.

Ныне по всей стране свирепствует самая разнузданная реакция. Клубы закрыты. Рабочие и революционные организации и собрания запрещены. Революционная пресса не существует. Выходят время от времени подпольные листки, как анархо-коммунистический «Протест». Тюрьмы переполнены заключенными...

Однако, есть признаки, что реакция не сможет быть длительной. Как мы уже упомянули, возмущение растет.

Ал. П.

ПОРТУГАЛИЯ

Анархическое движение

В настоящее время Португалия является центром оживленной анархической пропаганды. Всеобщая Конфедерация Труда там находится всецело под влиянием анархистов-синдикалистов, и посылаемые из Москвы рубли сыплются дождем для того, чтобы посеять разлад и смещение внутри рабочего организма, широко раскинувшегося по всей Португалии и располагающего значительными силами.

Наряду с анархо-синдикалистским движением, в Португалии существует и чисто анархистское течение, выразителем которого является газета «Коммуна», выходящая в

Опорто, — орган борьбы и пропаганды. Кроме того, существуют различные группы, издающие анархистские книги и листки. Существует также «Португальский Анархический Союз», к которому принадлежат почти все анархистские группы страны. Идеальная позиция наших португальских товарищей весьма ясна и определена, и они не поддаются никаким чуждым влияниям, которые, со времени русской революции, заставили уклониться от прямого пути многих товарищей в других странах. В Португалии нет и представителей других течений.

— В первых числах декабря скончался в одной из больниц Лиссабона впавший в крайнюю нужду старый анархист, ведший в свое время активную пропаганду во Франции и в

Португалии, по профессии превосходный декоратор. Мы говорим о тов. Авила, сопровождавшем в 1886 г. Элизе Реклю, когда тот читал лекции в различных городах Португалии.

С.

СОЕД. ШТАТЫ

Рабочее, социалистическое и анархическое движение.

Нынешнее положение рабочего, социалистического и анархического движения в Сев.-Ам. Соед. Штатах заслуживает, несомненно, основательного и подробного доклада. В ближайшем будущем мы надеемся дать таковой. Пока, в виде предисловия, остановимся на некоторых общих чертах движения.

Социалистическое течение в Соед. Штатах — чрезвычайно слабо. — Социал-демократия не пользуется в массах почти никаким влиянием и в настоящее время не имеет здесь даже приличного печатного органа. Правда, она пытается подчинить своему идейному воздействию ряды «Америк. Федерации Труда». Но последняя, руководимая известным Гомперсом, идет своим особым путем и мало прислушивается к какой бы то ни было идеологии. К тому же, за последнее время, — как мы увидим, — ее влияние тоже сильно упало. — Что касается «Коммунистического» (большевистского) направления, то т.-н. «Рабочая Партия» — этот последний оплот московского Коминтерна в Соед. Штатах — считает, в настоящее время, в своих рядах всего около 20.000 членов (из них всего около 1.500 говорящих по-английски; остальные — иноязычные). Таким образом, число членов этой партии уменьшилось, по сравнению с 1919 годом, больше чем наполовину.

Анархическое движение, как таковое, — также неслыхно. Имеются, разнпле-

менные идейные группы и их федерации. Но их деятельность и влияние ограничиваются весьма узкими пределами и не имеют почти никакого отклика в основной массе трудового населения.

Наибольшее значение и интерес, — в особенности для нас, анархистов, — представляет здесь чисто-классовое рабочее движение революционного типа. Я говорю о деятельности организации I. W. W. (Индустриальных Рабочих Мира). Будучи жестоко разгромлена «архи-демократическим» правительством Соед. Штатов после вступления их в войну, эта организация теперь ожила и выросла. Она объединяет значительное число организованных рабочих и развертывает весьма энергичную пропагандистскую и организационную работу. Хотя идеологический состав ее не вполне однороден, но основное ядро и основные позиции настолько здоровы, настолько анархичны в своем существе, что организация эта без особого труда справится с различными уклонами. О ней, главным образом, мы и дадим нашу следующую заметку.

Что же касается реформистской «Американской Федерации Труда», то она все больше вырождается в организацию привилегированных верхов рабочего класса и теряет значение. В 1920 г. число ее членов доходило до 4-х миллионов. Нынче оно едва доходит до 3-х. Потеря за три года — свыше миллиона членов.

Р.

МЕКСИКА

В Мексике, как впрочем в большинстве стран, где разговорным языком является испанский, анархическое движение сосредоточено, главным образом, в рабочих организациях. В Мексике существуют, однако, и анархические группы, как например группа «Человечность», которые развивают весьма ценную пропагандистскую деятельность, направленную к распространению революционных идей путем издания книг, листов и газет. Всеобщая Конфедерация Труда недавно осуществила в столице серьезное движение сочувствия забастовщикам, что много способствовало широкому распространению анархических идей.

15-20 декабря здесь состоится рабочий конгресс, который вероятно будет иметь большое значение для дальнейшего развития революционной борьбы.

Обстоятельства последних, только-что вспыхнувших в Мексике, революционных событий точно еще не выяснены. Но из имеющихся сведений следует, что, — пока, — события эти являются лишь мало интересными раздорами, в значительной степени инспирируемыми правительством Сев.-Ам. Соед. Штатов, которое заинтересовано в подобном рода «смутах» — в целях вмешательства и овладения этой страной громадных естественных богатств.

Р.

АРГЕНТИНА

Рост анархической пропаганды.

За последние месяцы здесь не произошло особо значительных событий, если не считать того, что имело место в Вилла Ласа на собраниях «коммунистов» и «чистых синдикалистов», где речь шла о лишении работы нескольких товарищей, совершивших «дерзкое преступление»: открыто критиковавших властнические идеи, и где дело закончилось убийством некоторых подкупленных агентов Москвы. «Коммунистическая» пресса, конечно, с жаром подхватила это происшествие и стала вопить по поводу «бандитского анархизма». Этим дело не ограничилось, и вожаки коммунизма и чистого синдикализма в Аргентине прибегли к помощи полиции для того, чтобы преследовать наших товарищей и, таким образом, дать повод капиталистам к увольнению их.

В некоторых областях Аргентины имело место серьезное забастовочное движение.

Подобные периоды относительного спокойствия весьма подходящи для того, чтобы в течение их усиливать мирную пропаганду наших идей. Издательская деятельность «Ля-Протеста» непрерывно расширяется. Еженедельное приложение к нашей газете, в котором сотрудничают лучшие литературные силы международного анархизма, читается не только в рабочей среде, но также и в интеллигентских кругах. Вообще, с известной точки зрения аргентинский анархизм идет во главе международного движения. Споры, поглощающие немало сил в анархистской среде Европы, уже много лет тому назад нашли свое разрешение в Аргентине, и наши товарищи в разных странах хорошо бы сделали, если бы обратили серьезное внимание на те результаты, к которым пришли по поводу их, — как в теории так и на практике, — анархисты в Аргентине. Наши издательские группы неустан-

но печатают и выпускают в свет лучшие произведения, выходящие в области наших идей в различных странах, и издают на-ново классические сокровища анархистской литературы. Арг.

ЯПОНИЯ

Правительство Японии использовало недавнюю ужасную катастрофу — землетрясение — в том смысле, что водворило в стране жесточайшую диктатуру и твердо стало на путь фашизма.

Разумеется, тотчас начались преследования революционеров и, в частности, анархистов.

Из воззваний и описаний японских товарищей видно, что эти преследования сопровождаются невероятными, даже для наших времен, зверствами. Весь мир облетела история убийства в полицейском застенке выдающегося анархиста Осуги, его жены и 7-милетнего племянника. Это убийство — далеко не исключение...

Лишь одно утешительно в создавшемся ныне положении: зверь свирепствует, — значит, он не чувствует себя в безопасности; значит, он боится... Значит, — есть чего бояться...

Движение не может быть убито. Оно скоро развернется с новой силой.

А. В.

ЧИЛИ

В первых числах октября в Иквикве началось стачечное движение, принявшее кровавый оборот и закончившееся нападением на помещение рабочих союзов и разгромом анархистского еженедельного органа «Эль Сембрадор». Против 33 товарищей возбуждено судебное дело по обвинению в террористических действиях. Во время рукопашных схваток с полиции многие из наших товарищей ранены. После перерыва в несколько недель «Эль Сембрадор» вновь начал выходить.

РАЗНОЕ

Резолюция немецких безработных.

В немецкой революционной прессе напечатана следующая резолюция:

«Безработные революционные рабочие г. Берлина протестуют против образа действий русского правительства, готовящего для немецких безработных рождественский подарок в виде поддержки всякого рода жизненными припасами. Мы видим в этом лишь красивый жест, так как эта поддержка отнимается путем налогов, от русского народа, который сам голодает. Мы

знаем также, что тысячи преданнейших революционеров в России томятся и голодают в тюрьмах. Участь этих пленных революционеров тяжелее, чем участь немецких безработных. Мы, революционные безработные, отказываемся от рождественской поддержки русского правительства. До тех пор, пока борцы за революцию томятся в крайней нужде по тюрьмам, — для нас может быть лишь один рождественский подарок: освобождение пленных революционеров.

Революционные безработные Берлина».

К ТОВАРИЩАМ-АНАРХИСТАМ И СОЧУВСТВУЮЩИМ

Группой Русских Анархистов в Германии и Союзом Объединенных Анархистов Сев. Америки были затрачены исключительные усилия на то, чтобы поставить «Анархический Вестник» на должную высоту, обеспечить его дальнейшее развитие и сделать его необходимым, ценным для наших и примыкающих к нам кругов органов.

Мы считаем, что намеченная нами задача, если еще и не осуществлена в полном объеме, то находится на пути к своему осуществлению. Об этом же говорят многочисленные сочувственные письма и отзывы, получаемые нами из разных стран от товарищей, ознакомившихся с первыми вышедшими номерами журнала.

Таким образом, все, что зависело от нас, было сделано. Однако, с самого начала дела мы предупреждали товарищей о том, что одних наших усилий для полного разрешения намеченных задач будет недостаточно. Мы указывали на необходимость энергичной, серьезной и спешной поддержки — идейной и, главным образом, материальной.

До сих пор такая поддержка не была оказана в необходимой мере. Поэтому не только некоторые важнейшие задачи до сих пор не могут быть разрешены, но и положение самого журнала становится все более затруднительным.

Только немедленная активная и серьезная поддержка может позволить нам идти дальше.

Дальнейшая судьба журнала находится в руках всех тех товарищей, которые, будучи серьезно заинтересованы в его существовании и развитии, поспешат помочь ему, хотя бы скромными взносами; ибо из многих небольших сумм составятся достаточные для дела средства.

С товарищеским приветом

Группа Русских Анархистов
в Германии.

Заявление.

В № 47 «Волны», в статье «Кто виноват» т. А. Горелик заявляет, что он, «будучи еще членом «Группы русских анархистов в Германии», резко протестовал против обвинения Роцина и Сандомирского в неблаговидных поступках».

В виду того, что утверждение т. А. Горелика не соответствует действительности, а также в виду того, что у неосведомленных товарищей может создаться впечатление, будто на этой почве Горелик и вышел из «Группы русских анархистов в Германии», мы считаем необходимым заявить следующее:

1. Все время пребывания в нашей группе А. Горелик ни разу не высказывал протеста против печатавшихся по делу Роцина и Сандомирского документов.

Наоборот, первое же — личное — выступление против Сандомирского подписано и А. Гореликом (см. южн.-америк. «Голос Труда» № 123).

2. А. Горелик вышел из «Группы русских анархистов в Германии» не в связи с делом Роцина-Сандомирского и не по личной инициативе, а по предложению секретаря Группы, сделанному Горелику, главным образом, в виду его поступка — печатно нападать на товарищей, прячась при этом за аноним.

С 3-го ноября 1922 г. А. Горелик, как это установлено протоколом Группы от 13-го ноября 1922 г., членом «Группы русских анархистов» более не состоит.

По поручению «Группы русских анархистов в Германии»:

Владимир. Волин. Исаков.

Извещение.

Нас просят довести до сведения товарищей, что немецкая анархистская издательская группа «Verlag der Zwölf» издала в значительном количестве экземпляров № 2 художественно-литературного листка «Hunger» («Голод»).

Доход от продажи листка поступит целиком в пользу голодающих безработных Германии. Всех товарищей, владеющих немецким языком, просят помочь распространению листка.

С заказами обращаться по адресу:

Theodor Plievier

„Verlag der Zwölf“ Rigaerstrasse, 86. Berlin O.

К сведению товарищей.

Приступая к изданию II-го тома «Анархического Альманаха», Издательская Комиссия при Рабочем Союзе «Самообразование» обращается к товарищам-анархистам с просьбой прислать ей необходимые для этой цели материалы, касающиеся анархического движения в России за 1907—1917 гг.

Нужны, главным образом, следующие материалы:

1) некрологи и фотографические карточки убитых, казненных и осужденных на каторгу товарищей;

2) воспоминания о них (об их работе в группах, среди рабочих и т. д.);

3) хроника движения, истории групп, очерки и заметки; листовки, прокламации, воззвания, письма и вообще всякие документы, касающиеся анархизма в России.

Р. С. Материалы можно присылать на русском или еврейском языке по следующему адресу:

«Americanskyye Izvestiya»

274 E. 10 th st., New York City. U. S. A.
(для «Альманаха»).

С товарищеским приветом
Издательская Комиссия.

ОТЧЕТ по изданию № 3-4 „А. В.“
(от 19 авг. по 19 окт. 1923 г.)

ПРИХОД

Остаток кассы на 19 августа 1923 года					
От С. О. А. С. А. и С. Р. Т. за прод. №№ „А. В.“ и пр.					
„ Гр. лат. ан. в Нью-Йорке					
„ „Амер. Изв.“ за прод. № 1 „А. В.“					
„ эксп. бюро за прод. №№ „А. В.“					
Займообразно от „Гр. Р. А.“	120				
„ „Вл. „					
„ через Б. (Ф. Н.)					
„ из Ф. М.					
„ от Н.		50	1,000		
„ из Ф. З.					
„ от К.					
Через П. Ис. от Ф. (Арг.)		4			
От М. Коган за №№ „А. В.“					
„ Алине через Ф. Рыск. (Швейц.) для журн.	5				500,000,—
„ Раш. (Болг.) для журн.					
„ Петк. () за прод. №№ 1 и 2 „А. В.“				100	
„ Михайлова ()				50	
„ Ян. (Герм.) для журнала „				1,200	
„ В. Карап. (Герм.) за №№ 1 и 2 „А. В.“				20	
„ Ф. Рыск. (Швейц.) для журн.				100	
„ А. Рапопорт (Герм.) за „А. В.“					100,000,—
„ Р. Суварин () для журн.					20 300,000,—
„ А. Атан. () за №№ „А. В.“					10,000,—
„ П. Лоз. (через Влад.) для журн.					500,000,—
„ А. Шапиро за „А. В.“				100	
„ А. Розенберг (Герм.) для журн.		3			5,057,000,—
„ Д. Сантьян для журн.		1			
„ Р. Каран. (Болг.) за №№ 1 и 2 „А. В.“				150	
„ Н. Поп. (Герм.) за „А. В.“				50	

Итого приход

Швейц. франки	Аргент. пезы	Итал. лиры	Болг. левы	Доллары	Немецкие марки
125	53	1,000	1,870	452 50	36,481,014,—
120	43	800	80	134 50	—
—	—	100	1,510	86 50	—
5	15	100	120 15	216 50	36 481,014,—
125	58	1,000	1,870	452 50	36,481,014,—
—	—	—	—	—	—

Итого расход

Остаток кассы

ОТЧЕТ Группы Рус. Анарх. в Германии
за полугодие апрель—сентябрь 1923 г.

ПРИХОД

Остаток кассы на 1 апр. 1923	
От Р. Суварин (на перевод „Ист. махн. дв.“)	
„ Ф. Рыск. (Швейц.) для Группы	
„ т. Юд. возврат долга	
„ „Воли Украины“ на почт. расходы	
„ Раш. (Болг.) для Группы	
„ А. Розенберг на почт. расходы	
„ В. Яворского (Арг.) за прод. литературу	
Через П. Исакова из Аргент. за прод. лит.	
„ „Раб. Изд. Группы“ в Арг. для Группы	
Через П. Исакова займообразно от Федер. (Арг.)	
От Иниц. Комитета „У. А.“ (Франц) на переводы	100
„ Д. Сантьян на переводы и для Группы	
„ С. Волковского через П. Ис. для Группы	
Займообр. из журнального фонда на необх. расх.	

Итого прихода

РАСХОД

Технические расходы (пасп.; пак. матер. и пр.)	
На отъезд товарищам В и М.	
Помощь товарищам (займообразно)	
„ Е. П. — скому	
„ Г. — ву	
„ Рыж. — ву	
„ И. Ю. — ну	
„ Мане Л.	
„ Ф. Ямп. — ской	
„ М. Бор. — ву	
„ М. М. — ому	
В счет перевод. на немец. яз. („Гоним.“ „Ист. м. дв.“)	
„ „ „ на франц. язык („Ист. махн. движ.“)	
„ „ „ (журнал. статьи)	
Переписка на машинке нем. и франц. переводов	
Выдано Ком. заш.	
Издание „Гонимый“ на немец. яз.	
Граница	
Специальн. расх. по делу Бол. (за счет сев.-ам. ф.)	
Разное (почт. расх., письм. принадл., книги и пр.)	

Итого расхода

Остаток кассы на 1 окт. 1923 г.

Франц. франки	Швейц. франки	Итал. лиры	Доллары	Аргент. пезы	Болг. левы	Австр. кроны	Немецкие марки
100	9	100	244 50	593	740	165,000	6,092,197,20
100	—	—	10	80	—	—	—
—	4	—	—	530	—	165,000	81,697,20
—	—	—	1	—	—	—	6,000,000,—
—	—	—	1	—	—	—	10,000,—
—	—	—	1	—	—	—	—
—	—	—	—	50	—	—	—
—	—	—	—	100	—	—	500,—
—	—	—	—	20	—	—	—
—	—	—	—	5	—	—	—
—	—	—	—	40	—	—	—
100	—	—	—	20	—	—	—
—	—	—	24	28	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	—
—	5	100	216 50	15	160	—	—
100	9	100	244 50	593	740	165,000	6,092,197,20
100	—	—	10	80	—	—	—
—	—	—	7	—	50	—	—
—	—	—	9	20	—	—	4,000,—
—	—	—	30	—	—	—	—
—	—	—	34	71	—	—	2,000,—
—	—	—	18 50	31	—	—	2,000,000,—
—	—	—	2	5	—	—	—
—	—	—	5	—	—	—	—
—	—	—	12	—	—	—	—
—	—	—	7	2	—	—	—
—	—	100	41	30	—	—	—
—	9	—	14	—	—	—	—
—	—	—	18	—	—	—	—
—	—	—	8	—	—	—	—
—	—	—	15	—	—	—	—
—	—	—	3	—	—	—	—
—	—	—	10	—	200	—	—
—	—	—	1	5	—	—	3,000,000,—
100	9	100	244 50	244	250	—	967,129,20
—	—	—	—	349	490	165,000	5,973,129,20
—	—	—	—	—	—	—	119,068,—

Отчет по делу помощи заключенным махновцам будет помещен в следущ. № „А. В.“ или в „Амер. Изв.“

Владимир, Волгин, Горбунов.